

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА
ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ**

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Том 16 № 2 2018

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-2

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Научный журнал
Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61213 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н., доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. — действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета (Россия, Белгород)

Бальхина Т.М. — академик МАНПО, вице-президент РОПРЯЛ, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Вальтер Харри — член Президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор университета им. Эрнста Морица Арндта института славистики, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов (Германия, Грайвсвальд)

Гаврилина М.А. — доктор педагогики, профессор, профессор Латвийского Университета (Латвия, Рига)

Дейкина А.Д. — заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка института филологии Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Дэн Дэвидсон — почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа (США, Вашингтон)

Загоровская О.В. — председатель совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета (Россия, Воронеж)

Маслова В.А. — член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь, Витебск)

Мокиенко В.М. — действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗа», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета (Россия, Санкт-Петербург)

Перотто Моника — PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета (Италия, Болония)

Протасова Е.Ю. — доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт Отделения языков Гуманитарного факультета Хельсинкского университета (Финляндия, Хельсинки)

Рафаэль Гусман Тирадо — член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета (Испания, Гранада)

Рацибурская Л.В. — действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Рязанова-Кларк Лара — член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением Эдинбургского университета, академический директор Российского центра княгини Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте» (Великобритания, Эдинбург)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Facebook, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов» был создан в 1993 году. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания» вышла в свет в 2003 году. На протяжении двадцати лет журнал публиковал статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований в области лингвистики, анализа текста, лингвокультурологии, методики преподавания языкам и т.д.

В настоящее время тематика журнала охватывает актуальные вопросы филологии: лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, текстоведение, лингводидактика, этнометодика, методика обучения иностранным языкам и их преподавания). Увеличено количество тематических рубрик. Публикуются результаты научных исследований по вопросам изучения русского языка (как родного, неродного, иностранного), иностранных языков.

Цель журнала — создание научно-методической площадки для обмена мнениями российских и зарубежных ученых в области изучения и преподавания русского и иностранных языков по актуальным вопросам формирования межкультурного, языкового, образовательного пространства.

Основные задачи журнала:

- актуализация проблем изучения русского языка и методики его преподавания в школе и вузе;
- рассмотрение вопросов современной зарубежной лингвистики и методики преподавания языков;
- презентация медиадидактических и электронных средств обучения в межкультурном пространстве;
- знакомство с новыми лингводидактическими и педагогическими технологиями;
- представление методических проектов.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 10.02.00 — Языкознание; 10.02.01 — Русский язык; 10.02.19 — Теория языка; 13.00.00 — Педагогическая наука; 13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

К сотрудничеству приглашаются российские и зарубежные ученые в области русского и иностранных языков.

Редактор: *М.П. Малахов*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии журнала:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.university

Подписано в печать 07.05.2018. Выход в свет 21.05.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 9,35. Тираж 500 экз. Заказ № 451. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES RESEARCH AND TEACHING

LINGVOCULTUROLOGY: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

VOLUME 16 NUMBER 2 2018

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-2

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Shaklein V.M. Member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia), Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Member of Presidential Russian Language Council

ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-CHIEF

Sirelchuk E.N. Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

EDITORIAL BOARD

Alefirenko N.F. — full Member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University (Russia, Belgorod)

Balykhina T.M. — member of the International Teacher's Training Academy of Science (MANPO), Vice-President of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)

Deikina A.D. — Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University (Russia, Moscow)

Den Davidson — president Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC) American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, Phd in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College (USA, Washington)

Gavrilina M.A. — Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Lithuanian University (Lithuania, Riga)

Maslova V.A. — member of the Presidential Board Of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus, Vitebsk)

Mokienko V.M. — full member of European Society of Phraseologists "EUROPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint-Petersburg University (Russia, Saint-Petersburg)

Perotto Monica — PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and associate professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University (Italy, Bologna)

Protasova E.Yu. — Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University (Finland, Helsinki)

Rafael Guzman Tirado — member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University (Spain, Granada)

Ratsiburskaya L.V. — full member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Nizhegorodskiy State University (Russia, Nizhniy Novgorod)

Ryazanova-Clarke Lara — member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context" (Great Britain, Edinburgh)

Walter Harry — member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, professor of the Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists (Germany, Greifswald)

Zagorovskaya O.V. — chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University (Russia, Voronezh)

**RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES
RESEARCH AND TEACHING.**
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

The scientific journal "Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia" has been published since 1993. The first issue of the series "RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching" came in 2003. The journal has published the results of fundamental and applied research in linguistics, text analysis, cultural studies, methods of teaching languages, etc. for 20 years.

Now the themes of the journal include actual problems of philology: linguistics, psycholinguistics, cultural studies, country studying, intercultural communication, text studying, linguodidactics, ethnomethodics, methods of teaching learning foreign languages. The number of the journal columns has increased. The journal publishes the results of scientific research in teaching Russian (as a native, non-native and foreign language) and other languages.

The aim of the journal is to create a scientific and methodical forum where Russian and foreign scientists could exchange their views on learning and teaching Russian and foreign languages, on actual problems of intercultural, linguistic and educative environment.

The main tasks of the journal are as follows:

- to point out the problems of learning and teaching Russian at school and university;
- to discuss the questions of modern foreign linguistics and methods of teaching languages;
- to present electronic means of education in intercultural environment;
- to get acquainted with new linguodidactic and pedagogic technologies;
- to show methodical projects.

The authors can present scientific articles (theoretical, academic and research, scientific and methodical), reviews, critical reviews, annotations, reports about Russian and foreign scientists.

The journal is on the list of journals reviewed by Higher Attestation Commission for presenting the results of doctorate thesis. Young scientists can publish their articles in the column "The page of a young researcher".

The journal has an international status which is provided by the editorial board and reviewers (famous scientists from international academies and universities in Russia, the USA, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain).

Editor *M.P. Malakhov*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series "Russian and foreign languages.

Methods of its teaching":
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-07-45;
e-mail: rusforeignlangjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

- Ашчи М., Мухаммад Л.П., Татарина Н.В.** (*Турция, Трабзон; Россия, Москва*) Межкультурная коммуникация как компонент антропологической лингводидактики..... 143
- Карасик В.И.** (*Россия, Волгоград*) Осмысление гордости в русской и английской лингвокультурах 157
- Маслова В.А.** (*Беларусь, Витебск*) Основные тенденции и принципы современной лингвистики 172
- Федотова Н.Л., Миллер Л.В.** (*Россия, Санкт-Петербург*) Особенности адаптации иностранных студентов к русской лингвокультурной и образовательной среде..... 191

СТРАНИЧКА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

- Гаспарян Н.К.** (*Россия, Калининград*) Репрезентация концептов «родина» и «հայրենիք» (на материале русских и армянских паремий)..... 207
- Прохорова А.В.** (*Россия, Белгород*) Биполярность концепта «жизнь/смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева..... 224

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- Рудакова А.В.** (*Россия, Воронеж*) Иосиф Абрамович Стернин: Ученый, Учитель, Человек... 242

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ

- Чернева Н.П.** (*Болгария, Пловдив*) Рецензия на книгу Московкина Л.В., Шамониной Г.Н. Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному / под ред. Л.В. Московкина. М.: Русский язык. Курсы, 2017. 144 с. 248

CONTENTS

LINGVOCULTUROLOGY: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

- Aschi M., Muhammad L.P., Tatarinova N.V.** (*Trabzon, Turkey; Moscow, Russia*) Intercultural communication as anthropological linguodidactics component 143
- Karasik V.I.** (*Volgograd, Russia*) Linguistic conceptualization of pride in Russian and English cultures 157
- Maslova V.A.** (*Vitebsk, Belarus*) The Main Trends and Principles of Modern Linguistics 172
- Fedotova N.L., Miller L.V.** (*Petersburg, Russia*) Features of adaptation of foreign students to the Russian linguo-cultural and educational environment 191

THE PAGE OF A YOUNG SCIENTIST

- Gasparian N.K.** (*Kaliningrad, Russia*) The Representation of the Concept “Home/Fatherland” (Based on Russian and Armenian Proverbs) 207
- Prochorova A.V.** (*Belgorod, Russia*) The bipolarity of the concept “life/death” in the discursive space of early stories by Leonid Andreyev 224

OUR ANNIVERSARIES

- Rudakova A.V.** (*Voronezh, Russia*) Joseph Abramovich Sternin: Scientist, Teacher, Person... 242

CHRONICLE. BOOK REVIEWS

- Cherneva N.P.** (*Plovdiv, Bulgaria*) Review of the book Moskovkina L.V., Shamonina G.N. “Productive innovative technologies in teaching Russian as a foreign language” 248

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-143-156

УДК 81.243

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

М. Ашчи, Л.П. Мухаммад, Н.В. Татарина

Караденизский технический университет

Турция, 61080, Трабзон

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Проблематика данного исследования связана с учетом национально обусловленных черт личности иностранного учащегося при моделировании межкультурного учебного общения на принципах антропологической лингводидактики. *Актуальность* работы состоит в определении критериев моделирования межкультурного учебного общения применительно к турецким учащимся начального этапа обучения (уровни А0—А2). *Цель работы* — использовать возможности антропологической лингводидактики применительно к учебной межкультурной коммуникации, выделить центр и периферию в коммуникативном пространстве турецких учащихся, изучающих русский язык в целях поступления на филологические факультеты российских вузов. В качестве *основного метода* исследования авторы выделяют метод конструирования обучающей модели на принципах и положениях антропологической лингводидактики. *Материалом* исследования стал реально протекающий в аудитории турецких учащихся учебный процесс по изучению по русскому языку, а также видео- и аудиозаписи данного процесса. *Новизна* исследования заключается в том, что учебная межкультурная коммуникация рассматривается с позиции современной методической науки — антропологической лингводидактики. *Теоретическая* значимость работы состоит в построении модели учебной межкультурной коммуникации с определением *центра* и *периферии* применительно к турецким учащимся подготовительного факультета. В исследовании *выявлен* определенный минимум личностных свойств турецких учащихся, существенно влияющих на их учебную межкультурную коммуникацию в ранние периоды их пребывания *в условиях российских вузов*. Данная работа позволяет сделать *вывод* о *перспективности* дальнейшего изучения учебной межкультурной коммуникации с позиции антропологической лингводидактики.

Ключевые слова: антропологическая лингводидактика, подготовительный факультет, межкультурная коммуникация, турецкие учащиеся, модель обучения, центр и периферия учебного процесса

Введение

Проблематика данного исследования связана с необходимостью оптимизировать учебное межкультурное общение (межкультурную коммуникацию) иностранных учащихся за счет ресурса современной антропологической лингводидактики (Леонтьев, 2001; Мухаммад, 2003).

Предмет исследования — модель учебной межкультурной коммуникации с учетом основных принципов и положений современной антропологической линг-

водидактики применительно к турецким учащимся, начинающим изучать русский язык (РЯ) на подготовительном факультете.

Актуальность работы состоит: 1) в изучении особенностей турецкой языковой личности (ЯЛ), существенным образом влияющих на ее межкультурное учебное общение в условиях России/российских вузов; 2) в определении критериев моделирования успешного межкультурного общения/учебного общения; 3) в потребности современной лингводидактики, в частности, методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ), в эффективной обучающей модели применительно к подготовительному факультету в условиях России.

Методологической основой для построения авторской модели служат уже многократно апробированные в учебной аудитории коммуникативно-деятельностные методики (в их инвариантной модели) как «наследницы» педагогической антропологии К.Д. Ушинского, а также антропологически заданной психологии Л.С. Выготского и его учеников (см. об этом в работе: Леонтьев, 2001). В качестве основного варианта заявленных методик авторы выбирают вариант, предложенный А.А. Леонтьевым и Л.П. Мухаммад (Леонтьев, 2001; Мухаммад, 2003), поскольку:

1) данный вариант базируется на положении о том, что учащиеся обучаются *не столько языку, сколько общению на данном языке* (Зимняя, 1989; Леонтьев, 2001; Митрофанова, Костомаров [и др.], 1990; Азимов, Шукин, 2009 и т.д.). Причем общение в данных методиках рассматривается прежде всего как *речевое/коммуникативное взаимодействие его участников: адресанта и адресата* (там же). А поскольку основными участниками данного, учебного, взаимодействия (общения/коммуникации) являются иностранные (в нашем случае — турецкие) учащиеся и российский преподаватель (или автор текста/текстов), следовательно, данное *общение* вправе называть *межкультурное общение, или, если брать шире — межкультурная коммуникация* (Зимняя, 1989; Леонтьев, 2001; Азимов, Шукин, 2009; Гузикова, Фофанова, 2015 и т.д.);

2) методики, осуществляющие учебное общение (учебную коммуникацию) в соответствии с данным вариантом (по его вариативным моделям), построены на следующих взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга принципах: *антропологическом; когнитивном; коммуникативном* (Леонтьев, 2001; Мухаммад, 2003). Реализация этих принципов в соответствующих трех аспектах и составляет **центр** («сердцевину») современной **антропологической лингводидактики**. Как полагают авторы, моделирование учебной межкультурной коммуникации на основе достижений современной антропологической лингводидактики на сегодняшний день способно оптимизировать учебное межкультурное общение (межкультурную коммуникацию) на подготовительном факультете и, следовательно, обеспечить подготовку большинства турецких учащихся к учебной деятельности на основных факультетах российских вузов.

Цель

Цели работы — использовать возможности антропологической лингводидактики применительно к учебной межкультурной коммуникации на подготовитель-

ном факультете; выделить центр и периферию в коммуникативном пространстве турецких учащихся, изучающих РЯ как средство учебно-профессионального общения в условиях российских вузов.

Материалы и методы

Методы исследования: 1) методы теоретического характера: дедуктивный, метод анализа и синтеза, моделирование; 2) методы практического характера: наблюдение за аудиторной и внеаудиторной межкультурной коммуникацией, интервьюирование, обобщение личного практического опыта в учебной аудитории, интроспекция, опрос учащихся, беседы с учащимися и преподавателями.

В качестве *практических материалов исследования* послужили: видео- и аудиозаписи аудиторного и внеаудиторного общения турецких учащихся как в условиях Турции, так и в условиях России.

Методика исследования.

1. *Выявление проблемы и определение стратегии исследования:* опыт работы авторов в учебной аудитории иностранных/турецких учащихся показал, что наиболее эффективным вариантом коммуникативно-деятельностной методики является вариант, учитывающий учебное межкультурное общение, управляемое, с одной стороны, личностью иностранного учащегося, с другой — личностью преподавателя-профессионала. В этом, безусловно, заслуга коммуникативно-деятельностных методик обучения, опирающихся на такое качество личности, как его *субъектность* (Гальперин, 1966; Зимняя, 1989; Леонтьев, 2001; Азимов, Щукин, 2009; Чайлак, Мухаммад, 2016). В отношении же турецких учащихся данные методики работают лишь частично, поскольку данные учащиеся (в своем большинстве) с трудом управляют своим непосредственным (контактным) общением, или на том или ином этапе осуществления коммуникативного акта психологически «отключаются», «выпадают» из него (Ашчи, 2012; Чайлак, Мухаммад, 2016). Все это происходит из-за специфической турецкой *экстравертивности*, в принципе мешающей данным учащимся осуществить успешный коммуникативный акт, тем более в условиях подготовительного факультета, требующего от учащегося значительного напряжения психической и интеллектуальной энергии при подготовке к будущим экзаменационным испытаниям.

2. *Изучение специальной литературы и построение модели:* изучение специальной литературы (прежде всего психолого-педагогического характера) (Выготский, 1956; Восприятие, 1976; Зимняя, 1989; Антология, 1990; Юнг, 2008 и т.д.) показало, что решение задач по гармонизации личности/ЯЛ экстравертивных учащихся (прежде всего учащихся холерического темперамента) возможно в рамках антропологической лингводидактики, которая, по определению, пользуется наработками педагогической и психологической антропологии) (Выготский, 1956; Восприятие, 1976; Зимняя, 1989; Антология, 1990; Леонтьев, 2001 и т.д.).

Результаты

Пилотажное исследование, основанное на предварительном моделировании учебного общения применительно к определенному, турецкому, контингенту под-

твердило эффективность обучающей модели, основанной на принципах антропологической лингводидактики. Исследование этнокультурно обусловленных особенностей аудиторного и внеаудиторного общения турецких учащихся, выделение признаков и параметров, способствующих (или тормозящих) развитию умений общения турецкого учащегося (его межкультурной коммуникации), позволил построить эффективную развивающую систему формирования у данных учащихся личностных (когнитивно-коммуникативных) структур, позволяющих им осуществлять успешный коммуникативный акт.

Обсуждение

Решение проблем повышения эффективности учебного общения (учебной коммуникации) на подготовительном факультете в лингводидактике, в частности, в методике преподавания РКИ, было актуальным во все периоды становления и развития данной науки. Особенные надежды на решение этих проблем, по праву, возлагались на коммуникативно-деятельностные методики, имеющие под собой верифицированную методологическую базу, а также солидное психолингвистическое обоснование (Зимняя, 1989; Митрофанова, Костомаров [и др.], 1990; Костомаров, Бурвикова, 1997; Азимов, Щукин, 2009). Тем не менее, в рамках традиционных моделей реализации коммуникативно-деятельностных методик до сих пор не разрешены, как минимум, следующие проблемы.

Проблемы теоретического характера: слабо используется потенциал: 1) отечественной педагогической антропологии (Выготский, 1956; Антология, 1990); 2) отечественных психологов, предложивших модели по реализации когнитивной составляющей антропологической педагогики/лингводидактики (Выготский, 1956; Восприятие, 1976; Зимняя, 1989; Леонтьев, 2001 и т.д.); 3) современных лингводидактических работ, предлагающих *интегративные модели* обучения общению (межкультурной коммуникации) на РКИ (Мухаммад, 2003).

Проблемы практического характера вытекают не только из недостаточного внимания к решению обозначенных ранее проблем теоретического характера, но также из недостаточно глубокого понимания *методологии коммуникативно-деятельностных* методик обучения. Например, советская/российская психолингвистическая, нейролингвистическая и лингводидактическая наука на базе основательно продуманных исследований предлагает профилактику ошибок межкультурной коммуникации уже на *ориентировочной стадии* учебной деятельности (т.е. на ранней стадии осуществления коммуникативного акта), что способствует значительному уменьшению данных ошибок на *исполнительной стадии* данной деятельности, а также их ликвидации на *уровне самоконтроля* (Гальперин, 1966; Зимняя, 1989; Леонтьев, 2001 и др.). Тем не менее, во многих *коммуникативных* практиках и до сегодняшнего дня данная профилактика/исправление ошибок не проводится: преподаватели ссылаются на то, что исправление ошибок мешает коммуникации (не задумываясь о том, что именно ошибки и есть препятствующий фактор понимания при общении).

В особенности обозначенные проблемы касаются иностранных учащихся/турецких учащихся, отличающихся от обычного «среднего» учащегося по тем или

иным этнокультурно заданным свойствам. И таких иностранных (в том числе и турецких) учащихся, требующих к себе особого внимания, с каждым годом в Россию приезжает все больше.

Насколько авторам представляется, отечественная образовательная система на сегодняшний день выработала, с одной стороны, методики «инклюзивного» образования, с другой — замечательные, уникальные, педагогические стратегии «эксклюзивного» образования. При этом заметим, что все эти методики, безусловно, восходят к методикам педагогической и психологической антропологии (Выготский, 1956; Антология, 1990; Леонтьев, 2001 и т.д.). Некоторые компоненты указанных методик, как полагают авторы, по праву включены (или могут быть включены) в современную антропологическую лингводидактику, а следовательно, и гуманистически ориентированную модель обучения общению на РКИ (Леонтьев, 2001; Мухаммад, 2003).

«Выросшая» из философской, педагогической и психологической антропологии (Vuber, 1954; Выготский, 1956; Natanson, 1962; Collins, 1985; Антология, 1990) современная антропологическая лингводидактика (Костомаров, Бурвикова, 1997; Леонтьев, 2001; Мухаммад, 2003) в центр образовательной системы ставит, прежде всего, **личность учащегося** (там же). Все остальное, связанное с обучением и развитием данной личности — является «производным» ее «эго-самости» (Выготский, 1956; Антология, 1990; Леонтьев, 2001; Юнг, 2008 и т.д.).

Безусловно, неотъемлемой составляющей личности/ЯЛ является и ее экзистенциальная потребность в *общении* (как в условиях учебного процесса, так и за его пределами) (Collins, 1985; Бахтин, 1986; Леонтьев, 2001). Однако как показывает практика, потребность в *общении*, а тем более, в *межкультурном общении* (коммуникации) далеко не всегда обеспечена умениями данного общения (Ашчи, 2012; Чайлак, Мухаммад, 2016). В этой ситуации весьма плодотворную роль может сыграть антропологическая лингводидактика, поскольку реализация ее главного принципа (антропологического) предполагает прежде всего реализацию **экзистенциальных** потребностей личности (Бахтин, 1986; Мухаммад, 2003), а именно, *потребности в общении* и *потребности в уединении* (там же). Исходя из необходимости реализации антропологического принципа личность/ЯЛ учащегося (с учетом прежде всего ее экзистенциальных потребностей) становится *центром*, *исходным компонентом* обучающей модели. Однако данное положение антропологической лингводидактики остается всего-навсего теоретической «выкладкой», если оно не подкреплено практикой учебного общения (учебной межкультурной коммуникации). *Пример* межкультурного общения турецких учащихся в условиях российских вузов.

Как показали результаты авторского практического исследования, примерно треть турецких учащихся (особенно мужского пола), страстно и искренне желая осуществить при общении/межкультурном общении свой *субъектный статус* и достичь успехов, тем не менее, не могут его осуществить по следующим причинам:

1) из-за отсутствия в когнитивных структурах личности/ЯЛ турецкого учащегося (в его языковом сознании) моделей коммуникации, обеспечивающих достижение планируемого результата. При этом следует отметить, что турецкие

учащиеся в достаточной степени прагматичны и знают, чего хотят. Однако в большинстве случаев их желания не оформлены в понятиях, способствующих достижению результата, т.е. в понятиях цели и задач коммуникации. Иногда эти желания остаются на уровне мечты;

2) даже при условии, что у учащегося имеется определенный запас моделей общения, а также он обладает коммуникативными стратегиями их осуществления, на практике (и потенциально, и реально) он делает множество ошибок на всех уровнях осуществления коммуникативного акта: *на уровне ориентировки*: у данного учащегося недостаточно развито произвольное внимание и он, в связи с этим, теряет часть информации, которую предоставляет ему партнер по общению; данная потеря информации зачастую весьма негативно сказывается на его коммуникации, на решении коммуникативных задач; *на уровне исполнения*: турецкий учащийся всегда настроен быстро решить проблему, образно говоря, в исполнении своего коммуникативного акта такой учащийся буквально «несется вперед» и стремится скорее освободиться от «навалившихся» на него (как он думает) проблем; зачастую, включаясь в действие, он сначала делает, а затем думает, досадно «исправляя» свои ошибки «задним числом»; *уровень контроля* (контроля со стороны) данный учащийся переносит с трудом (или вообще не переносит), а уровня самоконтроля он достигает (если ему не помочь) в редких случаях (Ашчи, 2012 и др.);

3) несмотря на то, что турецкие учащиеся обладают сильной мотивацией для достижения успехов в учебно-профессиональном общении (в получении хорошей, престижной профессии), многие из них, тем не менее, в силу своего прежнего жизненного опыта, как авторам представляется, «заглушили» в себе экзистенциальную, интровертивную, потребность в уединении. Как следствие — у данных учащихся наблюдается нежелание оставаться наедине с собой, неумение работать самостоятельно, что лишает их возможности продуктивно заниматься творчеством.

Кроме этих «проблемных» свойств языковой личности турецких учащихся в их общении авторы обнаружили и много положительного, того, что «призвано» *нейтрализовать* негативный эффект их коммуникации (как контактной, так и дистантной):

1) турецкие учащиеся в своем большинстве добры, настойчивы, готовы прийти на помощь в трудной ситуации;

2) данные учащиеся любят, когда их назначают «старшими» группы, и в этой ситуации ответственно относятся к своим обязанностям. Любят быть в центре внимания, выступать в роли «звезды», и хотя при этом они ревностно относятся друг другу, тем не менее, в целом, они честны и дружелюбны;

3) почитают «авторитет» (в том числе руководство и преподавателя) и с радостью готовы выполнять порученное им дело;

4) ошибки исправляют, но не любят, когда им публично указывают на них. Особенно не любят (и не считают нужным) приносить извинения;

5) при решении когнитивно-коммуникативных задач опираются на левое полушарие, т.е. на аналитические способы постижения «пространства», при этом из-за отсутствия достаточной информации зачастую «двигаются» в неправильном

направлении. Однако при этом, в большинстве случаев, у них срабатывает хорошо развитая природная интуиция, выступающая в качестве «корректирующего» фактора;

б) в общении и речевой деятельности турецких учащихся весьма важное место занимает эстетическая составляющая: они любят и ценят все красивое, в том числе и искусство;

7) поскольку турецкие учащиеся в своем большинстве экстраверты, они активно участвуют во всех запланированных и незапланированных мероприятиях, а также хотят исполнять первые роли в этих мероприятиях.

Решение этих проблем, связанных с межкультурной коммуникацией турецких учащихся (особенно на начальном этапе их общения/учебного общения на РЯ), безусловно, связано с решением многих проблем современного подготовительного факультета.

Из затрагиваемых в исследовании проблем и способов их решения применительно к иностранным/турецким учащимся подготовительного факультета наиболее актуальны и дискуссионны, на взгляд авторов, следующие:

— *подход к формированию контингента* учащихся на современных подготовительных факультетах;

— *способы решения учебно-профессиональных задач подготовительных факультетов*, касающиеся *учебного материала*;

— *способы решения учебно-профессиональных задач подготовительных факультетов*, касающиеся *формирования умений общаться и достигать планируемых результатов в общении как деятельности* (в особенности в основной для учащихся сфере общения — в учебно-профессиональной сфере).

Так, насколько авторам известно, теоретическая установка современной лингводидактики «на общение» (Зимняя, 1989; Митрофанова, Костомаров [и др.], 1990; Леонтьев, 2001; Азимов, Шукин, 2009 и т.д.), в целом, остается только на бумаге. В реальном учебном общении (из-за напряженности учебного процесса по подготовке учащихся к сдаче тестов) свой *субъектный* статус реализует только преподаватель. Студент же (в том числе и турецкий студент), лишенный этого статуса на всем протяжении учебно-профессиональной «деятельности», вместе с этим лишен и возможности тренировать свои способности в общении: производить выбор, корректировать поведение, особенно в тех ситуациях, которые обнаруживают «не идентичность» культур «контактирующих языков» (Ашчи, 2012 и др.).

Как полагают авторы статьи, необходимость осуществления базового, антропологического, принципа позволит методисту/преподавателю поставить весь, описанный ранее, процесс обучения общению (коммуникации) с головы — на ноги, а именно, пойти в общении не от себя, а от личности учащегося как партнера по общению (коммуникации).

Подчеркнем, главной *экзистенциальной* (жизненно важной) потребностью турецкого учащегося желаемая потребность в таком учебно-профессиональном общении, которое обеспечит ему достижение цели пребывания в России: поступление в вуз, а также успешную учебно-профессиональную деятельность в рамках данного вуза. В связи с этим антропологическая лингводидактика призывает

склониться к мнению тех методистов (ученых и практиков), которые считают, что обеспеченный современными методиками подготовительный факультет по своей функции призван помочь иностранным/турецким учащимся не только в языковом плане, но прежде всего в плане учебно-профессионального общения; на подготовительном факультете к выделенным формальным единицам (Требования..., 2015; Лингводидактическая программа..., 2017) следует относиться как к инструменту, способному/не способному обеспечить экзистенциальные потребности учащихся; в начальный период обучения иностранных/турецких учащихся РЯ преподаватель в принципе должен воспользоваться предоставленной ему уникальной возможностью реального межкультурного общения (реальной межкультурной коммуникации). Именно от мастерства преподавателя, его методической оснащенности (в некоторых случаях даже развитой интуиции) зависит, смогут ли эти два участника, старший (преподаватель) и младший (учащийся), воспользоваться данной возможностью. Эта возможность появляется с самых первых дней усвоения учащимся единиц общения на неродном языке. Так, преподаватель-профессионал входит в аудиторию и говорит: «Добрый день!», — и учащиеся понимают, что преподаватель произнес слова приветствия. Преподаватель здоровается индивидуально с каждым учащимся, и учащийся понимает, что ему нужно ответить. В случае с весьма общительными, интерактивными, догадливыми турецкими учащимися такая методика — наиболее эффективна. И здесь, в первый период обучения, в коммуникацию включены самые различные ее средства: от невербальных средств устной речи — через графические — к вербализованным, вполне полноценным, высказываниям. Так, шаг за шагом, востребованное коммуникацией слово становится действенным орудием, помощником турецкого студента в его настоящей межкультурной коммуникации. Благодаря слову, его ситуационно обусловленной форме турецкий студент буквально на глазах вырастает из «младшего» участника коммуникации — в «старшего», управляя своим межличностным общением и реализуя свои экзистенциальные (прежде всего коммуникативные) потребности.

Сложнее (но преодолимее) у «начинающего» турецкого учащегося обстоит дело с реализацией его «приглушенной» экзистенциальной потребности в уединении. До своей потребности в уединении как возможности реализовывать свою субъектность в совершении творческих актов деятельности турецкий учащийся может «достучаться» не сразу. И на первых порах учебного общения в аудитории преподавателя-мастера он даже не догадывается, что уже начал делать «первые шаги» в этом направлении. Так, например, его соседка по учебе (например, турецкая девушка) тут же, на занятии, самостоятельно (по модели) подготовила замечательный рассказ о своей группе. В этой ситуации ревностно относящийся к «лидерству» турецкий юноша-экстраверт обязательно заставит себя в условиях аудитории уединиться на 2—3 мин и так же, самостоятельно, подготовиться к публичному выступлению. В данный момент этот юноша и не подозревает, что за этими 2—3 мин последуют аудиторные 5—7 мин... и, наконец, он сможет и дома работать самостоятельно и выполнять, непременно, творческие коммуникативные задания.

Ранее на примере первых дней межкультурной коммуникации в аудитории «начинающих» турецких учащихся было показано, что в процессе изучения РЯ у этих учащихся появляется шанс не только приобрести модели успешного общения на языке, но и скорректировать свои *личностные* свойства таким образом, чтобы они, в дальнейшем, помогли им в общении/в учебно-профессиональном общении. Авторские опросы турецких учащихся, прошедших школу коммуникации по предлагаемой методике, показывают, что усвоенные сведения помогают им успешно общаться и осуществлять профессионально ориентированную деятельность сначала — на РЯ, а затем уже и на турецком.

Перспектива данного исследования состоит в разработке методик обучения межкультурному общению (межкультурной коммуникации) в каждый из выделяемых на современном этапе периодов учебного процесса (периодов, формирующих коммуникативную компетенцию уровней А1, А2 и В1). Практика показывает, что обучение в каждый из этих периодов имеет свою, особую, специфику. И у антропологической лингводидактики применительно к обозначенным периодам — широкое («непаханное») поле деятельности. Например, какую методическую стратегию должна осуществлять антропологическая лингводидактика в период, называемый «*периодом выживания*» иностранного/турецкого учащегося, и какой смысл вкладывает данная наука в термин «*выживание*» применительно к турецким учащимся подготовительного факультета. Или в чем состоит особенность межкультурной коммуникации в последний период обучения РЯ иностранных/турецких учащихся на подготовительном факультете российского вуза. Решение всех этих вопросов с позиции современной антропологической лингводидактики, безусловно, представляет как теоретическую, так и практическую ценность.

Заключение

Рассматривая учебную межкультурную коммуникацию турецких учащихся с позиции антропологической лингводидактики, авторы считают следующее:

1) реализация принципов данной науки весьма актуальна именно в условиях подготовительных факультетов российских вузов;

2) с точки зрения антропологической лингводидактики *центр* учебного межкультурного общения турецких учащихся подготовительного факультета составляет учебно-профессиональная сфера общения, а *периферию* — обиходно-бытовая и социально-культурная сферы. Единицы общения данных сфер приобретают особую важность, если они: а) способны выступать в качестве единиц, *интегрирующих* когнитивно-языковую архитектуру личности/ЯЛ турецкого учащегося; б) помогают турецкому учащемуся нейтрализовать «негативные качества» экстраверсии и сформировать проактивность как способность реализовать коммуникативный акт по оптимальным параметрам; в) представляют личностный интерес для учащегося;

3) помимо реализации в учебном процессе выделенных авторами принципов антропологическая лингводидактика в разной степени привлекает также и достижения а) методик «инклюзивного образования», помогающих турецким уча-

щимся гармонизировать личностные свойства в процессе общения; б) методик «эксклюзивного образования», предусматривающих развитие экзистенциальной потребности в творчестве, в самореализации, в формировании чувства самоуважения и уважения к партнеру по общению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
- Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX в. / сост. П.А. Лебедев. М.: Педагогика, 1990. С. 38—114, 214—253.
- Ашчи М.* Русский родительный падеж с позиций носителя турецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 221 с.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Изд-во «Искусство», 1986. С. 250—296.
- Восприятие и деятельность / под ред. А.Н. Леонтьева. М.: МГУ, 1976. 318 с.
- Вygотский Л.С.* Избранные психологические исследования. Мышление и речь. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. 519 с.
- Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / Исследования мышления в советской психологии: сб. ст. Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1966. С. 236—280.
- Гузикова М.О., Фофанова П.Ю.* Основы теории межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 124 с.
- Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989. 220 с.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Антропологический принцип как перспектива в развитии лингвострановедения / Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. М., 1997. С. 8—12.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Воронеж, 2001. 448 с.
- Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: элементарный уровень (А1), базовый уровень (А2), первый сертификационный уровень (В1): учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 050300 Филологическое образование. 2-е изд., перераб. и доп. / З.И. Есина [и др.]. М.: РУДН, 2017. 185 с.
- Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г., Вятюннев М.Н., Сосенко Э.Ю., Степанова Е.М.* Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 269 с.
- Мухаммад Л.П.* Интегративная модель обучения рецептивным видам речевой деятельности студентов-нефилологов (начальный и средний этапы обучения). М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003. 578 с.
- Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль. 3-е изд. / Н.П. Андрияшина, Г.А. Битехтина, Т.Е. Владимирова [и др.]. СПб.: Златоуст, 2015. 64 с.
- Чайлак Х., Мухаммад Л.П.* Интерактивные особенности языковой личности и проблема функционирования механизмов антиципации в процессе работы с текстом // “Avrasya Uluslararası Ara tırmalar Dergisi”. 2016. № 8. С. 31—50.
- Юнг К.Г.* Психологические типы. М.: АСТ, 2008. 761 с.
- Vuber M.* Quen es el Hombre? Mexico, 1954. P. 20—21.

Collins S. *The Category of the Person*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 73.

Natanson M. *Existential categories in Contemporary Literature // Literature, philosophy and the Society*. Hague, 1962. P. 119–120.

© Ашчи М., Мухаммад Л. П., Татарина Н.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22.11.2017

Дата принятия к печати: 10.01.2018

Для цитирования:

Ашчи М., Мухаммад Л. П., Татарина Н.В. Межкультурная коммуникация как компонент антропологической лингводидактики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 143–156. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-143-156

Сведения об авторах:

Мурат Ашчи, кандидат филологических наук, заведующий отделением русского языка и литературы Караденизского технического университета. *Сфера научных интересов:* преподавание русского языка как иностранного, родительный падеж, описательный текст, виды глаголов. *Контактная информация:* kutuzov2005@yahoo.com

Мухаммад Людмила Петровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры РКИ подготовительного факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. *Сфера научных интересов:* межкультурная коммуникация, языковая личность иностранного студента, текст и дискурс, языковая картина мира, национально ориентированная методика преподавания русского языка как иностранного. Автор более 70 научных публикаций. *Контактная информация:* ludmilamuh@mail.ru

Татарина Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, декан подготовительного факультета Государственного института русского язык им. А.С. Пушкина. *Сфера научных интересов:* методика преподавания русского языка как иностранного, культурологический компонент на уроках русского языка как иностранного, межкультурная коммуникация, диалог культур. Автор более 20 научных публикаций. *Контактная информация:* NVTatarinova@pushkin.institute

INTERCULTURAL COMMUNICATION AS ANTHROPOLOGICAL LINGUODIDACTICS COMPONENT

M. Aschi, L.P. Muhammad, N.V. Tatarinova

Karadeniz Technical University
Trabzon, 61080, Turkey

Pushkin State Russian Language Institute
6, Akademika Volgina str., Moscow, 117485, Russian Federation

The issue of the research is related to the account of nationally determined personality traits of a foreign student in the model of intercultural educational communication on the principles of anthropological linguodidactics.

The relevance of the work is in determining the criteria for modeling intercultural learning communication in relation to Turkish students of the initial stage of education (levels A0–A2). The result of this study is the creation of a personally oriented Russian language teaching model for Turkish students of the preparatory faculty. Unlike traditional models, the proposed model is built into the anthropological paradigm of constructing educational models, taking into account primarily the existential needs of the Turkish language personality, as well as the mechanisms of interaction of the individual in the process of educational intercultural communication.

The purpose of the work is to use the possibilities of anthropological linguodidactics in relation to intercultural communication, to identify the center and the periphery in the communicative space of Turkish students studying Russian language in order to enter the philological faculties of Russian universities.

As the main method of research, we distinguish the method of constructing a learning model based on the principles and provisions of anthropological linguodidactics; the latter also involves the extensive use of practical methods: observation of interpersonal communication in groups of Turkish students, interviewing, and generalization of communication experience in the classroom and beyond.

The material of the study is a real ongoing in the classroom of Turkish students learning process on the Russian language, as well as video and audio recordings of the process.

The novelty of the research lies in the fact that educational intercultural communication is considered from the perspective of modern methodological science — anthropological linguodidactics.

The theoretical significance of the work consists in the construction of a model of educational intercultural communication with the definition of the center and the periphery in relation to the Turkish students of the preparatory faculty. The construction of this model can help methodologists, theorists and teachers, practitioners optimally organize the learning process for the language training of Turkish students who intend to enroll in Russian universities.

The study revealed a certain minimum of personal properties of Turkish students, significantly affecting their educational intercultural communication in the early periods of their stay in the training of preparatory faculties of Russia. This work allows to draw a conclusion about the prospects of further study of educational intercultural communication from the perspective of anthropological linguodidactics.

Key words: anthropological linguistics, preparatory faculty, intercultural communication, Turkish students, the model of learning, the center and periphery of the educational process

REFERENCES

- Azimov, E.G., & Shchukin, A.N. (2009). *Novyi slovar metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodical terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: IKAR Publ. (In Russ).
- Ashchi, M. (2012). *Russkii roditel'nyi padezh s pozitsii nositelya turetskogo yazyka* [Russian genitive case from the positions of the carrier of the Turkish language] (Dis. kand. filol. nauk). Moscow. Publ. (In Russ).
- Bakhtin, M.M. (1986). Problema rechevykh zhanrov. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Problem of speech genres. *Aesthetics of verbal creativity*]. Moscow. Publ. (In Russ).
- Vygotskii, L.S. (1956). *Izbrannye psichologicheskie issledovaniya. Myshlenie i rech'* [Selected psychological research. *Thinking and speaking*]. Moscow: Izd-vo APN RSFSR Publ. (In Russ).
- Gal'perin, P.Ya. (1966). Psihologiya myshleniya i uchenie o poetapnom formirovanii umstvennykh deistvii. *Issledovaniya myshleniya v sovetskoj psichologii: Sbornik statei* [Psychology of thinking and the doctrine of the step-by-step formation of mental actions. *Research of thinking in Soviet psychology: Collection of articles*]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
- Guzikova, M.O., & Fofanova, P.Yu. (2015). *Osnovy teorii mezhkul'turnoi kommunikatsii: uchebnoe posobie* [Fundamental of the theory of intercultural communication: textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ. (In Russ).

- Esina, Z.I. and others. (2017). *Lingvodidakticheskaya programma po russkomu yazyku kak inostrannomu: elementarnyi uroven' (A1), bazovyi uroven' (A2), pervyi sertifikatsionnij uroven' (B1): uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po napravleniyu 050300 Filologicheskoe obrazovanie* [Linguodidactic program in Russian as a foreign language: elementary level (A1), basic level (A2), first certification level (B1): textbook for students of higher education institutions studying in the direction 050300 Philological education]. Moscow: RUDN Publ. (In Russ).
- Zimnyaya, I.A. (1989). *Psihologiya obucheniya nerodnomu yazyku* [Psychology of non-native language teaching]. Moscow: Russkii yazyk Publ. (In Russ).
- Kostomarov, V.G., & Burvikova, N.D. (1997). Antropologicheskii printsip kak perspektiva v razvitiilinguostranovedeniya [Anthropological Principle as a Perspective in the Development of Linguistic Studies]. *Russian as a Foreign Language: Linguistic Problems*. Moscow. (In Russ).
- Lebedev, P.A. (1990). *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Anthology of the pedagogical thought of Russia in the second half of the 20th century and the beginning of the 20th century]. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ).
- Leont'ev, A.A. (2001). *Yazyk i rechevaya deyatelnost' v obshchei i pedagogicheskoi psihologii* [Language and speech activity in general and pedagogical psychology]. Moscow: Voronezh Publ. (In Russ).
- Leont'ev, A.N. (1976). *Vospriyatie i deyatelnost'* [Perception and activity]. Moscow: MGU Publ. (In Russ).
- Mitrofanova, O.D., Kostomarov, V.G., Vyatyutnev, M.N., Sosenko, E.Yu., & Stepanova, E.M. (1990). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methodology of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russ).
- Muhammad, L.P. (2003). *Integrativnaya model' obucheniya retseptivnym vidam rechevoi deyatelnosti studentov-nefilologov (nachal'nyi i srednii etapy obucheniya* [Integrative model of learning receptive types of speech activity of non-philological students (initial and intermediate stages of training)] (Doctoral dissertation, Moscow). (In Russ).
- Andryushina, N.P., Bitekhtina, G.A., & Vladimirova, T.E. and others (2015). *Trebovaniya k Pervomu sertifikatsionnomu urovnyu vladeniya russkim yazykom kak inostrannym. Obshchee vladenie. Professional'nyi modul'* [Requirements for the first certification level of Russian as a foreign language. Common ownership. Professional module]. Saint Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russ).
- Chailak, H. & Muhammad, L.P. (2016). Interaktivnye osobennosti yazykovoi lichnosti i problema funkcionirovaniya mekhanizmov antitsipatsii v protsesse raboty s tekstem. «*Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*» [Interactive features of the language personality and the problem of the functioning of the mechanisms of anticipation in the process of working with text. *Eurasia International Research Magazine*]. 8, 31–50. (In Russ).
- Jung, K.G. (2008). *Psihologicheskie tipy* [Psychological types]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Buber, M. (1954). *Quen es el Hombre?* [What is Man?]. Mexico. Publ. (In Spanish).
- Collins, S. (1985). *The Category of the Person*. Cambridge: Cambridge University Press Publ. (In Eng).
- Natanson, M. (1962). Existential categories in Contemporary Literature. *Literature, philosophy and the Society*. Hague Publ. (In Eng).

Article history:

Received: 22.11.2017

Accepted: 10.01.2018

For citation:

Aschi M., Muhammad L.P., Tatarinova N.V. (2018) Intercultural communication as anthropological linguodidactics component. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2). 143—156. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-143-156

Bio Note:

Murat Aschi, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Russian language and literature of Karadeniz Technical University. *Research interests*: Teaching Russian as a foreign language, genitive case, descriptive text, aspects of Russian verbs. *Contact information*: kutuzov2005@yahoo.com

Muhammad Ludmila Petrovna, Doctor of pedagogical sciences, Professor of department of Preparatory faculty of the Pushkin State Russian Language Institute. *Research interests*: intercultural communication, linguistic personality of the foreign student, text and discourse, language picture of the world, national-oriented methods of teaching Russian as foreign language. Author of more than 70 scientific publications. *Contact Information*: ludmilamuh@mail.ru

Tatarinova Nataliia Vasilevna, Candidate of Philological Sciences, Dean of Preparatory faculty of the Pushkin State Russian Language Institute. *Research interests*: methods for teaching Russian as a foreign language, culturological component on the lessons of Russian as a foreign language, intercultural communication, the dialogue of cultures. Author of more than 20 scientific publications. *Contact information*: NVTatarinova@pushkin.institute

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-157-171

УДК 81.42

ОСМЫСЛЕНИЕ ГОРДОСТИ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В.И. Карасик

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Российская Федерация, 400066, Волгоград, пр. Ленина, 27

В статье анализируется осмысление гордости в русской и английской лингвокультурах. Определены основные понятийные векторы этого осмысления и направления уточнения концепта «гордость» в семантическом поле оценки социального статуса человека. Установлено, что преувеличенная самооценка выражается в пренебрежении к другим людям, в стремлении навязать им свою волю, в демонстрации оскорбительного презрения, в подчеркивании своего высокого положения. Распространенным выражением социального неравенства являются метафоры величины и высоты. Раскрыта дискурсивная специфика осмысления гордости в обиходном и религиозном дискурсе в русской и английской лингвокультурах. Показано, что существуют определенные жесто-мимические проявления гордости. Уточняются объекты, по отношению к которым людям свойственно испытывать чувство гордости. В паремиологии в основном осуждается чрезмерная и неподобающая гордость, в афористике констатируется ее амбивалентная природа.

Ключевые слова: концептуализация, лингвокультура, дискурс, понятие, образ, ценность

Введение

Человек как существо общественное постоянно соотносит себя с другими людьми, и важнейшим параметром такой самооценки служит осмысление своей значимости. Такое осмысление носит градуальный характер и варьируется от минимальной до максимальной оценки своего места в обществе, при этом полярные позиции вызывают осуждение со стороны других людей (комплекс неполноценности и комплекс превосходства), а взвешенная положительная самооценка понимается как чувство собственного достоинства и получает одобрение со стороны окружающих. В этой связи представляет интерес изучение концептуализации гордости как чувства удовлетворения собственной значимостью или причастностью к значимости кого-либо или чего-либо. Представляется, что в языковом сознании это чувство проявляется в нескольких типичных модусах, имеющих культурно-ситуативную обусловленность и характеризующихся определенной этнокультурной спецификой.

Цель

Цель работы — установить понятийные, дискурсивные и ценностные признаки ментального образования «гордость» в русском и английском языковом сознании и коммуникативном поведении.

Материал и методы

Для изучения языкового осмысления гордости используется стандартная теория лингвокультурных концептов, в рамках которой концепт понимается как квант переживаемого знания, имеющий понятийное, образное и ценностное измерения (Вежбицкая, 1999; Воркачев, 2001; Демьянков, 2001; Карасик, 2004; Красавский, 2008; Пименова, 2004; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008). В качестве материала исследования использовалась выборка из толковых и синонимических словарей русского и английского языков, сборников пословиц и афоризмов, а также данные из национальных корпусов русского и английского языков: Абрамов, 1999; Александрова, 1969; Большой толковый словарь русского языка, 1998; Даль, 1996; Пермяков, 2001; Словарь синонимов русского языка, 2001; Черных, 1999; Klein, 1966; Longman Dictionary of Contemporary English, 1978; Webster's New World Thesaurus, 1971 (ruscorpora.ru и bnc).

Обсуждение

Понятийные характеристики ментального образования «гордость». Поскольку существительное «гордость» обозначает качество, опорным словом для выявления содержания анализируемой единицы целесообразно считать прилагательное «гордый». Обратившись к словарным дефинициям, устанавливается признаковый состав рассматриваемого концепта.

Гордый — 1. *Обладающий чувством собственного достоинства, самоуважения.* 2. *Испытывающий чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-либо.* 3. *Считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим, заносчивый, высокомерный* (МАС).

Proud — 1. *Pleased about something that you have done or something that you own, or about someone or something you are involved with or related to.* 2. *Proudest moment/achievement/possession — the moment etc that makes you feel most proud.* 3. *Too high opinion — thinking that you are more important, skillful etc than you really are — used to show disapproval.* 4. *Great self-respect — having respect for yourself, so that you are embarrassed to ask for help when you are in a difficult situation.* 5. *(informal) Do somebody proud; (old-fashioned) Treat someone well by providing them with good food or entertainment.* 6. *(literary) impressive* (Longman Dictionary of Contemporary English, 1978).

Сравнив приведенные словарные дефиниции, можно построить следующий список признаков концепта «гордость»: 1) чувство, 2) собственного достоинства, 3) либо удовлетворения, 4) обусловленное своими достижениями, 5) либо причастностью к достижениям других, 6) переходящее в преувеличенно высокое мнение о себе, 7) и презрение к другим, 8) и выражающееся в отказе принять помощь от других.

Эти признаки складываются в трехуровневую схему. В ее основе лежит базовый признак — чувство собственного достоинства, т.е. самоуважение, признание своей значимости, обусловленное пониманием своего места в обществе, своей идентичности. Это чувство конкретизируется (второй признак) в виде удовлетворения своими успехами либо достижениями тех, с кем себя ассоциирует субъект. Базовый признак самодостаточен и не требует объяснения, считается, что у каждого

человека должно быть чувство самоуважения. Производный признак требует объяснения того, почему человек испытывает гордость. Следующий признак выражает отрицательную оценку обществом преувеличенной самооценки субъекта. Такая самооценка выражается в презрении к окружающим и нежелании принять от них помощь. Такова трехуровневая схема основного содержания рассматриваемого концепта в его обиходном осмыслении.

Внутренняя форма слов, обозначающих гордость, толкуется этимологами как неясная в русском языке (Черных) и восходящая к идее удобства — в английском (лат. *prude* — из *prod-esse* — «перед» + «быть») (Klein).

Для осмысления идеи гордости оказывается важным значимостный анализ семантики этого слова (Воркачев, 2007), определение соотношения содержательных единиц в семантическом поле оценки социального статуса человека (Карасик, 2002). Можно выделить следующие линии уточнения признаков в рассматриваемом поле: 1) стремящийся выделиться — не стремящийся выделиться (*притязательный, амбициозный — непритязательный, скромный*), 2) стремящийся подавить других — готовый к уступкам (*напористый, агрессивный — уступчивый, смиренный*), 3) демонстрирующий свою значимость — демонстрирующий отсутствие своей значимости (*гордый, имеющий самолюбие — кроткий, бесхарактерный*), 4) демонстрирующий неуважение к другим — проявляющий уважение (*наглый, бесцеремонный — уважительный, почтительный*), 5) имитирующий смирение (*тихоня, овечка, божья коровка*). Первые четыре линии выражают диаду признаков, при этом первый член такой диады характеризует активное поведение, а второй — пассивное, пятая линия является специфическим уточнением уступчивости и смирения, осуждается неискреннее поведение. Границы между выделенными областями поля оценки социального статуса человека размыты, и число этих линий может быть уточнено.

Особенности обозначения скромного и нескромного поведения в разных языках рассматривались в лингвистике (Кошманова, 2007; Мушаева, 2008). Характеристики скромного и уступчивого поведения имеют высокую коммуникативную значимость для социума, количество таких слов в русском и английском языках достаточно велико. Синонимы слова «кроткий» в русском языке и “meek” в английском следующие: *кроткий, безгневный, безжелчный, беззлойный, безобидный, безответный, безропотный, добродушный, добросердечный, мирный, миролюбивый, мягкий, молчаливый, незлобивый, скромный, смиренный, смирный, снисходительный, терпеливый, тихий, тишайший, уступчивый, отходчивый, ангельский, елейный, безличный* (Баранов, 1999); *meek, modest, humble, submissive, unassuming, unambitious, unpretentious, mild, bland, patient, deferential, shy, retiring, lowly, tame, timid, weak, docile, compliant, submissive, yielding, acquiescent, docile, unaggressive, non-militant, tractable, manageable, subdued, repressed, spiritless, suppressed, broken, Colloq wimpish* (Urdang). Как в русском, так и в английском языках в качестве близких по значению приводятся весьма разнородные лексические единицы.

В синонимических словарях детально уточняется идея высокомерной гордости: *гордый, горделивый, высокомерный, заносчивый, надменный, кичливый, спесивый, чванный; брезгливый, презрительный, пренебрежительный, претенциозный; самолюбивый, обидчивый, надутый* (Баранов, 1999); *гордость, горделивость, гордыня*,

высокомерие, заносчивость, надменность, кичливость, претенциозность, спесь, тщеславие, чванство, самолюбие, обидчивость, амбиция, гонор, самомнение; высокомухрие, высокомыслие, высокоумие. Национальная гордость — шовинизм (там же).

Весьма представлен список синонимов для обозначения высокомерной гордости в английском языке: *conceited, self-important, self-esteeming, self-admiring, self-centered, egocentric, narcissistic, SI. stuck or hung up on oneself; vain, vainglorious, egotistical, puffed-up, inflated, swollen, swell-headed, Inf. big-headed; boastful, bragging, crowing, blustering, SI. full of hot air; cocky, cocksure, bumptious, assertive, self-assertive, self-assured, aggressive, Inf. pushy, Scot. vaunty; arrogant, fastuous, overbearing, overweening, presumptuous, assuming, Inf. too much; contemptuous, disdainful, scornful, derisive, insolent; imperious, lordly, magisterial, high-handed, highfalutin; haughty, snobbish, on one's high horse, high-and-mighty, too good for the rest of us, priggish, Inf. highhat, Inf. nose in the air. Si. snooty, SI. snotty, SI. sniffy, SI. stuck-up; supercilious, cavalier, condescending, patronizing, Inf. toplofty; aloof, remote, distant, detached, removed, above-it-all; unbending, stiffnecked, unapproachable, forbidding; pompous, pretentious, affected, hoity-toity*. Можно заметить, что в качестве конкретизаторов высокомерия используются идеи раздутости, взгляда сверху вниз на других, презрения, снисхождения, дистанцированности, хвастливости, самовлюбленности, высокого мнения о своем уме.

Заслуживает внимания детальная дифференциация синонимических оттенков следующих слов: «Гордость считает за собою достоинства; надменность основана на самонадеянности; высокомерие — на властолюбии; кичливость — гордость ума; чванство — гордость знати, богатства; тщеславие — суетность, страсть к похвалам; спесь — глупое самодовольствие, ставящее себе в заслугу сан, чин, внешние знаки отличия, богатство, высокий род свой и проч.» (Даль, 1996).

В «Англо-русском синонимическом словаре» сравниваются слова *proud, arrogant, overbearing, haughty, lordly, supercilious, disdainful*, объединенные значением «имеющий преувеличенно высокое мнение о себе, своих заслугах, достоинствах и т. п. или уверенный в своем превосходстве над другими» гордый, высокомерный, заносчивый, кичливый, чванливый, чванный, спесивый, напыщенный, надутый» и различающиеся по следующим признакам: 1) некто имеет чересчур высокое мнение о своих качествах и поэтому свысока относится к другим (*proud*); 2) некто постоянно подчеркивает свое превосходство, часто мнимое и переходящее в пренебрежение к другим, и проявляет склонность навязывать свое мнение (*arrogant*); 3) некто демонстративно навязывает свою волю и стремится подчинять себе (*overbearing*); 4) некто ставит себе в заслугу свое положение, звание, богатство и свысока третирует других людей, у которых нет этих преимуществ (*haughty*); 5) некто преисполнен сознанием собственного величия и неизмеримого превосходства над другими людьми (*lordly*); 6) некто ведет себя пренебрежительно и презрительно по отношению к другим людям (*supercilious, disdainful*) (АРСС).

Приведенные комментарии свидетельствуют о том, что преувеличенная самооценка выражается в пренебрежении к другим людям, в стремлении навязать им свою волю, в демонстрации оскорбительного презрения, в подчеркивании своего высокого положения. Распространенным выражением социального неравенства служат метафоры величины и высоты (титуты «Ваше Величество» и «Ваше

Высочество»). Вспомним маленькие фигуры простых людей возле огромных изображений фараонов в древнем Египте.

Если преувеличенная самооценка превращает гордость в высокомерие в диалоге с другими людьми, то отрицание несоизмеримого с человеком величия Бога расценивается как один из смертных грехов. В русском языке для этого используется особое слово «гордыня», в английском в этом смысле употребляется лексема “pride”. Именно гордыня привела одного из ангелов к противоборству с Создателем в христианском библейском нарративе, и этот сюжет отражен в высказывании “*Pride goes before a fall*” — «Гордыня предшествует падению». Нежелание склонить голову отражено в библеизме «жестоковыйный» («выя» — шея).

Дискурсивные характеристики ментального образования «гордость». Образная конкретизация гордости раскрывается в высказываниях, включающих наречия «гордо» и “proudly” (использовались данные русского и британского национальных корпусов www.ruscorpora.ru и www.natcorp.ox.ac.uk). Адвербиальное уточнение характеризует поведение субъекта, квалифицируемое как «гордое».

Хрестоматийно известны слова «Песни о буревестнике»:

«Над седой равниной моря гордо реет буревестник» (М. Горький).

«Реять» значит плавно парить в высоте. Наречие «гордо» акцентирует идею бесстрашия, презрения к буре и удовлетворения этим ощущением.

Чувство собственного достоинства ярко проявляется в критических ситуациях:

«Я сказала: стреляй, сволочь! — повернулась и гордо вышла, а он выронил пистолет и зарыдал, ломая пальцы...» (А. Слаповский).

Героиня демонстрирует презрение к смерти и поэтому характеризует свой поступок, используя слово «гордо». Ее противник терпит моральное поражение.

Внешнее выражение гордости — гордо поднятая голова:

«Свое имя он носил, как корону, на гордо поднятой голове» (Е. Съянова).

Знак царского достоинства предполагает соответствующее сану поведение.

Типичные действия, которые совершаются гордо, это взгляд, движение и речь:

«И пальма гордо смотрела зеленой вершиной на лес товарищей, раскинутый под нею» (Вс. Гаршин);

«Тогда Лева должен был взять меня под руку, толпа расступиться, а мы — гордо пройти сквозь нее к дверям школы» (А. Алексин);

«Москвичи, то есть люди, прожившие в столице хотя бы месяц, гордо заявляют, что на Арбат не ходят никогда» (И. Давыдов).

Пальма из известной притчи В.М. Гаршина — самое высокое растение в оранжерее и поэтому, глядя сверху на свое окружение, ощущает свою царственную исключительность. Пробив потолок, она погибает — такова участь тех, кто не готов смириться с реальностью. Толпа обычно расступается перед теми, кто внушает уважение или страх, и поэтому герои гордо шествуют вперед. Интересно ироничное предложение, в котором говорится о людях, гордо заявляющих, что они не ходят на Арбат: предполагается, что там бывают только туристы. Пресуппозиция этого высказывания такова: статус москвича вызывает чувство гордости.

Заслуживает внимания следующая фраза:

«Вот сделаешь меня начальником отдела — тогда, пожалуйста, напечатаю себе визиток с фотками и буду со всеми гордо знакомиться» (А. Маринина).

Героиня полагает, что указание должности начальника отдела на визитной карточке престижно. Заметим, что визитная карточка как артефакт культуры — это статусный знак принадлежности к категории людей, испытывающих гордость по поводу своей должности.

Показателем гордости часто является отказ:

«Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанище и возбуждали ее красноречие» (М. Лермонтов).

Пленница демонстрирует гордость, отвергая подарки Печорина. Поступок лермонтовского героя ярко иллюстрирует суть колонизаторской политики: вторгаясь в архаичный быт, завоеватели, считающие себя цивилизованными людьми, ведут себя как дикари, но полагают, что имеют право на такое поведение.

Людам свойственно гордиться своими достижениями:

«А мой сосед, второгодник Женя Барановский, раскрывает свою тетрадку, гордо показывает — у него пятерка» (А. Моторов).

Отличная оценка у второгодника — неподдельная причина гордости.

К числу таких причин относится ощущение своей силы:

«Жить, ощущая гордо, что никто не посмеет встать поперек твоего пути, — в этом был для Васьки весь кайф жизни» (В. Ремизов).

Сила, как известно, служит важнейшим биологическим источником гордости. Видно, как горделиво шествуют львы в естественной среде своего обитания.

Людам свойственно с гордостью говорить о том, что для них очень значимо:

«— Вообще-то тираж нашей газеты — пять миллионов, — гордо ухмыляется журналист» (Е. Додолев);

«Надежда Михайловна гордо ответила: — Я никогда не вру!» (М. Зосимкина).

Большой тираж — показатель престижности издания. Журналист гордится тем, что работает в такой газете. Гордый ответ во втором примере объясняется тем, что не все люди в разных ситуациях говорят правду, героиня относит себя к избранному меньшинству.

Высокой диагностической мощностью для понимания гордости субъектов обладают высказывания с адвербиальными биномами — два наречия уточняют семантику друг друга:

«— Что слышу я, прокуратор? — гордо и спокойно ответил Каифа, — ты угрожаешь мне после вынесенного приговора, утвержденного тобою самим?» (М. Булгаков);

«Клест сидел на своей жердочке торжественно и гордо, как командир на коне» (Ю. Коваль).

Сочетание «гордо и спокойно» характеризует первосвященника как человека, осознающего свой высокий статус. Бином «торжественно и гордо» описывает поведение птицы, которая сравнивается с командиром на коне, принимающим парад.

Прецедентным текстом для русской культуры стала фраза Сатина из пьесы М. Горького «На дне»:

«Человек! Это великолепно! Это звучит ...гордо!» (М. Горький).

Это высказывание приобрело бесконечно разворачивающийся символический смысл — человек достоин уважения, нельзя унижать людей, следует сохранять человеческий облик в любой ситуации и др. Частотны аллюзии к этой реплике:

«*“Человек труда”, “рабочий” — должно звучать гордо. Причем это должно не только звучать гордо, но и оцениваться по заслугам, — отметил в начале своего поздравления новгородцев с Первомаем губернатор Сергей Митин*» (А. Селезнева).

Заметим, что в речи политика модальная квалификация «должно звучать гордо» допускает интерпретацию «но не звучит». В публицистическом тексте объясняется, почему в прежние времена быть инженером было престижно:

«*Инженеры ценились — они могли рассчитать мост и организовать его строительство, наладить производство паровозов или судов или внести в них существенные улучшения. Звание «инженер» звучало гордо. Людей таких было немного и стояли в обществе они весьма высоко*» (Г. Малинецкий).

В наши дни ситуация изменилась: массовая подготовка инженеров привела к их девальвации, и поэтому сравнение в речи сатирика «как простой инженер» вызывает горькую улыбку у представителей этой профессии.

Обратим внимание на гордость в речи разработчиков информационных технологий:

«*Они гордо заявляют: “Мы уверены, что уже через несколько лет на каждом сайте, в каждой микроволновке и стиральной машине, в каждом банкомате и автомобиле будет жить свой информационный эльф — инф, виртуальное существо, с которым можно будет поговорить, дать приказ или получить справку”*» (Г. Тарасевич).

Эти специалисты считают, что массовое внедрение роботов в наш быт радикально изменит жизнь человечества в лучшую сторону.

Интересен пример распространенного заблуждения, связанного со стереотипной формулой *stiff upper lip* — *неподвижная верхняя губа*:

«*Настоящий англичанин должен всегда держать голову прямо и гордо, ни в коем случае не шевелить верхней губой (и тем более, ему нельзя допускать заметного ее дрожания, выдающего эмоции!)*» (Коллективный форум).

Принято считать, что британские аристократы отличаются своей осанкой (даже болезненное искривление позвоночника называется «лордоз», т.е. осанка лорда). Но требование держать верхнюю губу неподвижной не соответствует реальности, от волнения или обиды начинает дрожать нижняя губа.

Обратим внимание на ироническую квалификацию положения дел в следующей фразе:

«*“Ведомости” — московская газета, которая издается, как на ней гордо написано, “совместно с “Wall-Street Journal”*» (В. Пелевин).

Всем понятно, что если московская газета выходит в свет совместно с мощным американским ежедневным деловым изданием, то говорить о гордости в данном случае можно только с усмешкой.

Обратимся к примерам на английском языке.

У людей вызывают гордость символы страны:

Jon proudly watched the Union Jack raised above his head. — Джон с гордостью смотрел на флаг Британии, поднимающийся над его головой.

Таким символом является государственный флаг.

Школьники и военнослужащие гордятся своей униформой:

Then she proudly showed off her new school uniform. — Затем она гордо продемонстрировала свою новую школьную форму.

They would be marshalled back to their digs, proudly wearing their uniforms. — Затем они гордо пройдут в своих униформах назад в свои укрытия.

Униформа — знак принадлежности к определенному сообществу. Известно, что в школах и университетах существуют особые галстуки, пиджаки и др., которые следует одевать в торжественных случаях.

Поддержание традиций способствует четкой самоидентификации англичан и американцев:

...a tablet on the gable of a former school proudly proclaims that the Bronte sisters were educated there in 1824—25. — Пластика на фронте бывшей школы гордо сообщает, что здесь учились сестры Бронте в 1824—1825 гг.

This is a region which proudly boasts its own distinct culture. Ancient tradition remains powerful. — Это регион, который гордится своей особой культурой. Древняя традиция остается сильной.

Traditional producers proudly maintain their commitment to traditional methods. — Традиционные производители гордо сохраняют свою верность традиционным методам.

Это проявляется в церемониях:

The Transatlantic Brides and Parents Association of Orlando also proudly laid a wreath. — Трансатлантическая ассоциация невест и родителей из Орlando также с гордостью возложила венок.

Гордо произносятся официальные речи:

The United States proudly acknowledged the dependence of its founders upon the principles of the 'glorious revolution'. — Соединенные Штаты с гордостью признали приверженность отцов-основателей принципам «славной революции».

Люди гордятся тем, что работают в определенной компании или фирме:

...and the last of the men who used proudly to work for the old railway company have gone. — И последние из людей, которые с гордостью работали в этой старой железнодорожной компании, ушли.

Осмысление причин для гордости не дает оснований выделять их этнокультурную специфику.

Люди гордятся теми, кто проявил силу характера:

But she was a great little fighter, 'says Kim, proudly'. And six months later she left hospital. — Но она была великим маленьким бойцом, — с гордостью говорит Ким. — И через шесть месяцев она вышла из больницы.

Despite his overall fatigue and discomfort, Mark wore it proudly and explained and demonstrated how it worked to everyone involved in his care. — Несмотря на свою общую усталость и чувство неудобства, Марк гордо носил его, объясняя и демонстрируя всем, как это устройство работает.

Полгода в больнице люди проводят при серьезных заболеваниях и травмах. Освоение протезов требует больших усилий. Сила воли вызывает уважение.

Известная фотомодель с гордостью сообщает публике, что хочет воспитывать ребенка без няни:

And beaming proudly the 47-year-old superstar declared at London's Heathrow airport: 'Never let it be...' — И сияя от гордости, 47-летняя звезда заявила в лондонском аэропорту Хитроу: «Этого никогда не будет...»

Женщина гордится своим ребенком, это естественно.

Люди гордятся своими профессиональными навыками:

The constable did investigate the incident and proudly told colleagues later how his discretion and instinct had proved correct. — Констебль все же провел расследование этого инцидента и затем гордо рассказал коллегам, что его благоразумие и инстинкт оказались верными.

Подчеркивается значимость затраченных усилий, которыми человек гордится:

Indeed, one old lady of 94 was interviewed on television and she proudly told the presenter 'I can now walk faster than my daughter'. — В самом деле, 94-летняя пожилая дама сообщила в телевизионном интервью репортеру: «Я теперь могу ходить быстрее, чем моя дочь».

Поддержание дома в идеальном порядке служит предметом гордости:

Mrs MacKenzie proudly showed me her minuscule immaculate palace. — Миссис Маккензи с гордостью показала мне свой миниатюрный образцовый дворец.

В публицистическом тексте встречаются полемические фразы, в которых критически оценивается гордое наименование чего-либо:

Yet it sounds an oddly unrealistic assumption, especially for a theory proudly named Realism! The 'ideal-type' case is certainly very idealized. — Тем не менее, это странное предположение звучит нереалистично, особенно для теории, гордо названной реализмом! Идеальный случай, действительно, очень идеализирован.

Достопримечательности обычно вызывают чувство гордости у жителей страны:

Measuring over 200 feet from head to toe it stands proudly on the south of Windover Hill, a few miles inland from Eastbourne. — Высотой более 200 футов (60,9 м) от головы до пят она (статуя) гордо возвышается на западе Виндоверского холма в нескольких милях от города Истборна.

Можно заметить, что в английских примерах в большей мере подчеркивается идея гордой удовлетворенности положением дел, часто укорененных в традициях, а в русских высказываниях, иллюстрирующих чувство гордости, — идея особых обстоятельств, исключительности, эмоционального напряжения.

Ценностные характеристики ментального образования «гордость». Прецедентным текстом для осмысления концептуализации гордости в религиозном смысле является Библия. В «Притчах Соломона» сформулированы четкие предписания по отношению к гордости:

Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями (Притчи Соломона, 6: 16–19); гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу (8: 13); Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными — мудрость (11: 2); В устах глупого — бич гордости; уста же мудрых охраняют их (14: 3); Погибели предшествует гордость, и падению — надменность (16: 18); Лучше смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми (16: 19); Гордость очей и надменность сердца, отличающие нечести-

вых, — грех (21: 4); Надменный злодей — кощунник имя ему — действует в пыли гордости (21:24); Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь (29: 23).

В списке объектов осуждения «глаза гордые» указаны на первом месте. В этом контексте гордость понимается как самомнение, приводящее к кощунству (т.е. глумлению над тем, что свято), она противопоставляется смирению и ассоциируется с глупостью.

Различные аспекты отношения к гордости детально отражены в корпусе пословиц. Можно выделить следующие оценочные установки:

Не следует проявлять (чрезмерную) гордость, поскольку это приводит к плохому результату: *Гордый покичился, да во прах скатился (рус.). Не гляди высоко: запорошишь око (рус.). Гордый рог сломит Бог (рус.). Гордая голова слетает с плеч первой (рус.). Кувшин гордился, пока не разбился (рус.). Гроза бьет по высокому дереву (рус.). Высоко летишь — где-то сядешь (рус.). Заносчивого коня построже занудывают (рус.). Гордость редко до добра доводит (франц.). Гордость навлекает беду (кит.). Гордость выезжает верхом, а возвращается пешком (итал.). За гордость — расплата, за скромность — уважение (туркмен.). Идущий с задранной вверх головой может повстречать идущего с палкой (осетин).*

Эти речения выражают важное предписание коллективистской культуры — не следует выделяться из массы. Имеют место и уточнения данной прескрипции:

— не следует проявлять (чрезмерную) гордость, поскольку это неуместно Богу: *Убогая гордость — дьяволу потеха (рус.). Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать (рус.). Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился (рус.);*

— не следует проявлять (чрезмерную) гордость, поскольку так ведут себя глупцы: *Гордым быть — глупым слыть (рус.). Глупец всегда важничает (евр.);*

— не следует проявлять гордость тем, кто беден: *Нищему гордость, что корове седло (рус.). Бедняку гордость не по карману (рус.);*

— не следует проявлять гордость, поскольку это не приносит прибыли: *От гордости мало корысти (рус.). Гордостью не разбогатеешь (ирл.).*

Вместе с тем встречаются речения, в которых говорится, что гордость, проявляемая в меру, заслуживает одобрения: *Без гордости человек что тряпка, всяк ноги вытрет (рус.). Гордость хороша в меру (рус.). Перед гордым будь горд — он не сын пророка; с вежливым будь вежлив — он не раб твоего отца (казах.).*

Заслуживают внимания пословицы, в которых дано объяснение неподобающей гордости: *От легкого успеха рождается зазнайство, от легкой удачи — чванство (рус.). Кому повезло, тот и зазнался (рус.). Богатство порождает заносчивость (вьет.). Трудности — лекарство от гордости (амхар.).*

Интересны речения, фиксирующие психологию гордых людей: *Гордые друг другу не нравятся (арм.). За излишней скромностью скрывается гордость (япон.).*

В русской паремиологии есть много ироничных высказываний с назидательным смыслом: *Что вашему пригожеству до нашего убожества? (рус.). Всякая козья лезет в букашки (рус.). Как пышка ни дуйся, выше пирога не будет (рус.). Где нам с вами чай пить, когда мы не умеем, как вы, морщиться (рус.).*

Ироническая оценка высокого самомнения весьма действенна. Концептуализация гордости и сопряженных ментальных образований вариативно представлена и в афористике.

Отмечена общечеловеческая природа гордости: *«Гордость свойственна всем людям, разница лишь в том, где и когда они ее проявляют»* (Ф. Ларошфуко).

Гордость оказывается амбивалентным регулятором поведения: *«Гордость часто побуждает нас к зависти, и та же самая гордость нередко помогает нам ее умерить»* (Ф. Ларошфуко).

Осуждается гордость как свидетельство человеческой слабости: *«Гордость всегда бывает слабым пособием и суетной декорацией посредственности»* (Ж. Массийон); *«Бесконечно маленькие люди имеют бесконечно великую гордость»* (Г. Вольтер); *«Чрезмерная гордость — вывеска ничтожной души»* (И. Тургенев).

Заслуживают внимания рассуждения о гордости, уничтожающей душу: *«Гордость — совсем не то, что сознание человеческого достоинства. Гордость увеличивается по мере внешнего успеха, сознание своего человеческого достоинства, напротив, по мере внешнего унижения»* (Л. Толстой); *«Гордый человек точно обрастает ледяной корой. Сквозь кору эту нет хода никакому другому чувству»* (Л. Толстой); *«Гордость сокрушает ангелов»* (Р. Эмерсон); *«В целом, гордость лежит в основе всех великих ошибок»* (Дж. Рескин); *«Гордец сам себя пожирает. Гордость — его собственное зеркало, собственная его труба, собственная летопись. Всякий, прославляющий себя не только делами, пожирает дела самохвальством»* (У. Шекспир).

Интересно изречение, в котором гордость рассматривается как мера самоуважения: *«Щедрость состоит в том, чтобы давать больше, чем можешь, а гордость — в том, чтобы брать меньше, чем тебе нужно»* (Х. Джибран).

В отличие от многих других чувств гордость не имитируется: *«Ложной может быть скромность, но не гордость»* (Ж. Ренар); *«Гордящиеся своим смирением горды тем, что они не горды»* (Р. Бартон).

В парадоксальных изречениях У. Блейка раскрывается диалектика гордости: *«Позор — одеяние гордости. Стыд — маска гордости»* (У. Блейк).

Уточняется отличие гордости от высокомерия: *«Высокомерие — это испорченная эгоизмом гордость. Гордость — естественное и благодарное чувство удовлетворенности достижением. А высокомерие — чувство превосходства, в котором «я» одерживает победу над “мы”»* (В. Уоттс); *«Высокомерие индивидуума всегда пропорционально отсутствию веры в себя»* (О. Вейнигер); *«Высокомерие — плебейский порок»* (М.-Э. Эшенбах).

Вместе с тем в афористике можно найти высокую оценку высокомерия: *«Остроумие — отшлифованное высокомерие»* (Аристотель); *«Высокомерие — вполне подходящее оружие, которое нужно использовать против враждебного мира, этот мир боится и уважает его, даже если, как в моем случае, оно притворно»* (Т. Бернхард).

Обратим внимание на саркастическое наблюдение немецкого философа: *«Самый распространенный вид гордости — национальная гордость»* (А. Шопенгауэр).

Люди считают естественной собственную гордость, но с неприязнью относятся к этому чувству у окружающих: *«Гордец ненавидит гордость других»* (Б. Франклин).

Отмечено, что здравый смысл требует учитывать обстоятельства, в которых уместно или неуместно проявление гордости: «Глупо идти с гордо поднятой головой — по сильно пересеченной местности» (Э. Севрус).

Заключение

Концептуализация гордости в языковом сознании отражает трехъярусное представление самоидентификации человека: 1) самоуважение как признание своего места в обществе, 2) удовлетворение по поводу своих успехов или достижений тех, с кем себя ассоциирует субъект, 3) чрезмерно высокая самооценка своей личности. Ментальное образование «гордость» является смысловым центром семантического поля оценки социального статуса человека и уточняется в нескольких направлениях: 1) стремление выделиться, 2) стремление подавить других, 3) демонстрация своей значимости, 4) демонстрация неуважения к другим, 5) имитация смирения. Эти характеристики личности детально номинируются в лексической семантике и получают в преобладающем числе единиц отрицательную оценку. Выражением социального неравенства служат метафоры величины и высоты. В религиозном осмыслении акцентируется отрицательная оценка гордости. В обиходном осмыслении на материале русского языка гордое поведение осмысливается как подчеркнутая актуализация чувства собственного достоинства, особенно в критической ситуации, на материале английского языка — как соблюдение традиций и проявление силы воли. В паремиологии в основном осуждается гордость, при этом в русских пословицах активно используется ирония как способ критики чрезмерно высокой самооценки субъекта. В афористике констатируется амбивалентная природа гордости. Концептуализация гордости отражает противоречие между самооценкой человека и квалификацией этой самооценки со стороны общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 431 с.
- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 600 с.
- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
- Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
- Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 8–93.
- Даль В.И. Пословицы русского народа: сб.: в 2-х т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1996. 432 с.; Т. 2. М.: Терра, 1996. 422 с.
- Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Кошманова О.В.* Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.
- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
- Мушаева О.К.* Презентационные регулятивные концепты в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorgora.ru (дата обращения: 19.01.2018).
- Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.
- Пименова М.В.* Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
- Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель — АСТ, 2001. 681 с.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Стернин И.А.* Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1. Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–20.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999.
- Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier, 1966. 1776 p.
- Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978. 1303 p.
- The British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. URL: www.natcorp.ox.ac.uk (дата обращения: 22.01.2018).
- Webster's New World Thesaurus. Prepared by C.G. Laird. New York: Meridian, 1971. 678 p.

© Карасик В.И., 2018

История статьи:

Дата поступления 20.01.2018

Дата принятия к печати: 25.02.2018

Для цитирования:

Карасик В.И. Осмысление гордости в русской и английской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 157–171. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-157-171

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории английского языка Волгоградского государственного социально-педагогического. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, лингвоконцептология, теория дискурса, теория языковой личности. Автор около 400 научных публикаций, из них 12 монографий. *Контактная информация:* vkarasik@yandex.ru

LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF PRIDE IN RUSSIAN AND ENGLISH CULTURES

V.I. Karasik

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27, Prospekt Lenina, Volgograd, 400066, Russian Federation

The paper deals with linguistic conceptualization of pride in Russian and English. Main notional vectors of such mental entity are specified. This concept is represented as a semantic field of affiliated meanings defining various aspects of personal social status evaluation. I argue that exaggerated self-representation is expressed as contempt to the others, desire to dominate and show disrespect to other people, and to show them that they belong to a lower class. This concept is often illustrated by metaphors of size and height. Common ways of nonverbal demonstration of pride are certain facial expressions and gestures. Typical objects of feeling proud of are described. Everyday and religious discourse substantially varies in expression and evaluation of pride. Proverbs focus on critical evaluation of being too proud of oneself, whereas aphorisms show an ambivalent attitude to this concept.

Key words: conceptualization, language and culture, discourse, notion, image, value

REFERENCES

- Abramov, N. (1999). *Dictionary of Russian synonyms and similar in meaning expressions*. Moscow: Russian dictionaries Publ. (In Russ).
- Aleksandrova, Z.E. (1969). *Dictionary of synonyms of the Russian language*. Moscow: Sov. Encyclopedia Publ. (In Russ).
- Vezhbitskaya, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov [Semantic universals and description of languages]*. Moscow: School "Languages of Russian Culture" Publ. (In Russ).
- Vorkachev, S.G. (2001). Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii. *Filologicheskie nauki [Cultural linguistics, language personality, the concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. Philological sciences]*. 1, 64–72. (In Russ).
- Vorkachev, S.G. (2007). *Napolneniye kontseptosfery. Lingvokul'turnyi kon-tsept: tipologiya i oblasti bytovaniya [Filling the conceptosphere. Linguocultural concept: typology and domains of existence]*. Volgograd: VolGU Publ. (In Russ).
- Dal', V.I. (1996). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: TERRA Publ. (In Russ).
- Dem'yankov, V.Z. (2001). Ponyatie i kontsept v hudozhestvennoi literature i nauchnom yazyke. Voprosy filologii [Idea and concept in fiction and scientific language. *Questions of philology*]. 1, 35–47. (In Russ).
- Evgen'eva, A.P. (2001). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of synonyms of the Russian language]*. Moscow: Astrel'—AST Publ. (In Russ).
- Karasik, V.I. (2002). *Yazyk sotsial'nogo statusa [Language of social status]*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ).
- Karasik, V.I. (2004). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: personality, concepts, discourse]*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ).
- Koshmanova, O.V. (2007). *Kontsept «skromnost'» v russkoi, amerikanskoi i iranskoi lingvokul'turakh [The concept of "modesty" in Russian, American and Iranian linguocultures]*. [Author's abstr. cand. filol. diss.]. Volgograd. (In Russ).

- Krasavskii, N.A. (2008). *Emocional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ).
- Kuznetsov, S.A. (1998). *Great Dictionary of Russian language*. Saint Petersburg: Norint Publ. (In Russ).
- Mushaeva, O.K. (2008). *Prezentatsionnye reguljativnye kontsepty v kalmyskoj, russkoj i angliiskoj lingvokul'turakh* [Presentation regulative concepts in Kalmyk, Russian and English linguocultures]. [Author's abstr. cand. filol. diss.]. Volgograd. (In Russ).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National building of the Russian language]. Retrieved January 19, 2018. from: www.ruscorpora.ru
- Permyakov, G.L. (2001). *Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka* [Proverbs and sayings of the peoples of the East]. Moscow: Labirint Publ. (In Russ).
- Pimenova, M.V. (2004). *Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii* [Soul and spirit: features of conceptualization]. Kemerovo: Grafika Publ. (In Russ).
- Slyshkin, G.G. (2004). *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic Culture Concepts and Metaconcepts]. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ).
- Stepanov, Yu.S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ. (In Russ).
- Sternin, I.A. (2008). Opisaniye kontsepta v lingvokontseptologii. *Lingvo-kontseptologiya* [Description of the concept in linguo-conceptology. *Cultural linguistics*]. Voronezh: Istoki Publ. 1, 8—20. (In Russ).
- Chernykh, P.Ya. (1999). *Istoriko-ehimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Russkii yazik Publ. (In Russ).
- Klein, E. (1966). *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Amsterdam: Elsevier. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Harlow and London, 1978.
- The British National Corpus (BNC) Retrieved January 22, 2018. from: www.natcorp.ox.ac.uk
- Laird, C.G. (1971). *Webster's New World Thesaurus*. New York: Meridian.

Article history:

Received: 20.01.2018

Accepted: 25.02.2028

For citation:

Karasik V.I. (2018). Linguistic conceptualization of pride in Russian and English cultures. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 157—171. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-157-171

Bio Note:

Vladimir Ilyich Karasik, Doctor of Philology, Professor and Chair, English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University. *Research interests*: lingvokulturologiya, lingvokontseptologiya, theory of discourse, theory of language personality. Author of about 400 scientific publications, 12 of them are monographs. *Contact information*: vkarasik@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190

УДК 81.42

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В.А. Маслова

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Беларусь, 210015, Витебск, Московский пр., 33

В статье выявляются и описываются основные тенденции и принципы современной лингвистики. Это интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуросоцентричность, интерес к глубинным знаниям в языке, они взаимодействуют даже в одном исследовании. Учет человеческого фактора — важнейшая характеристика постнеклассической науки, поэтому антропоцентрический вектор современных лингвистических исследований способствует зарождению большинства названных принципов. В XXI веке все гуманитарные науки, в числе которых и лингвистика, становятся другими, так как современная социальная ситуация предъявила к ним новые требования: прежде всего, это более высокий уровень синтеза наук, их интегративности не только между собой, но и с естественными науками. Для такой сложной области исследования, как язык, свой вклад могут внести представители многих наук — от молекулярной биологии, генетики, нейрофизиологии, психологии, до антропологии, нейролингвистики, аналитической философии. Специализация исследований должна идти, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам», потому что снятие информационных барьеров между науками дает мощный импульс для развития исследований.

Благодаря названным тенденциям и принципам, языкознанием стало исследоваться то, что ранее не входило в сферу ее интересов. Теперь в сферу интересов лингвистики входит все, что отвечает требованиям теории знаковых систем и что позволяет увидеть глубинные семантические основы языка, человеческой ментальности и культуры.

Ключевые слова: интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуросоцентричность

Введение

Если на протяжении всего XX века основными принципами исследования языка были системность и структурность (реже — функциональность), то сейчас на первый план выходят *интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуросоцентричность, интерес к глубинным знаниям в языке* и др. Названные принципы, как правило, в современных исследованиях взаимодействуют и обуславливают друг друга, например, интегративность позволила более отчетливо увидеть глубинные семантические основы языка и человеческой ментальности, что привело к зарождению когнитивной лингвистики. А к возникновению интегративности привело понимание необходимости целостного видения человека (говорящего/слушающего). «Только целое имеет

смысл», — утверждал Г. Гегель. Теперь уже нет сомнений, что изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям и категориям культуры. Или еще пример. Антропоцентрический принцип, при котором в центре лингвистических исследований оказывается *человек говорящий*, перетекает в коммуникативный и диалогический, так как и человек и его речь по природе своей диалогичны (ср. русскую поговорку *Речь — это в другого втечь*). А происходит любой диалог на фон культуры и социума, что обуславливает использование культурологического и дискурсивного принципов.

Таким образом, антропоцентрический вектор современных лингвистических исследований способствует зарождению большинства названных принципов. Однако для ясности далее охарактеризуются названные принципы по отдельности.

Цель

Цель названной статьи заключается в выявлении и характеристике основных тенденций в современной лингвистике.

Методы и материалы

В основу методологической концепции положены гуманитарно-эвристические методы — таксономический, объяснительное описание, обобщение, характеристики сущностей.

Материалом послужили работы теоретиков современной лингвистики: Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, А.А. Кибрика и др.

Результаты

Принять вызовы современности: способствовать развитию интегративности, междисциплинарности, полидисциплинарности, трансдисциплинарности, которые обеспечивают целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. XXI век предполагает более высокий уровень интегративности не только гуманитарных наук между собой, но и с естественными науками. Предпосылки к этому уже были: высказывалось предположение, что наша речь частично материализует квантовую механику мозга и вселенского разума, т.е. ноосферы как его части.

Обсуждение

Интегративность как отличительное свойство формирующегося направления выражается, во-первых, в том, что знания, полученные в разных областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при решении своих задач; а, во-вторых, интегративность проявляется также в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована многогранностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание. Это обеспечивает многоаспектность при решении определенной, одной проблемы и одновременно способствует получению иной, часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Еще в XX в. американский лингвист Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» (Сепир, 1993: 237—238). Хотя это сказано в середине XX века, оно актуально и сейчас.

Таким образом, на современном этапе развития науки наибольшую актуальность приобретают не узко специализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое, что способствует решению сложных научных и практических задач. Современная лингвистика стремится к интеграции с целым рядом наук — психологией, антропологией, культурологией, социологией, микробиологией, генетикой и другими науками, изучающими человека и его язык.

Появившиеся в конце прошлого века такие области знания, как лингвокультурология, лингвоконцептология, юрислингвистика и др., являются по своей природе и сущности интегративными. Принять вызовы современности, значит, способствовать развитию интегративности, междисциплинарности, полидисциплинарности, трансдисциплинарности, которые обеспечивают целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. Только совместные усилия гуманитариев в содружестве с биологами, физиологами, физиками, экономистами, педагогами дадут мощный импульс для развития исследований и приведет к стиранию информационных барьеров между науками.

Антропоцентричность. В лингвистике во второй половине XX века произошла смена исследовательских приоритетов: она восприняла продуктивную идею, впервые прозвучавшую в работах В. Гумбольдта о необходимости изучения языка в непосредственной связи с человеком, его культурой, мышлением, сознанием. Оказалось, что понять природу языка и объяснить ее можно лишь исходя из многосторонней деятельности человека и создаваемого им мира (Гумбольдт, 1984: 69).

Другой выдающийся французский лингвист в середине прошлого века сказал: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» (Бенвенист, 1974: 15). И, действительно, мы говорим *под боком*, *под рукой* (о чем-то близко расположенном), *внизу*, *налево* (ориентир — говорящий), *буря разыгралась*, *дождь стучит по крыше*, *море уснуло* и т.д. Из этих примеров видно, как человек познает мир, соотнося его с собой, своим телом (*артерии страны*) и даже своими украшениями (*сережки берез*).

Отсюда следует, что именно лингвистика поможет многое прояснить в человекознании. «Сущность человека покоится в языке», — сказал один из крупнейших мыслителей XX века немецкий философ Мартин Хайдеггер. Аналогичной точки зрения придерживался академик В.В. Виноградов.

Одной из причин смены парадигмы исследования (системно-структурной на антропологическую) стало то, что системно-структурное языкознание требовало все большей точности, использования математического аппарата, хотя, как вы-

яснилось, лингвистика по своей природе принципиально неточная и субъективная наука. Об этом периоде развития лингвистики Ю.Н. Караулов сказал так: «Изгнание человеческого из ее пределов — естественная плата лингвистики ... за ее стремление быть максимально объективной» (Караулов, 2004: 19).

Антропоцентрический подход к языку в сравнении с системоцентричным, согласно замечанию В.М. Алпатов, это не новое явление в лингвистике, он исторически первичен и представлен уже в различных ранних национальных лингвистических традициях: индийской, арабской, китайской, японской (Алпатов, 1993: 15).

При антропоцентрическом подходе анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И.А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» (Бодуэн де Куртэне, 1963: 71). Идея антропоцентричности языка стала ключевой в современной лингвистике.

В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик единиц языковой системы, потому что язык — сложнейшее многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное соморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д. Характеризуя язык во всей его сложности с противоположных сторон, раскрывается самая его сущность. А для этого нужны усилия представителей многих наук.

Автор полностью солидарна с позицией В.И. Постоваловой, которая считает, что антропологическая программа изучения языка выдвигает на первый план проблемы, касающиеся раскрытия взаимосвязи человека и его языковой активности; проблемы соотношения языка и духовной деятельности человека, языка и мышления (сознания), языка и ценностей человека, языка и культуры, языка и познания, языка и общества и др. (Постовалова, 1995: 343).

Итак, антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, не мыслим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка. И такой подход к языку чрезвычайно перспективен сейчас.

Коммуникативность. Коммуникация — общение, обмен мыслями, информацией, знаниями, чувствами, схемами поведения и др. — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности. Различается коммуникация в широком смысле — как одна из форм человеческой жизнедеятельности (в том числе различные формы речевой деятельности) и коммуникация в узком смысле, предполагающая обмен смысловой информацией.

Коммуникация — это важнейшая составляющая социального поведения человека, а само коммуникативное (речевое) поведение может рассматриваться как часть национальной культуры. Следовательно, под коммуникацией понимается смысловой аспект социального речевого взаимодействия.

Бубер М. указывает на тройственное жизненное отношение человека: к миру (вещам), к человеку (людям), к тайне бытия (Богу). Сущностное отношение к миру завершается в искусстве, отношение к человеку — в любви, отношение к Богу — в религиозном откровении, это ответ на зов, который человек не слышит, но чувствует. В этом универсальном коммуникативном отношении заключено учение о человеке, о его месте в мире, о его отношении к Богу, природе, другим людям.

Теория коммуникации зиждется на общепсихологической теории деятельности, согласно которой любая деятельность может быть описана через два ряда понятий: 1) «деятельность», «действие», «операция»; 2) «мотив», «цель», «условие» (Е.Ф. Тарасов).

Как уже отмечалось, коммуникативная деятельность человека — это важнейшая составляющая его социального поведения, поэтому само коммуникативное (речевое) поведение может рассматриваться и как часть национальной культуры. С позиции деятельностного подхода, коммуникация понимается как совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий взгляд на мир. Для него характерны процессуальность, континуальность, контекстуальность. В целом, деятельностный подход лучше объясняет мир и более гуманистичен.

Одной из наиболее распространенных форм передачи информации является вербальная коммуникация. Данная «форма передачи информации осуществляется в виде текстов. Текст — универсальное средство, которое может использоваться как в системах массовой коммуникации (текст в газете или по телевидению и др.), так и в межличностных (тексты, которыми обмениваются между собой коммуниканты)» (Каменская, 1990: 14).

Большое значение для коммуникативного подхода имеет введение в лингвистические исследования коммуникативной ситуации, т.е. совокупности факторов, обуславливающих возможность и характер коммуникативного акта. С одной стороны, коммуникативная ситуация всегда конкретна, неповторима, с другой — она сводима к некоторому числу инвариантов. В структуру коммуникативной ситуации входят, по Л. Сахарному, 1) говорящий, 2) то, о чем говорить (предмет коммуникации), 3) слушающий, 4) код (язык), 5) текст (реализация кода), 6) общие условия общения. На коммуникацию влияют: 1) установка участников коммуникации, 2) характер и цель коммуникации, 3) социальные роли коммуникантов, 4) общность знаний о мире и языке, что пробудить в слушающем примерно тот же круг идей, которые связаны с предметом общения и др.

Какое бы ни было речевое высказывание по своему объему, сколько бы человек ни участвовало в данной коммуникации, в каких бы условиях она ни проходила, в основе ее лежит определенная модель, которая применима для любого типа речевой коммуникации. Схема ее включает следующие компоненты: *адресант, сообщение, контекст/ситуация, контакт, код, адресат*.

Как видим, открывает и замыкает эту цепочку человек, так как он отправитель и получатель информации, оформленной в виде текста. Текст — обязательное, связующее звено любой коммуникации. Таким образом, согласно коммуникативному принципу, язык можно объяснить как глобальное средство коммуникации, всесторонне описать его во всех проявлениях.

В связи с увлечением данным подходом наметилась важная и опасная тенденция — **поглощение лингвистики теорией коммуникации**. Косвенным доказательством тому могут служить появившиеся во второй половине XX века несколько новых оригинальных теорий, родившихся в русле теории коммуникации интерес к которым в лингвистике велик до сих пор. Это теория *речевых актов*, *теория речевых жанров*, *теория языковых игр*, *теория межкультурной коммуникации*. Общим для них является деятельностный подход к коммуникации и языку в целом с его идеей единства коммуникативной и некоммуникативной человеческой деятельности. Каждая из названных теорий по-своему решает проблему общения личности в социальной среде, и у каждой из них — своя судьба. Например, судьба теории речевых жанров складывалась не столь удачно, как теории речевых актов. Теория жанров, созданная М.М. Бахтиным в 1950-е годы (т.е. даже раньше теории речевых актов), почти 50 лет была невостребованной. Но, начиная с 1970-х годов, наблюдается всплеск интереса к данной проблеме. В наши дни теория речевых жанров чрезвычайно популярна, и она имеет огромный научный потенциал. Не менее популярна и теория межкультурной коммуникации.

Таким образом, теория коммуникации, действительно, поглощает лингвистику, что можно наблюдать сейчас. Это не только опасно, но и неправильно, а потому этот процесс не может быть успешным, хотя может быть достаточно длительным.

Ведь еще Н. Хомский писал, что язык не так уж хорошо приспособлен для коммуникации, а существует главным образом для структурирования мышления, т.е. внутренних процессов. Поэтому в работах по теории коммуникации все чаще обсуждаются «коммуникативные ямы», т.е. провалы в понимании, хотя сами фразы построены правильно. Значит, коммуникативный принцип нельзя признать главным еще и потому, что общение — это не только коммуникация (обмен информацией), но и интеракция (обмен действиями), перцепция (взаимовосприятие).

Современная теория коммуникации не может учесть многого, происходящего в языке. Например, тот факт, что одна и та же фраза может служить разным целям, решать различные задачи. Так, фраза *старость не радость* может быть и упреком и оправданием, и утешением и порицанием, и констатацией факта и конкетством и т.д.

При таком подходе коммуникация — это взаимодействие различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь.

Теория коммуникации не способна постичь еще один важный аспект языка — глубинные аспекты языка. Выдающиеся мыслители прошлого века (например, Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате») писали о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть постигнута дискурсивно, она открывается человеку в образе. Витгенштейн Л. считал, что это «невы-

сказываемое, мистическое». О «сфере смутных представлений» писал И. Кант, о «невычисляемых пластах» — Т.В. Черниговская.

Тесно связана с коммуникативностью *диалогичность* и даже *полилогичность*. По М. Буберу, человек познается через семиотическую деятельность, предполагающую существование «другого». Бубер М. открыл новый объект исследования: *Я-Ты отношения*, в которых живет человек. Фактически это диалогические отношения, при которых без *Ты* невозможно *Я*, а путь человека — это всегда путь вместе с другим человеком, это жизнь в общности. Человек, познающий мир, — это человек-с-человеком. Мартин Бубер — один из первооткрывателей диалогического понимания личности и культуры, его философская антропология — это изучение целостной человеческой личности. В ряду его предшественников В. Гумбольдт, Л. Фейербах, Фихте. Рядом с ним можно назвать французского исследователя Г. Марсея, Хайма, русского М. Бахтина. Однако наиболее содержательную философскую разработку сфера диалогического получила именно в работах М. Бубера, сам ученый писал: «У меня нет учения, но я веду беседу».

Подлинный диалог с Богом безмолвен. Таким образом, человек — цельное существо, наделенное тройственным жизненным отношением (Бубер, 1998). В этом универсальном диалогическом отношении заключено учение о человеке, о его месте в мире, о его отношении к Богу, природе, другим людям.

Бахтин М. утверждал, что именно диалог — реальность языка, это не изолированное высказывание, а социальное событие речевого взаимодействия: «диалогичность познания закрепляется в структуре готового текста» (Бахтин, 1979: 59).

Опираясь на сказанное, понимаем диалог не просто как речевое взаимодействие субъектов, а как взаимодействие присущих им различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь. Диалогичность — это проявление социальной сущности языка, реализуемое в коммуникации, это *единственная* форма существования языка, в процессах общения, хотя традиционно диалог считается одной из форм существования языка. Щерба Л.В. также одним из первых назвал диалог основной формой языка, утверждая, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (Щерба, 1974: 4). Диалог пронизывает и мышление, которое тоже социально и диалогично. Специфика диалогических отношений состоит в том, что они включают в себя и логические, и лингвистические, и психологические отношения. Это как бы особый, сложный тип отношений, когда за каждой репликой стоят самостоятельные языковые личности. Поэтому главное в диалоге, это даже не диалог позиций, как считал М. Бахтин, а диалог языковых личностей во всем их многообразии, включая социальные роли. Таким образом, диалогичность — фундаментальное свойство любого текста, в том числе и художественного. В результате исследований было доказано, что всякий монолог — это частный случай диалога, ибо сам монолог — это искусственное образование, весьма условно выделенное, это как бы одна большая реплика в речевом взаимодействии. Как бы ни было значительно по размерам и законченности высказывание, оно лишь момент непрерывного речевого общения, и производится оно с установкой на восприятие. Предполагаемой диалогичности

(коммуникативности) не лишена и отдельно взятая языковая единица, и система языка в целом.

Вся речь, все мышление с самого начала были диалогичными. Поэтому можно сказать, что человек обладает некоторой диалогической компетенцией, которая позволяет ему участвовать в создании диалогов. Диалогическая ориентация позволяет изучать личность в пространстве коммуникации, межличностного и внутриличностного общения, диалога, в том числе диалога с самим собой. В контексте диалога личность предстает как «полифония голосов», обретающая существование в непрерывном диалоге.

Как уже говорилось, всякий текст имеет коммуникативную природу. В современной культурологии, литературоведении, лингвокультурологии и других гуманитарных науках, вслед за бахтинским понятием диалога, возникло понятие полилога. Любой текст, а художественный даже в большей степени, — это полилог, т.е. так называемый «парадокс многоголосия»: между автором и читателем, исследователем и читателем, автором и исследователем, текстом и автором, текстом и читателем, текстом и исследователем, автором и читателем, реальным читателем и исследователем и т.д.

Текст создается и воспринимается человеком, без которого существует лишь «тело текста», которое без человека, его воспринимающего, есть звуковой шум или цепочка графем, не являющихся знаками в собственном смысле слова до тех пор, пока не появится человек, способный приписать им значение.

Именно об этом идет речь в работах Н.А. Рубакина (Рубакин, 2000), который подчеркивал, что мертвые физические раздражители лишь обеспечивают возможность вызвать те или иные психические переживания в каком-либо человеке, умеющем читать письма определенного языка. Теперь эту мысль поддерживают философы (А.М. Пятигорский), психолингвисты (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др.). Разделяя эти взгляды, автор статьи, тем не менее, думает, что именно в тексте, в его «теле» содержатся сигналы, позволяющие видеть и воспринимать подтекст, именно вокруг этих сигналов группируются основные варианты смысла, возникающие при восприятии текста.

Читатель, воспринимая текст, вступает с ним в диалог и налагает на него собственную схему смысла, что позволяет ему увидеть в данном тексте нечто свое. Поэтому можно интерпретировать художественный текст в довольно широком диапазоне. Хотя на сегодняшний день невозможен полный учет и научная рационализация проблем смыслопорождения, можно констатировать, что в тексте задан некий инвариант основного смысла, которым многочисленные варианты направляются и ограничиваются, делая их не беспредельными.

Дискурсивность. Проблема дискурса в последнее время становится все более актуальной в лингвистике, социологии, философии, политологии, психологии, культурологии и др. Дискурс, по Й. Шерзеру, — это трудно постижимая область, неуловимое, неточное и постоянно возникающее переплетение языка и культуры. Это узел, в котором действительно выражается взаимоотношение языка, культуры и общества. Именно дискурс создает, воспроизводит и изменяет и культуру, и язык в точках их пересечения (Sherzer, 1977: 29).

Дискурсное явление в тексте — своего рода коммуникация, «погруженная в жизнь», по мнению Н.Д. Арутюновой. Об «обмене произведения с жизнью» в свое время писал М.М. Бахтин (Бахтин, 1979: 403), а Э. Бенвенист вообще считает это явление «самой жизнью языка в действии» (Бенвенист, 1974: 139). Т.А. ван Дейк уверен, что дискурс — это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события (Дейк Т.А., 2000: 122).

Степанов Ю.С. в статье, посвященной дискурсу, дает такое его толкование: «Мы... предварительно разьясим это явление так: дискурс — это первоначально особое использование языка... для выражения особой ментальности... Дискурс реально существует... прежде всего и главным образом в текстах, но в таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир... Каждый дискурс — это один из “возможных миров”» (Степанов, 1995: 38, 44). Или, при другой смысловой акцентировке, дискурс — это «“язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности» (Там же: 44).

С позиций современных подходов дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текстов, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста (Алефиренко, 2011; LaTableRonde, 2013). Анализ их работ позволил сказать следующее.

Опираясь на теорию деятельности, можно сформулировать такие положения, релевантные для концептуализации дискурса как коммуникативного события:

1) дискурс — это социальная коммуникация, в основе которой лежит речемыслительная деятельность людей в определенном контексте — культурном, психологическом, политическом и др.;

2) дискурс — это коммуникация, осуществляемая, прежде всего, вербально, но не исключающая невербальных средств (жест, мимика, рисунок, музыка и др.). Таким образом, дискурс следует рассматривать не как только вербализованную, но и невербальную ментально-коммуникативную деятельность в социальном контексте;

3) как любая деятельность, дискурсивная деятельность интенциональна и направлена на установление и поддержание взаимодействия между людьми, необходимого для достижения глобальной (доминирующей) цели, которая детерминирована внеречевыми мотивами субъектов дискурса;

4) дискурс — это интерактивная коммуникация, заключающаяся в том, что его смысл генерируется совместно адресантом и читателем (слушающим, адресатом) — активным интерпретатором сообщения;

5) реализация/нереализация глобальной цели дискурса есть результат взаимодействия субъектов дискурса. С этой точки зрения и процесс речевого воздействия предстает как взаимодействие субъектов дискурса;

6) дискурс объективируется в форме диалогического или монологического текста, соотносимого на дискурсивном уровне с комплексным речевым актом. Дискурс не существует без текста.

Данные характеристики дискурса могут рассматриваться в качестве основы для создания универсальной коммуникативной модели дискурса. Модель коммуникации, не противоречащая данным характеристикам, становится базовой для описания дискурсивной деятельности вообще и различных типов дискурса в частности.

Думается, что дискурс — это когнитивный процесс, реализующийся в ценностно-смысловом пространстве индивида, потому что о дискурсивном подходе к тексту можно говорить тогда, когда рассматривается окружающий мир, репрезентируемый личностным мировоззрением и представленный *когнитивными знаками* кодовой системы языковой личности. Дискурсивные рамки исследования помогают конкретизировать коды ценностно-смыслового пространства, в целях выявления мыслительно-языковых процессов, происходящих в мировоззрении индивида.

Дело в том, что владение языковым кодом не служит гарантией адекватного общения. Знание и использование нужных стратегий и тактик в речевом общении — это фактически ответ на вопросы *что, кому, когда* и *как* следует или не следует говорить. Одним из проявлений дискурсивного подхода стало исследование стратегического и тактического использования языковых средств сквозь призму намерений и коммуникативных целей говорящего.

Интерпретация понятий *стратегии* и *тактики* осуществляется в рамках целого ряда подходов, в том числе дискурсивного, когнитивного и коммуникативного.

Понятие коммуникативной стратегии широко распространено в лингвистических исследованиях, направленных на изучение способов воздействия собеседников друг на друга в речевом общении (работы Е.В. Бакумова, Е.Г. Борисовой, Е.М. Верещагина, Р. Ратмайра, Т. Ройтер, М.Э. Койт, К.Ф. Седова, С.А. Терихова, П.В. Феденко, и др.).

В рамках когнитивного подхода *стратегия* рассматривается как свойство когнитивных планов, т.е., по мнению Т.А. ван Дейка, стратегии «являются (часто неосознанно) способами обработки сложной информации в памяти <...>» (Дейк., 2000: 277). В рамках рассматриваемого подхода *стратегия* интерпретируется либо как когнитивный процесс, либо как результат когнитивной деятельности.

В рамках коммуникативного подхода *стратегия* интерпретируется как совокупность речевых тактик, т.е. как совокупность речевых действий, ориентированных на решение общей коммуникативной задачи говорящего.

Важно подчеркнуть, что когнитивный и коммуникативный подходы к интерпретации понятия *стратегии* не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют друг друга. С позиций обоих подходов стратегия рассматривается как сложный феномен, исследование которого предполагает обращение к понятиям *коммуникативная/речевая тактика*.

Тактики — совокупность практических ходов в реальном процессе коммуникации. Как известно, общепринятой классификации речевых стратегий и тактик не существует. Так, Н.И. Формановская считает, что тактик «существует такое

множество, какое можно сравнить с множеством речевых действий» (Формановская, 1989: 60).

Именно дискурсивный подход приводит к идее множественности интерпретации одной и той же фразы, текста, что связано с разными сознаниями, воспринимающими данный текст, а также разными стратегиями и тактиками пишущего и воспринимающего текст. Еще Л.С. Выготский утверждал, что мысль не просто оформляется в слове, а совершается в нем.

Культуроцентричность как тенденция современной лингвистики. О самой возможности изучать язык во взаимодействии с культурой писали В. Гумбольдт, А. Брюкнер, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, а в XX веке В.В. Иванов, В.Н. Топоров Н.И. Толстой, В.В. Воробьев, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.М. Шаклеин и др. Именно их работы подготовили почву для того, чтобы принять следующий постулат: *Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.* Это положение полностью соответствует утверждениям В. Гумбольдта о том, что изучение языка не может протекать изолированно от культуры, носителем которой является каждый человек, поскольку «...язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», это сумма всех слов, «объединенная духовная энергия народа...» (Гумбольдт, 1985: 348).

Итак, язык одновременно есть и орудие создания, развития, хранения культуры, и ее часть, с его помощью создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры. Культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует языковые категории и концепты. В своей деятельности человек имеет дело с репрезентациями мира в языке, с когнитивными картинками и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир. Именно языковой материал наиболее весомая, часто самодовлеющая информация о мире и человеке в нем.

Такой подход привел к изменению понимания культуры. Под влиянием когнитивной науки культура трактуется как «внутренняя концептуальная система, управляющая поведением человека» (Лурье, 2005: 235). Отсюда важный, а потому повторяемый автором статьи вывод, что **язык интерпретирует мир, создавая особую реальность, в которой живет человек.**

Культура — это результат человеческой деятельности. Например, лист клена, висящий на дереве, — это часть природы, а тот же лист, сорванный в память о встрече с любимым, — это уже часть культуры; камень, лежащий на обочине дороги, — природа, а тот же камень, положенный на могилу предка, — культура. Таким образом, культура — это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и др.) и способы видения, понимания и преобразования мира. Культура — это искусственная среда, созданная человеческой деятельностью. Но не всякая деятельность порождает, например, духовную культуру, а только та ее часть, которая носит сакральный характер либо связана с поисками смыслов бытия.

Во второй половине XX века проблема взаимодействия языка и культуры пытаются решить многие отрасли лингвистики — она исследуется в межкультурной

коммуникации (60-е годы XX века США), лингвострановедении (1970-е годы Россия), лингвокультурологии (90-е годы XX века Россия), этнолингвистике и антропологической лингвистике.

В настоящее время наблюдается стремительное развитие лингвокультурологии — науки, посвященной изучению и описанию корреспонденции языка и культуры их взаимодействию. При этом внимание привлекается к говорящему человеку.

Итак, язык и культура тесно взаимосвязаны, и это аксиома. Но как именно? Что является связующим звеном? Это как раз и является актуальнейшей на сегодняшний день проблемой, которая целым рядом лингвистов, философов, лингвокультурологов решается по-своему.

Мысль о том, что язык и действительность структурно сходны высказывал еще Л. Ельмслев: «Структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное отражение ее» (Ельмслев, 1970: 267). Именно поэтому философия рубежа тысячелетий развивается на базе исследования языка. А М. Хайдеггер, выдающийся мыслитель нашего времени, назвал язык «домом бытия». Телия В.Н. построила свою концепцию фразеологии на основе изоморфности языка и культуры (Телия, 2002).

Используя такие единицы языка, как поговорки и пословицы, можно научиться поведению, принятому в данной культуре: *Пей за столом, а не пей за столбом; Пеню время — молитве час; Делу время — потехе час; Под лежащий камень вода не бежит; По одежке протягивай ножки; Учись доброму, так худое на ум не пойдет; Побойся Бога! Обидеть легко, да жить какково?*

Таким образом, жизнь человека должна рассматриваться в зеркале культуры (Э. Кассирер), именно культура составляет тот общий фон, на котором воспринимается язык, который не просто выражает идеи, но и создает их.

Ученый, исследующий взаимодействие языка и культуры, должен учитывать, что он тоже носитель определенной этнической культуры, не только вооружающей, но одновременно ограничивающей его своей системой координат и категорий, потому что каждый язык, сквозь призму которого его носитель познает культуру и вырабатывает собственное миропонимание, несколько по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Еще В. Гумбольдт писал, что каждый язык очерчивает вокруг своего народа круг, выйти за пределы которого можно лишь путем усвоения еще одного языка.

Отсюда заключаем, что каждый язык имеет в некоторой степени особую картину мира, и носитель языка организует содержание высказывания в соответствии с этой картиной. В этом и проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Еще одна, пожалуй, самая спорная и сложная тенденция в современной лингвистике — повышенный интерес к **глубинным процессам и знаниям в языке**.

Для всей современной гуманитарной науки наиболее характерен переход от фактического знания к глубинному. На рубеже тысячелетий подступы к глубинному познанию реальности стали искать на путях синтеза научного, философского, художественного и религиозного подходов, имеющих своей установкой обретение целостного видения человека и способов его мирозерцания. (См.,

например, последние работы академика Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник», «Протей. Очерки хаотической эволюции» и др.)

Познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра его психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» (Берестнев, 2017: 38).

Выдающиеся мыслители прошлого века (например, Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате») выдвинули идею о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть постигнута дискурсивно, она открывается человеку в образе. Он писал: «В самом деле, существует Невысказываемое... Это мистическое» (Витгенштейн, 2005: 72).

По выражению П. Рикера, над каждым словом находится «венчик невыразимого», и в любой момент диалога во взвешенном состоянии находится и то, что непосредственно высказывается, и вся бесконечность невысказанного.

Современный ученый Т.В. Черниговская также считает, что язык включает в себя, кроме алгоритмов научения, и «невычисляемые пласты» (Черниговская, 2017: 64). О «сфере смутных представлений» писал И. Кант. Областью исследования глубинного становятся пророчества, сновидения, предвидения, совпадения в жизни людей, народные приметы.

Все это позволяет понять, что способ представления глубинных знаний может быть разным: *сны* рождаются в глубинах внутреннего мира, они плохо вербализуются, так как образны, прихотливы, неподвластны нам. В них одна картинка сменяет другую, казалось бы, без всякой логики и видимой причины. Они завораживают и оставляют смутное впечатление объективной реальности, непереводимой на язык слов. *Пророчества* — репрезентируются естественным языком. В *приметах* работают базовые семантические оппозиции — *левый — правый, горячий — холодный, свой — чужой, мужской — женский* (чешется левый глаз — к радости; чешется левая рука — к получению денег; споткнуться на левую ногу — к удаче; чешется правая рука — здороваться; удача ждет человека, оказавшегося за столом между двумя мужчинами с одинаковыми именами, встретить женщину с пустым ведром — к несчастью и т.д.).

Еще один путь к глубинному знанию — особое внимание к семантическим процессам, к тому, как ложатся на семантику языка наши знания о мире. Перефразируя известное высказывание Ю.М. Лотмана о семиотике, можно сказать: человек — это семантическое существо, живущее в мире значений и смыслов, репрезентирующих реальность. Однако здесь следует иметь в виду, что это не та традиционная семантика, а ее глубинные процессы, не лежащие на поверхности, так как языковая и культурная семантика во многих единицах языка тесно переплетается. Например, *спать и видеть* в значении «очень сильно хотеть». ИмPLICITная культурная информация — сон отражает сокровенные мечты, он прямо или косвенно связан с реальностью, поэтому у ряда народов есть ритуальные практики через сон объяснять и даже изменять реальность. Отсюда следует, что

в ФЕ *спать и видеть* просматривается следующий глубинный смысл: сон — это состояние полуреальности, которое помогает ее понять и предвидеть (ср.: *Смеяться во сне — плакать наяву. Смеяться во сне — к болезни* и т.п.).

Философ В.В. Налимов справедливо рассматривает мир как семантическую вселенную, а человека — как *самосчитываемый текст* (Налимов, 1993: 77). В генетической книге достаточно сместить только одну букву и весь дальнейший текст будет иметь другой смысл. Наш организм постоянно читает эту книгу. Чтобы повлиять на другого человека, необходимо войти в его семантическое поле, знать законы его функционирования, знать его грамматику. Тексты ДНК и РНК подчиняются общим законам универсальной грамматики. Если знать эту грамматику, то можно существенно повлиять на человека. Но уровень влияния определяется не только смыслом, ритмом и другими чисто языковыми характеристиками, но и уровнем *значительности личности*, пытающейся воздействовать, например, преподавателя, врача.

Экспериментально доказано влияние слова на мир. Так, установлено с помощью замеров влияние слова на семена пшеницы и ячменя: при чтении одного и того же текста пораженные радиацией семена *выздораавливают*, если текст читается *интересным и глубоким человеком*, вносящим в чтение *личностное* отношение. И здесь только подтверждается мысль Бердяева: «Тайна лишь углубляется от познания».

Итак, язык — орудие создания смысла и одновременно инструмент поиска смысла («*Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу*» — Ф. Тютчев).

Думается, что один из путей познания глубинных семантических процессов лежит через поэзию, которая оперирует множеством символов, имеющих диффузную и имплицитную семантику.

Действительно, мистическое имеет немаловажное значение при рассмотрении поэтического текста, который может быть проанализирован с позиций трансцендентного, т.е. лежащего по ту сторону опыта, но при этом обуславливающего данный опыт. Часто поэзию вообще выносят за рамки законов «рацио», и тогда она понимается вне оценки с позиций разума и логики. А как иначе объяснить появление поэтов-пророков? Только ли интуиция здесь работает? Эти вопросы пока так и остаются открытыми.

Известно, что древнейший склад ума был ясновидческим, мифологическим, колдовским, только в греко-латинский период на первое место выходит логическое рассуждение. И в России есть поэты, которые способны увидеть непонятный и страшный мир. Эти поэты тяготеют к той или иной форме мистического поиска: А. Блока подпитывала мистика, М. Волошина интересовала теософия, Вяч. Иванова — эзотерические знания, в творчество Ф. Сологуба вошли навьи и т.д. Таким образом, в России всегда были поэты, которые осмеливаются войти в глубь души и увидеть там бездну. Это Ф. Тютчев, А. Фет, А. Блок, М. Цветаева и др.

XX век в поэзии пронизан поисками таинственного. Поэты понимают, что область, доступная сознанию, невелика: разуму подвластна лишь маленькая часть мира, которую человек может понять и объяснить.

Считается, что лишь поэтам и мистикам открывается сокровенный смысл в обычных вещах. Такова Марина Цветаева, у которой видим чудом сохраненные остатки древнего сумеречного ясновидения, явленные в ее творчестве. Не случайно она писала: «Стихи сбываются. Поэтому не все пишу».

В ее творчестве особенно велика роль ирреального, которое и страшно, и притягательно одновременно. Великий сербский философ и богослов Преподобный Иустин (Прокопович) писал: «Своими пугающими загадками потустороннее, как огненными стрелами, изрешетило и тело, и дух человека, которым обнесена наша чудная планета. Загадками человек изрешечен, и тело его стало решетом, и его дух. А решето может ли остановить ураган потусторонних тайн...?» (Преподобный Иустин (Прокопович), 2004: 24). Думается, что именно поэзия может в какой-то мере ответить на этот вопрос.

Как явлена цветаевская стихия? В ней можно выделить не менее трех ипостасей ее проявления: 1) в поэтическом творчестве вообще, в слове, где явлена нам чара; 2) в представлении ею внешних стихий — огня, музыки, сна; 3) стихия как индивидуальный мистический опыт, как выход за пределы бытия, в Космос («Поэма Воздуха»).

М. Цветаева — поэт, который не просто имеет дело со стихиями, она находится внутри стихии и может перенести это ощущение в поэзию. Все ее творчество — это освобождение стихийного начала в себе, претворение его в поэзию. В ее стихах есть недоговоренность, возможность для сотворчества:

*Тусклостями: ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.* (Цветаева, т. 2: 124).

Ее лирика зачастую — спонтанное течение сознания, восприятия жизни как непрестанно чередующихся образов и впечатлений, образующее некий «поток» на основе человеческих импульсов и инстинктов:

Вот: слышится — а слов не слышу,
Вот: близится — и тьмится вдруг..

На всем ее творчестве лежит печать неугасимой тоски по иному миру. Ее поэзия поражает своей мистической устремленностью к высшим мирам. Кажется, что ее откровения рождаются помимо ее воли, что они даются ей свыше. Таковы ее стихотворения и циклы «Ночь», «Час души», «Заочность», «Так вслушиваются...» и др. Но наибольшей высоты она достигла в «Поэме Воздуха».

Тончайшие смыслы ее стиха зачастую не поддаются вербализации, превращают их в сгусты невыразимого, сродни колдовскими заклинаниям.

Что дадут подобные исследования лингвистике? С их помощью могут быть получены новые данные о содержательном устройстве человеческой ментальности, психики, имеющих отношение к бессознательному. Поэтому необходима дальнейшая разработка данного вопроса, объективный лингвистический анализ данных феноменов.

Эти знания вскрывают для нас некаузальные отношения в мире как мало исследованные, обнаруживая более глубокий закон бытия.

Заклучение

Итак, теперь уже нет сомнений, что изучение языка заведомо неполно без обращения к мыслительным категориям, категориям культуры, сознанию и даже подсознанию человека, так как язык представляет собой сложный интегральный феномен и его изучение должно проходить в широком системном контексте.

Сбылись слова Э. Сепира, сказанные им еще в 1929 году о расширении области исследования в лингвистике: «Остается лишь надеяться, что лингвистика осознает важность своего предмета изучения для общего развития наших знаний о мире и не останется в стороне, прикрывшись традицией, которая рискует стать схоластической, если ее не оживить обращением к областям, лежащим за пределами формального изучения собственно языка» (Сепир, 1993: 211).

Благодаря названным тенденциям, языкознанием стало исследоваться то, что пару десятилетий назад находилось вне сферы лингвистики. В нашей же стране по-прежнему приговором звучит фраза: «Это не лингвистика». Здесь хочется подчеркнуть, что в сферу лингвистики сейчас входит все, что отвечает требованиям теории знаковых систем и что позволяет увидеть глубинные семантические основы языка, человеческой ментальности и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки в языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: юбилейный сб. науч. тр. к 65-летию Николая Федоровича Алефиренко. М.: Флинта; Наука, 2011. С. 16–27.
- Алпатов В.М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
- Бахтин М.М.* Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных наук. Опыт философского анализа / Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 270–303.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
- Берестнев Г.И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики / Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков. Липецк, 2017.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
- Бубер М.* Проблема человека. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1998. 132 с.
- Витгенштейн Л.* Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
- Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
- Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 310 с.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 1. С. 264–389.
- Каменская О.Л.* Структура и функция текста как средства коммуникации. М.: Высшая школа, 1990.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2004. 432 с.

- Лурье С.В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 624 с.
- Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 280 с.
- Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания / Язык и наука конца XX века; под ред. Ю.С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 341—420.
- Преподобный Иустин (Прокопович).* Философские пропасти. М.: Изд-во РПЦ, 2004. 288 с.
- Рубакин Н.А.* Тайна успешной пропаганды / Форматы непонимания. М.: НОУ «Высшие молодежные курсы», 2000. 289 с.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и науки конца XX века: сб. ст. М.: РГГУ, 1995. С. 35—73.
- Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) / С любовью к языку. М.; Воронеж: ИЯ РАН; ВГУ, 2002. 492 с.
- Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.
- Цветашева М.* Собрание сочинений в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994—1997.
- Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
- LaTableRonde:* сб. материалов / под ред. И.Ф. Ухвановой, А.А. Кожиновой, Е.В. Савич. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск: РИВШ, 2013. 368 с.
- Sherzer J.* The Ethnography of Speaking: A Critical Appraisal // Saville Troike (ed) Linguistics and Anthropology. Washington D.C.: Georgetown Un.Press, 1977. P. 43—58.

© Маслова В.А., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.12.2017

Дата принятия к печати: 21.01.2018

Для цитирования:

Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их исследования. 2018. Т. 16. № 2. С. 172—190. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190

Сведения об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна, член Президиума ВАК Белоруссии, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. *Сфера научных интересов:* теория языка, лингвокультурология, лингвоконцептология. Автор около 500 научных публикаций, из них около 30 монографий, учебников и учебных пособий. *Контактная информация:* mvavit@tut.by

THE MAIN TRENDS AND PRINCIPLES OF MODERN LINGUISTICS

V.A. Maslova

P.M. Masherov Vitebsk State University
33, *Moskovskiy Avenue, Vitebsk, 210015, Belarus*

The article identifies and describes the main trends and principles of modern linguistics such as integrativity, anthropocentricity, communicativeness, dialogicness, discursiveness, culturecentricity, interest in deep language knowledge, which interact even in one research.

Taking the human factor into account is the most important characteristic of post-nonclassical science, and therefore the anthropocentric vector of modern linguistic research contributes to the emergence of most of these principles.

In the twenty-first century, all humanities including linguistics are changing under the new demands of the modern social situation: first of all, due to a higher level of synthesis of humanities, their integrativity not only among themselves, but also with natural sciences. For such a complex research object as language, representatives of many sciences can contribute — from molecular biology, genetics, neurophysiology and psychology to anthropology, neurolinguistics and analytical philosophy. Research specialization should be found, as V.I. Vernadsky points out, “not in science, but in problems”, because the removal of information barriers between the sciences gives a powerful impetus for the research development.

Thanks to these tendencies and principles, linguistics started exploring the problems that previously were not part in its sphere of interest. Now the sphere of interest of linguistics includes everything that meets the requirements of sign systems theory and allows to see the deep semantic foundations of language, human mentality and culture.

Key words: integrativity, anthropocentricity, communicativeness, dialogicness, discursiveness, culturecentricity

REFERENCES

- Alefirenko, N.F. (2011). Cognitive and Pragmatic Subparadigm of the Language Science. *Cognitive and Pragmatic Vectors of Modern Linguistics: a Collection of Scientific Works* (pp. 16–27). Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Alpatov, V.M. (1993). On the Anthropocentric and Systemcentric Approaches to Language. *Questions of linguistics*. 3, 15–26. (In Russ.).
- Bakhtin, M.M. (1979). Text Problems In Linguistics, Philology and Other Humanities. Experience of Philosophical Analysis. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow. (In Russ).
- Benveniste, E. (1974). *General Linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Berestnev, G. (2017). Synchronicity as an Object of Cognitive Linguistics. *Spirituality And Mentality: The Ecology Of Language and Culture in the End of the XX–XXI centuries*. Lipetsk. (In Russ).
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *Selected Works on General Linguistics*. T. 2. Moscow: House of the USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ).
- Buber, M. (1998). *The Problem of a Human*. Kiev. (In Russ).
- Wittgenstein, L. (2005). *Selected Works*. Translated from German and English by V. Rudnev. Moscow: “Territory of the Future” Publ. (In Russ).
- Humboldt, W. (1984). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Humboldt, W. (1985). *Language and Philosophy of Culture*. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Dake, T.A. (2000). *Language. Cognition. Communication*. Translated from English. Blagoveshchensk. (In Russ).

- Hjelmslev, L. (1970). Prolegomena to a Theory of Language. *New in Linguistics*. 1, 264—389. Moscow. (In Russ).
- Kamenskaya, O.L. (1990). *Structure and Function of the Text as a Means of Communication*. Moscow. (In Russ).
- Karaulov, Yu.N. (2004). *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: URSS Publ. (In Russ).
- LaTableRonde (2013). A collection of materials. *Linguistics of Discourse and Perspectives of Its Development in The Paradigm of Modern Slavonic Studies*. Minsk: RIVSH Publ. (In Russ).
- Lurie, S.V. (2005). *Psychological Anthropology: History, Current Status and Prospects: Textbook for Universities*. Moscow: Academic Project: Alma Mater («Gaudeamus») Publ. (In Russ).
- Nalimov, V.V. (1993). *In Search of Other Meanings*. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Postovalova, V.I. (1995). The Science of Language in the Aspect of the Ideal of Integral Knowledge. *Language and Science of the Late 20th Century*. Moscow: Institute of Linguistics RAS Publ. (In Russ).
- The Monk Iustin (Prokopovich) (2004). *Philosophical Abysses*. Moscow. (In Russ).
- Rubakin, N.A. (2000). Mystery of Successful Propaganda. *Formats of Misunderstanding*. Moscow. (In Russ).
- Sepir, E. (1993). Selected Works on Linguistics and Culturology. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Stepanov, Yu.S. (1995). Alternative world, Discourse. Fact and Principle of Causality. *Language and Science of the Late Twentieth Century*. Moscow. (In Russ).
- Telia, V.N. (2002). The Object of Linguoculturology between the Scylla of Linguistic-Creative Technique of the Language and the Charybdis of Culture (To the Problem of the Private Epistemology of Cultural Linguistics). *With Love to the Language*. Moscow. (In Russ).
- Formanovskaya, N.I. (1989). *Speech Etiquette and Communication Culture*. Moscow: High School Publ. (In Russ).
- Tsvetaeva, M. (1994—1997). *Collected works in 7 volumes*. Moscow: Ellis Lak Publ. (In Russ).
- Tchernigovskaya, T. (2017). *Cheshire Smile Of The Cat Schrödinger: Language And Consciousness*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russ).
- Shcherba, L.V. (1974). *Language System and Speech Activity*. Moscow. (In Russ).
- Sherzer, J. (1977). The Ethnography of Speaking: A Critical Appraisal. *Saville Troike (ed) Linguistics and Anthropology*. Washington DC: Georgetown Un.Press Publ. (In Eng).

Article history:

Received: 18.01.2017

Accepted: 21.01.2018

For citation:

Maslova V.A. (2018) The Main Trends and Principles of Modern Linguistics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 172—190. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190

Bio Note:

Maslova Valentina Avraamovna, the member of the Presidium of Higher Certifying Commission of the Republic of Belarus, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Germanic Philology, Vitebsk State University named after P.M. Masherov. *Research interests*: linguistic theory, cultural linguistics, linguoconceptology. The author of about 500 scientific publications, including about 30 monographs, textbooks and manuals. *Contact information*: mvavit@tut.by

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-191-206

УДК 811.161

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Н.Л. Федотова

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Л.В. Миллер

Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I
Российская Федерация, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9

В статье описываются факторы, которые оказывают влияние на процессы социально-психологической и социокультурной адаптации иностранных студентов, получающих образование на неродном языке в условиях культурно чуждой среды. Процесс адаптации рассматривается в двух взаимосвязанных системах координат: студент — его социокультурное окружение и студент — образовательная среда, в которую он органично включен. Социокультурная адаптация иностранного учащегося — многоступенчатый процесс, включающий в себя: 1) дозированное, имеющее непосредственное отношение к мотивационной сфере студента получение информации о культуре страны изучаемого языка; 2) формирование инокультурной компетентности как фрагмента языковой картины мира; 3) развитие способности к правильной интерпретации проявлений коммуникативного поведения русских; 4) формирование практических навыков и умений учебно-профессионального и культурно-бытового общения с русскими. Авторы обосновывают положение о том, что этот процесс будет менее болезненным и более результативным, если: а) сделать его управляемым; б) разработать комплекс мер, позволяющих предупреждать коммуникативные неудачи и снимать психологическое напряжение, которое обусловлено воздействием другой культуры.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, образовательная среда, социокультурное окружение, межкультурная коммуникация, лингвокультурологическая компетенция, промежуточная лингвокультурная картина мира

Введение

Как известно, адаптация в широком смысле слова — это приспособление организма к условиям среды, в которую он попадает. Применительно к обучению иностранных студентов в российских вузах можно вести речь о биологической адаптации (привыкании к устойчивым и изменяющимся природным условиям), о социально-психологической адаптации, являющейся и процессом, и результатом установления отношений между личностью и социальной средой (Кравцов,

2008), и о социокультурной адаптации, заключающейся в умении ориентироваться в незнакомом социуме и успешно решать повседневные бытовые и образовательные проблемы (Садохин, 2014: 149).

Нельзя не упомянуть о том, что в теории межкультурных контактов вместо термина *адаптация* часто используется термин *аккультурация* (Садохин, 2014: 131; Лебедева, 1999: 205). Однако на взгляд авторов статьи, он не вполне соответствует современным представлениям о взаимодействии представителей разных культур в лингвокультурной и образовательной сфере. Термин «аккультурация», заимствованный из этнографии, понимается в межкультурной коммуникации как процесс и результат взаимовлияния контактирующих культур, когда представители одной культуры должны принять нормы, ценности и традиции носителей другой национальной культуры (Василик, 2003). Думается, что в основу аккультурации заложена не отвечающая потребностям «мира открытых границ» субъект-объектная коммуникативная модель. В сущности, она «прочитывается» следующим образом: перед нами некий «некультурный» объект, которого необходимо «окультурить». Естественно, такая модель не только искажает реальный сценарий контакта культур, но и выглядит не совсем политкорректной. Нет никаких сомнений в том, что в современных условиях субъект-объектная форма презентации культуры должна смениться субъект-субъектной, иначе говоря, в нее должна быть заложена интерсубъективная модель.

Цель

Цели данной статьи — показать связь лингвосоциокультурной адаптации и инокультурной компетентности; выявить факторы, влияющие на процесс лингвосоциокультурной адаптации; разработать систему мер, позволяющих поддерживать на заданном уровне мотивацию у иностранных учащихся к постижению чужой культуры.

Материалы и методы

Для достижения целей, поставленных в исследовании, использовались методы, обеспечивающие объективность результатов анкетирования:

- *наблюдение* за процессом адаптации иностранных студентов к русской лингвокультурной и образовательной среде;
- *анкетирование* китайских учащихся, которые приехали на учебу в Россию;
- *качественно-количественный анализ* результатов анкетирования;
- *интерпретативный метод*, который позволяет выявить закономерные связи между языковой картиной мира инофона и социокультурным пространством, в котором осуществляется изучение иностранного языка;
- *метод моделирования* поведения индивида в инокультурной среде.

Обсуждение

Лингвосоциокультурная адаптация и инокультурная компетентность. Сомова Н.В., основываясь на компетентностном подходе в образовании, предлагает использовать термин «социально-адаптивная компетентность», под которой ав-

тор понимает «совокупность знаний, представлений, алгоритмов действий, системы ценности и отношений, актуализированных в процессе социокультурной адаптации» (Сомова, 2014: 236). Данный термин, кажущийся в целом приемлемым, представляется не вполне адекватным применительно к адаптации иностранца, получающего образование на неродном языке, поскольку содержание термина не включает в себя лингводидактического компонента.

По этой причине в отношении интересующей нас проблематики более уместно говорить именно о *лингвосоциокультурной адаптации* иностранных студентов, приехавших на учебу в РФ в целях получения высшего образования. Такой ракурс рассмотрения обусловлен, прежде всего, прагматическими причинами: иностранец, для которого русская культура не является будущей специальностью, не ставит (да и не должен ставить) перед собой задачи полного погружения в русскую культуру и, как следствие, выработки свойственных носителям русской культуры оценочных и аффективных реакций на те или иные продукты культуры. В этом случае именно овладение русским языком для иностранного студента — одна из первоочередных задач. Исходя из этого, представления о процессе и результате адаптации иностранных студентов к обучению и жизни в России должны быть уточнены и скорректированы.

Лингвосоциокультурная адаптация иностранного учащегося может рассматриваться как многоступенчатый процесс, включающий в себя:

1) дозированное, имеющее непосредственное отношение к мотивационной сфере студента получение информации о культуре страны изучаемого языка (и прежде всего об особенностях учебно-профессиональной сферы, национальной образовательной традиции, модели взаимоотношений «преподаватель-учащийся»). В этом случае есть все основания говорить об образовательной адаптации как части лингвосоциокультурной адаптации, поскольку иностранцу не так легко привыкнуть к особенностям российской системы образования (двухсеместровое обучение, экзаменационные сессии, производственная практика и т.д.) и к специфике учебного заведения (расписание занятий, учебные планы, правила сдачи зачетов и экзаменов и др.). Определенные трудности вызваны и общепринятыми в российской практике преподавания РКИ коммуникативными методами и приемами, к которым, например, китайские студенты не готовы, поскольку лингвометодическая традиция Китая характеризуется приоритетом грамматико-переводного метода и письменных работ;

2) формирование инокультурной компетентности как фрагмента языковой картины мира. По справедливому утверждению Е.Н. Стрельчук, «концептуальная, языковая и научная картины мира, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом, способствуют формированию положительного образа России при опоре на лингвокультурные единицы (безэквивалентную лексику, фразеологизмы, пословицы и поговорки, афоризмы), основными источниками которых являются произведения русского искусства и профессионально ориентированные культурологические тексты, презентацию которых необходимо осуществлять через призму метафорической модели «Россия — человек: антропоморфные признаки...» (Стрельчук, 2016: 23);

3) развитие способности к правильной интерпретации (адекватной атрибуции) проявлений коммуникативного поведения русских (прежде всего, при общении с преподавателями и сокурсниками, а также с администрацией университета и общежития);

4) формирование практических навыков и умений учебно-профессионального и культурно-бытового общения с носителями русского языка.

С точки зрения авторов, для эффективной реализации такой версии лингво-социокультурной адаптации должна быть разработана инновационная методическая модель, которая позволит управлять этим процессом, обеспечивая учебно-профессиональное и культурное научение студентов. Она может быть названа *моделью формирования инокультурной компетентности*. В основе ее разработки должна лежать идея о том, что успешность восприятия некоторого смыслового фрагмента инокультурного мира часто зависит не от того, какое количество информации и насколько объективно представляется реципиенту-инофоню, а прежде всего от того, насколько точно и понятно разъясняется иностранцу, как «видят», оценивают и даже переживают этот фрагмент русские. Другими словами, с самого начала не стоит добиваться от иностранного студента тех поведенческих и эмоциональных реакций, которые возникают в какой-либо ситуации у русских. Вероятно, методическая задача заключается не в том, чтобы побудить иностранца действовать так, как действуют русские, а в том, чтобы заставить его хорошо понимать, что именно послужило мотивом определенной реакции русского собеседника, что переживает русский в той или иной ситуации общения. Только так можно избежать негативной оценки чужого, непривычного и обеспечить условия для развития толерантности. В идеале иностранец должен думать так: *у меня другая реакция, но у русских это так, и я понимаю, что это так, и допускаю, что так может быть, и ничего плохого в этом не вижу; также я понимаю, что мотивом этой реакции не было негативное отношение ко мне*. Последнее может считаться важнейшим условием успешности любого, в том числе и учебно-профессионального, общения.

Таким образом, термин *инокультурная компетентность* оказывается в данном случае наиболее адекватным, поскольку, во-первых, в его содержании отражено представление о том, что иностранец знаком с определенными культуроспецифичными явлениями, но относится к ним безоценочно, понимая, что в чужой стране не может не быть непривычного и даже чуждого. Во-вторых, такое понимание важно потому, что предполагает возможность говорить о степенях или уровнях этой компетентности, т.е. имеет «измерительный» аспект.

Представляется также справедливым утверждение, что именно благодаря формированию инокультурной компетентности в сознании инофона из двух изначально непересекающихся культурных миров складывается некая *промежуточная лингвокультурная картина мира*, которая и помогает нейтрализовать многие негативные реакции, вызванные непривычным лингвокультурным окружением. Такое предположение соотносится с идеей о существовании промежуточной системы, формируемой в процессе становления двуязычия (Карлинский, 1990; Залевская, 1999). Так же, как и в ситуации овладения новым языковым кодом (Фонетический аспект общения на неродном языке, 2006: 20), эта промежуточная

стадия сформированности инокультурной компетентности обеспечивает постепенный переход к постижению другой культуры. Данный факт «подкрепляет» релевантность понятия *лингвосоциокультурная адаптация*, в процессе которой формируется личность, готовая к межкультурному взаимодействию.

Наиболее существенными факторами, влияющими на процесс лингвосоциокультурной адаптации, можно считать следующие.

Биологический фактор. Его нельзя не учитывать, поскольку, важный сам по себе, для иностранца он оказывается в каком-то смысле и культурным. Оказавшись в новых условиях, представитель иной национальной культуры может испытывать дискомфорт не только от того, что ему трудно привыкнуть к другому климату, режиму дня, непривычным вкусам и запахам и др. Для преодоления такого дискомфорта человек должен адаптироваться как биологическая особь. Осложняют этот процесс непривычные для него, но обусловленные культурой повседневности модели поведения, которые они наблюдают у русских. Раздражать может зимняя одежда, особенности национальной кухни, бытовые привычки соседей по общежитию и др. На этот «биокультурный» раздражитель человек не может не реагировать, а поскольку этот раздражитель постоянный, то индивиду очень трудно расслабиться, что приводит к нарушению режима труда, отдыха и сна.

Уровень базовой общеобразовательной подготовки, предрасположенность к учению и, в частности, к изучению иностранного языка. Чем выше этот уровень, тем легче протекает процесс адаптации. Известно, что люди с высшим образованием демонстрируют большую готовность к эмпатии и приятию культурночуждого, а изучение каждого следующего иностранного языка дается человеку более легко, что также влияет на протекание процесса адаптации и формирование толерантного отношения к культурным различиям.

Необходимость овладения речевой культурой носителей изучаемого языка. Так, «формирование русской речевой культуры иностранных бакалавров негуманитарных специальностей (технических, естественнонаучных и экономических) в современной языковой среде осуществляется на основе компетентностного подхода в соответствии с ФГОС ВПО и Требованиями по русскому языку как иностранному (I и II сертификационные уровни) при учете форм (непрерывная и включенная) и условий (полиэтнические и моноэтнические группы; полипрофессиональные и монопрофессиональные группы) обучения» (Стрельчук, 2016: 21).

Специфика этнопсихологического склада и национальной ментальности, принадлежность к тому или иному типу культур (индивидуалистическому или коллективистскому).

Например, представителям коллективистских культур часто очень нелегко адаптироваться в пространстве индивидуалистической культуры, в то время как люди, разделяющая индивидуалистические принципы практически не испытывают трудностей.

Интеллектуальные перегрузки. Здесь имеет значение объем учебного материала, необходимого для усвоения. Если он слишком велик, возникает негативная реакция и соблазн объяснить свои неудачи внешними обстоятельствами: плохой

преподаватель, неэффективные методические приемы и пр. Одной из причин перегрузок такого рода служит и ежедневный мощный поток информации на иностранном языке.

Эмоциональные перегрузки. Отсутствие взаимопонимания с педагогами, которое учащийся может связывать или с несправедливостью преподавателя, или с отсутствием у себя знаний и качеств, необходимых для решения учебных задач, или, что хуже всего, с пристрастным отношением к нему, потому что он иностранец. Основной причиной недоразумений в этом случае являются различные в разных культурах модели речевого поведения и речеповеденческие тактики. Зачастую непонимание возникает не потому, что есть проблема, а потому что свойственная российской образовательной традиции модель отношений *учитель-ученик* непривычна для иностранца. Следует также иметь в виду, что, допустим, высококонтекстные культуры (Елизарова, 2000) могут значительно отличаться по степени проявления эмоций в речи. Так, например, и в русском, и в японском языках имеется богатый репертуар лексико-грамматических средств выражения эмоций, позволяющий разграничивать окраску межличностных отношений. Однако, если японцы весьма сдержанны при обмене информацией, то «русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» (Вежбицкая, 1996: 43). В частной беседе с русскими, которым они доверяют, иностранцы говорят, что их преподаватель бывает не сдержан в своих высказываниях («кричит на нас»), принимая повышенную эмоциональность за раздражение.

Эмоциональные проблемы провоцируют также страх у иностранных студентов перед необходимостью объяснять причины академической неуспеваемости родителям, которые платят за учебу.

Бытовые факторы. К ним можно отнести неправильное планирование бюджета, трудности самообслуживания. Особую роль играют взаимоотношения с администрацией общежития. Отсутствие понимания мотивов действий коменданта общежития, например, иногда вызывает настолько острую негативную реакцию у иностранного студента, что она может свести на нет положительную динамику процесса адаптации в целом. Представители культур, в сознании которых сформирован культурный концепт «privacy» (Леонтович, 2005: 114), тревожно реагируют на любые попытки контроля своего личного пространства и отказываются понимать правила, согласно которым представитель администрации общежития может заходить в их комнаты без приглашения, а иногда и без их ведома.

Степень интернационализации личности. Чем ниже информированность человека о других культурах и его готовность к приятию культурночуждого, тем острее обусловленные сравнением «своей» и «чужой» систем ценностей его негативные аффективные реакции на окружающее, в том числе и на учебный процесс. Возможно и обратное. Например, у человека, много путешествующего и часто взаимодействующего с представителями других культур, ментальная оппозиция *свой/чужой* постепенно «стирается» и вместо нее появляется другая, более характерная для интернационализованного сознания: *я/другой*.

Мотивация к постижению чужой культуры. С процессом адаптации тесно связана проблема мотивации. В целях успешности обучения иностранцев в стране изучаемого языка следует попытаться разработать систему мер, позволяющих поддерживать на заданном уровне мотивацию у иностранных учащихся к овладению инокультурой. Исходя из утверждения, что мотив служит побудителем *конкретно направленной деятельности* (Нюттен, 1975), мотивацию рассматривают как побуждение к *определенного вида деятельности*, предполагающее активизацию психической деятельности при возрастании ее уровня (Фресс, Пиаже, 1975).

В зависимости от содержания и специфики выполняемой деятельности мотивы деятельности делятся на *внешние* и *внутренние*. Внешние мотивы учебной деятельности обусловлены факторами, находящимися вне сферы этой деятельности. Так, М. Фюмадель (Fumadelles, 1971: 83) разработал следующую классификацию внешних мотиваций.

I. *Положительные мотивации*, к которым относятся социальные (чувство гражданского, национального долга) и честолюбивые (желание быть первым). Эти мотивации можно считать универсальными, поскольку они актуальны при обучении в любых условиях.

II. *Отрицательные мотивации* (желание уйти от неприятного, раздражающего преобладает над стремлением получить удовольствие), в число которых входят *собственно отрицательные* (боязнь насмешек, плохих оценок, наказания и др.) и *конфликтные* (результат авторитарной формы общения преподавателя со студентами). Поскольку взаимоотношения *учитель-ученик* существенным образом затрагивают эмоциональную сферу, т.е. аффективны по своей природе, такого рода конфликтные мотивации могут быть выделены в качестве отдельного типа и названы *аффективными*. Всегда существующий барьер между преподавателем и студентом чаще всего более осязаем для иностранного студента, поскольку, кроме всего прочего, этот барьер обусловлен сравнением «своей» и «чужой» систем ценностей, которое либо положительно, либо отрицательно влияет на решение учебных задач. Именно такое препятствие создает эмоциональное напряжение у учащегося, который может по-разному относиться к преподавателю, хотя последний «по умолчанию» обладает авторитетом. К числу аффективных мотиваций можно отнести и взаимоотношения с одноклассниками, форму организации учебного процесса и др.

Если посмотреть на данную классификацию сквозь призму иноязычного образования, то следует отметить, что наиболее существенное влияние на процесс лингвосоциокультурной адаптации будут оказывать аффективные и отрицательные мотивации, поскольку положительные мотивации не в такой степени зависят от привычности/непривычности окружающей культурной среды.

К внутренним мотивам учения, которые наиболее естественны, относят обычно собственно познавательные интересы, непосредственную заинтересованность учащегося в учебном процессе и достижении результата учения.

Интерференция контактирующих культур. Как известно, любая культура имеет специфические способы осуществления коммуникации, что отражается в коммуникативном поведении представителей разных культур (Стернин, 1989). Для

комфортного пребывания в иной культурной среде индивид должен овладеть прежде всего новыми навыками социального поведения. «Новые условия существования диктуют изменения поведения индивида, адекватные требованиям новой образовательной среды, что является результатом процесса социально-психологического общения, в котором человек как субъект адаптации принимает непосредственное участие» (Terziev, 2015).

У иностранного учащегося могут быть теоретические знания о нормах речевого поведения носителей русского языка, но, как правило, отсутствуют представления о том, как следует реагировать в разных коммуникативных ситуациях. В конечном счете это может привести к коммуникативным неудачам или даже к «культурному шоку», который в свою очередь оказывает влияние на духовно-нравственную организацию личности. Опасность культурного шока заключается в том, что иностранный студент приходит к абсолютному неприятию другой культуры, демонстрирует резко отрицательное отношение к ней, воспринимает ценности этой культуры как враждебные для себя. С такими студентами-иностранцами, например, чрезвычайно трудно организовать внеаудиторную воспитательную работу (посещение театров и музеев, подготовка вечеров и концертов) и самостоятельную работу с использованием проектного метода (подготовка презентаций по страноведческим темам).

Можно воспользоваться другим термином — «стресс аккультурации», с помощью которого межкультурный контакт связывается и с положительным опытом: например, оценка проблем и их преодоление (Berry, 1997). Некоторые исследователи полагают, что, хотя культурный шок сопровождается беспокойством, которое вызвано утратой привычных форм социального общения, в целом это естественный процесс адаптации, обусловленный культурными различиями, индивидуальными различиями и опытом пребывания в иной культуре (Груздев, Груздева, 1996). В таком случае задачами «управляемой адаптации» можно считать смягчение симптомов культурного шока и сокращение периода его протекания. Этому способствует и создание на занятиях по русскому языку атмосферы «добраго дома», где каждому субъекту учебного процесса должно быть психологически комфортно (Kin, 2014).

Нельзя не сказать и том, что возможны точки соприкосновения контактирующих культур, что позитивно отражается на успешной адаптации иностранных учащихся в инокультурной среде. Поскольку элементы восточной культуры входят в западный, в частности, и в русский обиход, это позволяет выявить в контактирующих культурах общие смысловые зоны. Так, например, например, и тайландскую, и русскую культуры можно отнести, к «фаталистическим, где принимается неизбежность происходящего в природе вообще и с человеком в частности, редко даются обещания, а если даются, то с оговорками типа “если ничего не случится...”». Если что-то идет не по плану, то положение дел принимается как неизбежное, не подлежащее контролю: “Ну, что здесь можно поделать?” Планы как таковые имеют не слишком большое значение» (Елизарова, 2000: 26). Такие совпадения, вне всяких сомнений, облегчают процесс лингвосоциокультурной адаптации. Анализ научной литературы и личный опыт авторов не выявляют каких-либо конфликтных ситуаций в этой сфере. Подобные точки пере-

сечения контактирующих культур должны стать опорой при программировании процесса адаптации.

Формирование инокультурной компетентности и становление промежуточной лингвокультурной картины мира имеет огромное значение еще и потому, что иностранец, приобретая знания о стране изучаемого языка, углубляет понимание и своей культуры, а значит, его способности к адекватному межкультурному сопоставлению возрастают, что также способствует возникновению толерантного отношения к ценностям представителей иной культуры. Важным представляется и требование к организации учебного процесса, когда должен быть обеспечен перенос полученных знаний на новые ситуации (Triandis, 1994).

Иногда иностранный учащийся вынужден преодолевать в себе отторжение новых культурных традиций и ценностей. В процессе преподавания русского языка как иностранного следует выработать у учащихся понимание того, что в мире нет абсолютных истин, поэтому возможно только сосуществование равноправных истин, а значит, только изучение и «приятие» культурночуждого может дать положительный эффект, и, попадая в чужую культуру, «целесообразно поступать в соответствии с нормами, обычаями, традициями этой культуры, не навязывая своих религии, ценностей, образа жизни» (Почебут, 1995: 77). Специфика межкультурного общения заключается в том, что в процессе ее теряет актуальность «золотое правило нравственности» — *поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой*. В качестве альтернативы М. Беннет предложил «платиновое правило» — *поступай с другими так, как они поступали бы сами с собой*. Действительно, только умение встать на место другого позволяет преодолеть культурные границы, понять культурно-ментальные ориентации партнера по межкультурному общению и начать путь от лингвосоциокультурной адаптации к интеграции.

Необходимо также подчеркнуть, что, разрабатывая комплекс мер, позволяющих облегчить иностранным студентам успешное продвижение к пониманию другой культуры, процесс адаптации должен рассматриваться в двух взаимосвязанных системах координат: студент и его социокультурное окружение, студент и образовательная среда, в которую он органично включен.

Полноценное общение иностранного учащегося с российскими студентами — коммуникативный фактор, мощный позитивный механизм, способствующий его скорейшей адаптации в стране изучаемого языка. К сожалению, например, китайские студенты, обучающиеся в вузах России, предпочитают общаться только со своими земляками, у них почти нет русских друзей. Этот факт связан не только с нежеланием впустить «чужого» в свою жизнь (пусть даже учебную), но и с низким уровнем владения русским языком, с отсутствием элементарных знаний о русской культуре. По этой причине китайцы боятся быть непонятыми или смешными. В результате возникает «синдром гетто».

Результаты

Лингводидактические измерения степени адаптированности иностранных студентов, обучающихся в России. В целях уточнения представлений об особенностях адаптации иностранных студентов к жизни и учебе в России и о факторах, влияющих на этот процесс, были проведены исследования в нескольких вузах России.

яющих на протекание этого процесса, в апреле 2017 года авторами было проведено анонимное анкетирование китайских студентов, изучающих русский язык в Санкт-Петербургском государственном университете. В анкетировании приняли участие 100 информантов (50 — молодые люди, 50 — девушки) в возрасте от 18 до 24 лет, обучающиеся в России менее 6-ти месяцев.

Вопросы анкеты, в которых отражены проблемы лингвосоциокультурной адаптации иностранных студентов, были составлены с учетом данных, приведенных в исследованиях М.И. Витковской и И.В. Троцук (Витковская, Троцук, 2004) и Б.Б. Степановой (Степанова, 2014): языковой барьер; сложности в процессе обучения; жилищно-бытовые условия; неорганизованность досуга; недостаточное информирование студентов и абитуриентов о жизни вуза.

Результаты анкетирования (рисунок) показали, что, если говорить о биологическом факторе, влияющем на процесс лингвосоциокультурной адаптации, то оказалось, что опрошенным больше всего не нравится вкус и запах блюд русской кухни (соответственно 50% и 22%). Эти цифры практически совпали в ответах девушек и молодых людей. К холодному климату с трудом привыкают 36% мужчин и 16% женщин. Отсутствие солнца не нравится 44% опрошенных, причем этот ответ не зависит от гендерного фактора.

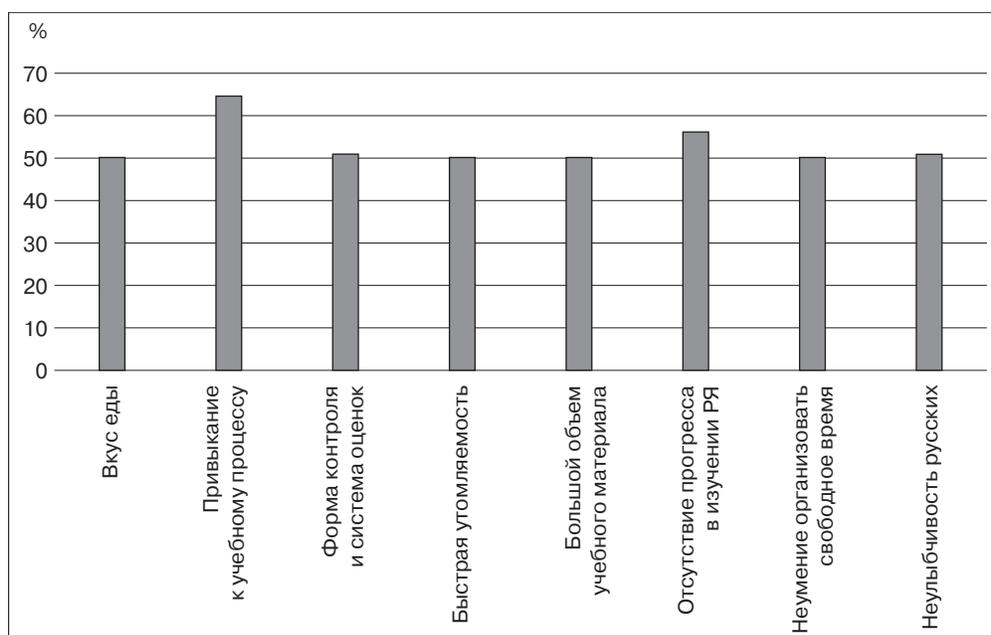

Рисунок. Проблемные зоны адаптации иностранных студентов в русской лингвосоциокультурной и образовательной среде

Образовательная адаптация, как это следует из опроса, осложняется тем, что 64 мужчин и 48% процентов женщин не чувствуют прогресса в изучении русского языка; 68 и 64% соответственно не очень легко привыкают к учебному процессу. Объем изучаемого материала кажется слишком большим 44% мужчин и 56% женщин. В отношении других «проблемных зон» можно сказать следующее: в целом у девушек образовательная адаптация протекает легче. Об этом красно-

речиво свидетельствуют следующие цифры: форма контроля не устраивает 40% мужчин и только 12% женщин, а на вопрос о том, что не устраивает респондентов в учебном процессе в целом, ответ *все устраивает* дали 44% женщин и только 16% мужчин.

Аффективная мотивация снижается у 20% мужчин, потому что они не понимают того, что говорит преподаватель. На женщин это фактор, по всей видимости, не влияет, так как положительно на этот вопрос анкеты не ответил никто (0%). Большое значение имеет и такой фактор, как причина приезда в Россию для получения образования. Ответ *«всегда мечтал учиться здесь»* выбрали 44% мужчин и 68% женщин. То, как общаются русские между собой, представляется *«очень странным»* 44% мужчин и 16% женщин. По мнению 56% мужчин и 48% женщин, русские мало улыбаются. В коммуникативном поведении русских не видят ничего странного только 8% мужчин и 28% женщин.

Цифры убеждают в большей гибкости и готовности к культурным различиям женщин, подтверждая устоявшееся мнение о том, что женщины вообще легче привыкают к переменам.

Никакого дискомфорта не испытывают 30% опрошенных.

Интересно, что результаты анкетирования не подтвердили предположений о том, что китайских студентов пугает криминальная ситуация (например, воров боятся только 6% опрошенных), что им не нравится отношение русских к жизни (таких оказалось также 6%), что им трудно учиться (2%). Неожиданной была также реакция на стимул *трудно жить в России, ...*: 56% мужчин и 44% женщин продолжили это высказывание так: *«... не знаю, где можно отдохнуть»*.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что более 50% китайских учащихся, которые приехали учиться в Россию, проявляют интерес к особенностям жизни, уклада, традиций носителей русского языка и психологически готовы к вхождению в русскую лингвосоциокультурную и образовательную среду.

Заключение

На основе полученных данных можно разработать комплекс мер, позволяющих снимать эмоциональное напряжение у инофонов, обусловленное воздействием незнакомой культуры, и предупреждать коммуникативные неудачи.

Предполагаем, что для успешной адаптации иностранных студентов в русской лингвокультурной среде необходимы:

1) создание образовательной среды, в которой обучаемые будут ощущать психологическое благополучие и гармонию с ближайшим окружением;

2) создание на занятиях по русскому языку атмосферы «доброго дома», где каждому должно быть комфортно;

3) оптимальное согласование целей и ценностей личности и группы;

4) использование таких методов «культурного научения», как *ориентирование* (знакомство с ценностями, нормами и правилами культуры страны проживания, описание речеповеденческих особенностей носителей чужой культуры), *моделирование* (получение знаний о культуре и стране на основе учебного воссоздания

ситуаций, развитие которых протекает по-разному в двух культурах и обеспечение переноса приобретенных знаний на новые ситуации, метод тренингов (разработка и использование специальных программ, цель которых — формирование позитивной установки по отношению к культуре и накопление нового коммуникативного опыта);

5) постоянное повышение уровня положительной аффективной мотивации у иностранных учащихся к изучению неродного языка;

6) использование учебно-речевых ситуаций, максимально приближенных к условиям реального общения в новой для учащихся языковой среде;

7) строгий отбор страноведческих тем для обучения общению в иной лингвокультурной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Василик М.А.* Теория и практика коммуникации. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- Витковская М.И., Троцук И.В.* Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 6-7. С. 267—283.
- Груздев Г., Груздева В.* Педагогическая технология эвристического типа // Высшее образование в России. 1996. № 1. С. 117—120.
- Елизарова Г.В.* Культурологическая лингвистика (опыт исследования понятия в методических целях). СПб.: Изд-во «Бельведер», 2000. 140 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 382 с.
- Карлинский А.Е.* Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Гылым, 1990. 180 с.
- Кравцов А.В.* Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 16 с.
- Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
- Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
- Нюттен Ж.* Мотивация // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. Вып. 5. М.: Прогресс, 1975. 386 с.
- Почебут Л.Г.* Этнические факторы развития личности / Введение в этническую психологию; под ред. Ю.П. Платонова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. С. 66—83.
- Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: Кнорус, 2014. 254 с.
- Сомова Н.В.* Анализ особенностей социокультурной адаптации иностранных студентов на этапе предвузовской подготовки // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 235—238.
- Степанова Б.Б.* Социальная адаптация иностранных студентов в современной России // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6 (2). С. 62—64.

- Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. S. 279–282.
- Стрельчук Е.Н.* Формирование русской речевой культуры иностранных бакалавров негуманитарных специальностей в вузах РФ: дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2016. 357 с.
- Фонетический аспект общения на неродном языке: коллективная монография / науч. ред. Н.А. Любимова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 294 с.
- Фресс П., Пиаже Ж.* Мотивация // *Экспериментальная психология*. Вып. V. М.: Прогресс, 1975. С. 15–110.
- Berry J.W.* Immigration, acculturation and adaptation // *Applied psychology: An international review*. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34.
- Fumadelles M.* Motivation et enseignement des langues // *Les langues vivantes*. 1971. No. 4. P. 81–92.
- Kin Ch.* Tips for International Students' Success and Adjustment // *International Student Experience Journal*. 2014. Vol. 2(1). P. 345–349.
- Terziev V.K.* The dependence social adaptation-socialization // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (10 апреля 2015 г., г. Уфа). Уфа: АЭТЕРНАР, 2015. С. 8–12.
- Triandis H.C.* Culture and social behavior. N.Y. etc.: McGraw-Hill, III, 1994. 216 p.

© Федотова Н.Л., Миллер Л.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06.11.2017

Дата принятия к печати: 28.12.2017

Для цитирования:

Федотова Н.Л., Миллер Л.В. Особенности адаптации иностранных студентов к русской лингвокультурной и образовательной среде // *Вестник Российского университета дружбы народов* Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 191–206. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-191-206

Сведения об авторах:

Федотова Нина Леонидовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. *Сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, обучение иноязычному произношению, психолингвистика, тестирование, дистанционное обучение иностранным языкам. Автор более 100 научных публикаций. *Контактная информация*: n.fedotova@spbu.ru

Миллер Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. *Сфера научных интересов*: межкультурная коммуникация, методика преподавания русского языка как иностранного, профессионально ориентированное обучение студентов технических специальностей. Автор около 50 научных публикаций. *Контактная информация*: ludmilavmiller@mail.ru

FEATURES OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS TO THE RUSSIAN LINGUO-CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

N.L. Fedotova

St.-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

L.V. Miller

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
9, Moskovskiy pr., St. Petersburg, 190031, Russian Federation

The article describes the factors that influence the processes of socio-psychological and socio-cultural adaptation of foreign students receiving education in a second language in terms of the culturally alien environment. The adaptation process is considered in two interrelated coordinate systems: the student — his/her socio-cultural environment and student — educational environment, in which he included natural way. Socio-cultural adaptation of a foreign student is a multi-step process that includes: 1) dosed directly related to the motivational sphere of the student's receipt of information about the culture of the country of the target language; 2) development of the ability to correct interpretation of specific manifestations of communicative behavior of Russian; 3) the formation of practical skills of educational professional and cultural-everyday communication with Russians. The authors substantiate the position that the process will be less painful and more effective if: a) to make it manageable; b) to develop a set of measures to prevent failures in communication and to remove the psychological tension, which is due to the influence of other cultures.

Key words: adaptation, foreign students, educational environment, sociocultural environment, intercultural communication, linguistic and cultural competence, transitional linguistic and cultural picture of world

REFERENCES

- Berry, J.W. (1997) Immigration, acculturation and adaptation. *Applied psychology: An international review*. 46 (1), 5—34. (In Russ).
- Elizarova, G.V. (2000). *Kulturologicheskaya lingvistika (opyt issledovaniya ponyatiya v metodicheskikh tselyakh)* [Culturological linguistics (the experience of the study of concept in teaching aim)]. Saint Petersburg: House «Belveder» Publ. (In Russ).
- Fress, P. & Piazhe, J. (1975). *Motivatsiya. Eksperimentalnaya psihologiya* [Motivation. Experimental psychology]. Moscow: Progress Publ. (In French — In Russ).
- Fumadelles, M. (1971). Motivation et enseignement des langues. *Les langues vivantes*. (In French).
- Gruzdev, G. & Gruzdeva, V. (1996). Pedagogicheskaya tekhnologiya evristicheskogo tipa. *Vysyshee obrazovanie v Rossii* [Pedagogical technology of heuristic type. Higher education in Russia]. 1, 117—120. (In Russ).
- Karlinskiy, A.E. (1990). *Osnovy teorii vzaimodeystviya yazykov* [Fundamentals of the theory of the languages interaction]. Alma-Ata: Gyilyim Publ. (In Russ).
- Kin, Ch. (2014). Tips for International Students' Success and Adjustment. *International Student Experience Journal*. 2(1), 345—349. (In Eng).

- Kravtsov, A.V. (2008). *Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya inostrannykh studentov k vysshei shkole Rossii* [Socio-psychological adaptation of foreign students to Russian universities]. [Author's abstr. cand. psihol. diss.]. Moscow. (In Russ).
- Lebedeva, N.M. (1999). *Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kulturnuyu psikhologiyu* [Introduction to ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: Klyuch-S Publ. (In Russ).
- Leontovich, O.A. (2005). *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkulturnogo obscheniya* [Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ).
- Lyubimova, N.A. (2006). *Foneticheskii aspekt obscheniya na nerodnom yazyke: kollektivnaya monografiya*. [The phonetic aspect of communication in a second language: Collective monograph]. Saint Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU Publ. (In Russ).
- Nyutten, Zh. (1975). *Motivatsiya. Eksperimentalnaya psihologiya* [Motivation. Experimental psychology]. Moscow: Progress Publ. (In French — In Russ).
- Pochebut, L.G. (1995). *Etnicheskie faktory razvitiya lichnosti. Vvedenie v etnicheskuyu psihologiyu* [Ethnic factors in the development of the person. Introduction to ethnic psychology]. Saint Petersburg: House St. Petersburg University Publ. (In Russ).
- Sadokhin, A.P. (2014). *Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoi kommunikatsii: uchebnoe posobie* [Introduction to the theory of intercultural communication: textbook]. Moscow: Knorus Publ. (In Russ).
- Somova, N.V. (2014). Analiz osobennosti sotsiokulturnoi adaptatsii inostrannykh studentov na etape predvuzovskoy podgotovki. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [The analysis of peculiarities of social and cultural adaptation of foreign students at the stage of pre-University training. Theory and practice of social development]. 1, 235–238. (In Russ).
- Stepanova, B.B. (2014). Sotsialnaya adaptatsiya inostrannykh studentov v sovremennoy Rossii. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Social adaptation of foreign students in Russia today. Bulletin of Buryat State University]. No. 6 (2), 62–64. (In Russ).
- Sternin, I.A. (1989). O ponyatii kommunikativnogo povedeniya [The concept of communicative behavior]. *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle Publ. (In Russ).
- Strelchuk, E.N. (2016). *Formirovanie russkoi rechevoi kultury inostrannykh bakalavrov negumanitarnykh spetsialnostey v vuzakh RF* [The formation of the Russian speech culture foreign bachelors of Natural Sciences faculties in the universities of the Russian Federation]. (Doctoral dissertation, Moscow). (In Russ).
- Terziev, V.K. (2015). The dependence social adaptation-socialization. *Groundbreaking economic reforms in the conditions of risk and uncertainty: collected papers of International scientific-practical conference*. Ufa: AETERNAR Publ. (In Russ).
- Triandis, H.C. (1994). *Culture and social behavior*. New York: McGraw-Hill Publ. (In Eng).
- Vasilik, M.A. (2003). *Teoriya i praktika kommunikatsii* [Theory and practice of communication]. Moscow: Gardariki Publ. (In Russ).
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow: Russkie slovari Publ. (In English — In Russ).
- Vitkovskaya, M.I. & Trotsuk, I.V. (2004). Adaptatsiya inostrannykh studentov k usloviyam zhizni i ucheby v Rossii (na primere RUDN). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Sotsiologiya* [Adaptation of foreign students to living and studying in Russia (by the example of PFUR). Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series Sociology]. 6-7, 267–283. (In Russ).
- Zalevskaya, A.A. (1999). *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ. (In Russ).

Article history:

Received: 06.11.2017

Accepted: 28.12.2017

For citation:

Fedotova N.L., Miller L.V. (2018) Features of adaptation of foreign students to the Russian linguistic and educational environment. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 191—206. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-191-206

Bio Note:

Fedotova Nina Leonidovna, Doctor of Pedagogy, Professor, Faculty of Philology, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State University” (Russia). *Research interests*: methods of teaching Russian as a foreign language, teaching of foreign pronunciation, psycholinguistics, testing. The author of more than 100 scientific articles. *Contact information*: n.fedotova@spbu.ru

Miller Lyudmila Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University” (Russia). *Research interests*: cross-cultural communication, methods of teaching Russian as a foreign language, professionally oriented teaching Russian to students of technical specialties. The author of 50 scientific articles. *Contact information*: ludmilavmiller@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-207-223

УДК 81.42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «РОДИНА» И «ՀԱՅՐԵՆԻԳ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АРМЯНСКИХ ПАРЕМИЙ)

Н.К. Гаспарян

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
Российская Федерация, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Лингвокультурологический анализ базовых концептов внешнего и внутреннего мира человека позволяет раскрыть отраженные в них различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Одним из ключевых концептов мировидения русских и армян является концепт «родина». Его необходимо рассматривать как способ репрезентации окружающей действительности в сознании людей путем сопоставления двух языковых картин мира. Считается, что концепт способен хранить в себе важную культурную информацию, скрывая свое значение в единице языка. В данной статье представлены результаты проведенного сопоставительного лингвокультурологического анализа концепта «родина» на материале паремиологического фонда двух языков. Пословицы и поговорки позволили выявить сходства и различия в восприятии Родины у русских и армян, определить национально-культурную специфику концепта «родина».

Ключевые слова: концепт, родина, отечество, лингвокультурология, русский язык, армянский язык, пословицы и поговорки

Введение

Проблема взаимосвязи языка и культуры на сегодняшний день уже не может быть новой, но продолжает быть актуальной. Более того, в последнее время данный вопрос обретает популярность. Ведь «язык выступает в качестве средства усвоения, получения и хранения этнической информации, чем обеспечивается его кумулятивная функция» (Верещагин, Костомаров, 1983: 102).

В каждом естественном языке существуют так называемые ключевые слова — концепты, «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» (Вежбицкая, 1993: 282). Являясь коренными словами того или иного языка, ключевые слова и воплощенные в них концепты (понятия, образы, символы) отражают различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Они сохраняют в своем значении опыт народа, его нравственную позицию, его, как принято говорить, менталитет (Колесов, 2004: 112).

В отечественной лингвистике понятие «концепт» сформировалось в последние десятилетия. Данный термин был заимствован из зарубежной литературы в середине 1970-х годов, «когда встала проблема его адекватного перевода в работах зарубежных авторов (Фрумкина, 1992: 80). Тогда термин “concept” переводился как «понятие».

Попова З.Д. и Стернин И.А. в работе «Семантико-когнитивный анализ языка» отмечают, что в лингвистической науке столкнулись разные интерпретации термина, репрезентирующего знания о мире. Это «концепт» у Н.Д. Арутюновой, С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова и др., «лингвокультурема» у В.В. Воробьева, «мифологема» у М. Лехтеэнмяки, В.Н. Базылева, «логоэпистема» у Е.М. Верещагина и т.д. Однако согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, наиболее жизнеспособным оказался термин «концепт», он стал ключевым понятием когнитивной лингвистики (Попов, Стернин, 2007).

Концепты, как единицы культуры, воплощенные в ключевых словах языка, могут существовать по-разному. «...Концепт актуально существует для всех пользующимся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения» (Степанов, 2004: 42). Концепты по-разному воспринимаются и становятся реальными для представителей данной культуры. В качестве основных для русского ментального мира А. Вежбицкая называет концепты «душа», «тоска» и «судьба», другие исследователи добавляют концепты «совесть» и «свобода». В диссертационном исследовании Е.Н. Стрельчук акцентировано внимание на концепте «Россия», который «позволяя знакомить иностранных бакалавров негуманитарных специальностей с русской концептуальной картиной мира», становится актуальным в аудитории иностранных студентов, изучающих русский язык (Стрельчук, 2016: 185).

Одним из наиболее интересных ключевых концептов культуры, с точки зрения автора статьи, является концепт «родина», так как он присутствует в любой этнической культуре и универсален. Но при сопоставлении русского языка с другими особо ярко проявляется его национально-культурная специфика.

Каждый этнос видит мир по-своему, сквозь призму своей культуры, своего мироощущения, поэтому картина мира каждого этноса — это его особое мировидение, целостная модель мира. Изучение языковой картины мира невозможно представить без изучения пословиц и поговорок — воплощения исторической и культурной памяти народа, так как они могут быть ярким примером восприятия концепта «родина» разными лингвокультурами.

Новизна статьи заключается в сравнительном анализе концепта «родина» в двух языковых картинах мира: русской и армянской. В работе представлен лексический анализ термина «родина», предложена гипотеза происхождения армянской лексики «հայրենիք», а также сопоставлены русские и армянские паремии, отражающие представления двух народов о Родине.

Научно-методологической основой статьи послужили работы Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, В.В. Виноградова, В.А. Масловой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.Н. Телии, А. Вежбицкой, А.Д. Шмелева, Ю.Д. Апресяна, Степанова Ю.С. и многих др., а также толковые и этимологические словари Даля В.И., Ожегова С.И., Фасмера М., Ефремовой Т.Ф., Малхасянца С., Агаяна Э.Б. и Джаякяна Г.

Авторский вклад. Выявленные автором статьи сходства и различия в двух языковых картинах мира позволили заглянуть в глубь веков и сравнить отношение двух народов к Родине. Авторский вклад — сопоставительный анализ русских и армянских пословиц и поговорок, реконструкция культурных представлений о Родине по данным языка.

Цель

Цель статьи — репрезентация концепта «родина» в русской и армянской лингвокультурах, а также выявление сходств и различий в восприятии Родины русскими и армянами.

Результаты

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать выводы о национально-культурной специфике концепта «родина». Конечно, не каждое слово, обозначающее то или иное явление действительности, может стать концептом. А только ключевые слова, представляющие для данной культуры наибольшую ценность, «являющиеся своего рода символами, эмблемами, определенно указывающие на породивший их текст, ситуацию, знания» (Степанов, 2004: 41). Данные слова играют очень важную роль, так как они хранят в себе информацию о культуре. В них централизовано все, что было накоплено веками носителями данной культуры. Они дают неоценимую возможность соприкоснуться с прошлым народа, с его мировоззрением и взглядом на окружающую его действительность.

Сопоставительный анализ концепта «родина» в русском и армянском языках позволил выявить сходства и различия, которые отражают в языковой форме систему ценностей двух народов.

Материалы и методы

Концепты по-разному воспринимаются и становятся реальными для представителей данной культуры, так как имеют «слоистое строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох» (Степанов, 2004: 42). Исходя из этого, можно сказать, что метод изучения и анализа не может быть одним. Чтобы получить информацию, сокрытую в единице языка, необходимо использовать несколько различных методов и рассмотреть концепт, как абстрактное, обобщенное, возможно, даже загадочное явление. Необходимо также рассматривать концепт как способ репрезентации окружающей действительности в сознании людей, который несет в себе важную культурную информацию, скрывая свое истинное значение в единице языка. Поэтому языковой материал собирался методом сплошной выборки, анализировался с помощью описательного, историко-этимологического, лингвокультурологического методов, метода анализа словарных дефиниций, а также с помощью сопоставительного метода.

Обсуждение

Для анализа концепта «родина» была использована методика лексического анализа, этимологического анализа, контекстуального и концептуального анализов с последующим реконструированием концепта «родина» посредством анализа пословиц и поговорок.

Русская картина мира. Для выявления существующих дефиниций русской лексики «родина» были проанализированы словарные статьи толковых словарей

(Даль В.И., Ожегов С.И.), этимологического словаря (Фасмер М.) и словаря древнерусского языка (Срезневский И.И.).

В толковом словаре С.И. Ожегова дается два значения лексемы «родина»: 1. Отечество, родная страна. *Любовь к родине. Защита родины.* 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н: *Москва — его р. Индия — р. шахмат.* *Вторая родина — место, давшее кому-н. приют, ставшее родным (Ожегов, Шведова, 1999).

В толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля дано одно толкование слова родина: Родина — родить, родня и пр. см. рождать. Но в значении «родина, родная земля» В.И. Даль использует лексему «отечество». В своем толковом словаре живого великорусского языка В. Даль дает слову «отечество» следующее толкование: родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле. Второе отечество, земля, где выходец поселился, приняв подданство, или прочно, навсегда водворившись (Даль, 1980).

В этимологическом словаре М. Фасмера (Фасмер, 2017) «родина» — «отечество», тогда как укр. *rodina* = семья, блр. *rodzina* — то же., болг. *rodina* «родина, место рождения», сербохорв. *rodina/rodina* — «обилие плодов», чеш. *rodina*, словацк. *rodina* — «семья», польск. *rodzina* — семья // Произведено от *rod* (см.) знач «родная страна» встречается впервые у Державина.

Производящее слово *rod* — укр. *pid*, блр. *rod*, др.русск., ст.слав. *rodъ* и т.д. связано с чередованием гласных с цслав. *redъ* «кормить, растить». Родственно лит. *rasme* «урожай», лтш. *rads* «родственник, род». Допустимо думать, что слав. слово родственно арм. *ordi* «сын».

Таким образом, слово родина происходит от старославянского *rodъ* (цслав. Редь), который изначально использовался в значении «кормить, растить». На данный момент в славянских языках корень «род» означает родство, рождение, семью. Происхождение можно проследить также в славянской мифологии. У языческих славян богом неба, грозы и плодородия был Род. Его считали повелителем всего живого. Ему поклонялись все славянские народы, так как считали, что он, путешествуя на облаке, мечет дождь, от которого рождаются дети. А его спутницами были Рожаницы — женские божества плодородия, покровительницы семьи и домашнего очага.

В словаре древнерусского языка И.И. Срезневского (Срезневский, 2017) слово *rodinъ* используется в значении родственник. Слова «родина» как такового в словаре древнерусского языка не обнаружено. Начиная с XI века, в памятниках письменности использовался термин «отечество» для обозначения родной земли. В словарях засвидетельствованы различные фонетические варианты слова «отечество»: отчество, отчьство, отчина, отчизна. Различны были и значения, например, «родина, отечество»; «наследственные, родовые права»; «отеческая честь, достоинство»; «свойство отца», «звание духовника», «избранная страна», «родовое владение, доставшееся по наследству от предков», «правила, обычай отцов», «отцы, предки, род» (табл. 1).

Таблица 1

Сводная таблица результатов анализа словарных дефиниций лексемы «родина»

Лексема	Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка»	Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. «Толковый словарь русского языка»	Фасмер М. «Этимологический словарь русского языка»	Срезневский И.И. «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам»
Родина	Не обнаружено	1. Отечество, родная страна. 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н	«Отечество», тогда как укр. <i>родина</i> = семья, блр. <i>родзіна</i> — то же., болг. <i>родина</i> «родина, место рождения». Произведено от <i>род</i>	Не обнаружено
Отечество	Родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле	Страна, где человек родился и к гражданам которой он принадлежит.	Не обнаружено	«Родина, отечество»; «наследственные, родовые права»; «отеческая честь, достоинство»; «свойство отца», «звание духовника», «избранная страна», «родовое владение, доставшееся по наследству от предков», «правила, обычай отцов», «отцы, предки, род»

Table 1

Summary table of analysis results of dictionary definitions of the "homeland" lexeme (in Russian)

	Dal', V. « <i>Explanatory dictionary of the living Great Russian language</i> »	Ozhegov, S., Shvedova, N. « <i>Explanatory dictionary of the Russian language</i> »	Vasmer, M. « <i>Etymological dictionary</i> »	Sreznevsky, I. « <i>Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Monuments</i> »
Homeland	Not found	1. Отечество, родная страна. 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н	«отечество», тогда как укр. <i>родина</i> = семья, блр. <i>родзіна</i> — то же., болг. <i>родина</i> «родина, место рождения» Произведено от <i>род</i>	Not found
Fatherland	родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле	Страна, где человек родился и к гражданам которой он принадлежит.	Not found	«родина, отечество»; «наследственные, родовые права»; «отеческая честь, достоинство»; «свойство отца», «звание духовника», «избранная страна», «родовое владение, доставшееся по наследству от предков», «правила, обычай отцов», «отцы, предки, род»

«Родина» по данным идиоматики. Лексема родина, обладая наибольшей несвободной сочетаемостью и прецедентностью, входит в состав многочисленных фразеологизмов, пословиц и поговорок, образующих фонд фоновых знаний носителей русского языка (Воркачев, 2006: 26—36). Тер-Минасова С.Г. отмечает, что любовь к Родине можно считать неотъемлемой чертой национального характера, эта любовь всегда проявляется у русских открыто и эмоционально, и свидетельством этому служит язык (Тер-Минасова, 2000).

Для репрезентации концепта «родина» на материале паремиологического фонда русского языка были отобраны пословицы, имеющие в своем составе лексему «родина», из сборника В.И. Даля «Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа» (Даль, 1997).

Все пословицы, отражающие мировоззрение русского народа и его восприятие Родины, автор разделил на две большие смысловые группы, которые в свою очередь делятся на подгруппы в соответствии с объектами сравнения или противопоставления:

- 1) пословицы, отражающие любовь к Родине:
 - а) Родина — мать,
 - б) Родина — родная земля,
 - в) Родина, противопоставленная чужбине;
- 2) пословицы, демонстрирующие ответственность перед Родиной.

Пословицы и поговорки о родине вобрали в себя такие чувства как любовь, преданность, гордость за Родину.

Пословицы, отражающие любовь к Родине. В русских поговорках находят отражение любовь к Родине, отождествляемой с образом матери: «*Родимая сторона — мать, чужая — мачеха*»; «*Чужая сторона — мачеха*». В русской лингвокультурной традиции Родина отождествляется с матерью человека, так как мать для человека всегда на первом месте. Она защищает и оберегает, заботится о своих детях, дарит им тепло, обеспечивает безопасность, спокойную и счастливую жизнь. В русской лингвокультуре закрепилась оппозиция «мать-мачеха», которая соответствует другой смысловой оппозиции «добро-зло». В фольклорных текстах всегда видно злую мачеху, которая издевается над падчерицей, не дает ей продыху («Морозко», «Чудесный колодец» и т.д.). Отсюда и создается ассоциация, что мачеха — зло. Следовательно, Родина — мать, которая заботится, олицетворение добра, а мачеха — чужбина, олицетворение зла.

Родина, как и мать, самое дорогое, что есть у человека. Поэтому человек должен уметь защитить свою Родину так, как он бы защищал родную мать — «*Родина — мать, умей за нее постоять*».

И считалось, что Родина у человека может быть только одна. Поэтому говорили: «*Одна у человека мать, одна у него и родина*».

Родиной называем землю, на которой родились и живем. Нашим предкам земля представлялась воплощением сакральной чистоты. В поговорках встречается сравнение родной земли с матерью, без которой немислимо существование человека: «*Береги землю родную, как мать любимую*».

В поговорке «*Родная земля и в горсти мила*» отражается древний обычай — в случае дальнего переселения или путешествия брать с собой горсть земли. Ее за-

шивали в ладанку и носили вместе с крестом на шее. Считалось, что родная земля способна оберегать человека от всякого рода опасностей и невзгод. По народному убеждению, земля «настолько свята и чиста, что не держит в себе ничего нечистого и в особенности враждебного людям» (Максимов, 1996). Русские эмигранты после революции 1917 года, уезжая из родных мест, также брали с собой на чужбину горсть родной земли, чтобы быть похороненным вместе с ней.

Смысловое ядро «родина — чужбина» встречается во многих языках, однако в русских поговорках этот смысл выражается иначе. В русской лингвокультуре Родина для человека есть высшая ценность. Родина в поговорках предстает как самое лучшее место в мире. Она представляет собой дом, убежище от разного рода напастей и угроз, а также дарует спасение от душевных переживаний. Пословицы свидетельствуют о том, что человек любит и ценит свою Родину: *«Каждому свой край сладок»*; *«Родной край — сердцу рай»*; *«И пылинка родной земли — золото»*. В поговорке *«Мила та сторона (Не забудешь ту сторону), где пупок резан (т.е. родина)»* находит отражение обычай после рождения ребенка закапывать пуповину в землю.

Любовь к Родине была неотъемлемой частью жизни русского народа, поэтому человек, который выказывал свое недовольство, вызывал общественное осуждение. В народе говорили: *«Плоха та птица, которая гнездо свое марает»*; *«Глупа та птица, которой родное гнездо не мило»*. В данной поговорке слова «птица» и «гнездо» носят метафорический характер. Пословица репрезентирует ситуацию, в которой «птица», т.е. человек не любит свое «гнездо», т.е. Родину. Данная поговорка осуждает подобное явление, называя «птицу» плохой и глупой. Иными словами, тот человек, который не хвалит, а бранит свою Родину, который испытывает к ней неприязнь или даже ненависть, является глупцом.

В сознании народа присутствовала мысль о том, что несмотря на все богатства и сокровища, которые предлагает «чужая» сторона, на «своей» всегда светлее: *«За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое»*; *«Своя печаль чужой радости дороже»*; *«Своя ноша не тянет, свой дым глаз не ест»*. В этом отражается личностное восприятие «своего» пространства, противопоставленное «чужому» месту, чужбине. *«За морем теплее, а у нас светлее»*; *«Своя сторона не бывает холодна»*. Так говорили, потому что «своя» сторона не может быть холодна, ведь там греют семья, родные, дом, знакомые места, с которыми связаны различные воспоминания. Когда человек уезжает куда-то далеко, он всегда вспоминает Родину и ностальгирует по родным местам: *«Живешь на стороне, а свое село все на уме»*.

К тому же чужая сторона всегда ассоциировалась с чем-то незнакомым, оттого и враждебным: *«Чужой мед горек»*; *«Чужой огонь не греет»*. Данные поговорки указывают на тот факт, что даже самое сладкое на «чужбине» может быть горьким, и даже огонь не способен согреть. Скорее, наоборот, считалось, что *«Чужая сторона и без ветра сушит, и без зимы знобит»*; *«На чужой стороне и весна не красна»*.

Живя на чужбине, человек начинает тосковать и скучать по Родине, потому что она, как ничто другое, близка и «родственна» ему. *«И кости по родине плачут»* — существует предание, согласно которому в могилах на чужбине слышен вой костей.

Не найдя пристанища на чужбине, человек часто сталкивался с непониманием со стороны «чужих», которое воспринималось как враждебное отношение. Поэтому стали говорить: «*Чужая сторона прибавит ума. На стороне обтолкнут бока*»; «*Чужбинка не по шерсти гладит*»; «*На чужбине, словно в домовине, — и одинок, и немо*»; «*Родину, как и родителей, на чужбине не найдешь*».

Пословицы, демонстрирующие ответственность перед Родиной. Многовековая история России с чередой бесконечных разрушительных войн нашла отражение в русской языковой картине мира. Паремиологический фонд отражает искреннюю любовь к Родине, преданность ей и ее интересам, а также готовность человека защищать Родину от врагов: «*Береги Родину, как зеницу ока*»; «*Родину-мать учишь защищать*»; «*Герой — за Родину горой*»; «*Главное в жизни — служить отчизне*».

Согласно паремиям, ради Родины человек мог пожертвовать своей жизнью: «*Любовь к Родине сильнее смерти*»; «*В бою за отчизну и смерть красна*»; «*С родной земли умри, но не сходи*»; «*Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи*».

Испокон веков Россия отличалась сплоченностью и единством своего народа, благодаря чему страна процветала и давала отпор всем врагам и захватчикам. Сила Родины в единстве ее народа: «*Если народ един, он непобедим*». Дружба — великая сила. О ней с давних времен слагали песни, пословицы и поговорки. Дружбой дорожили и берегли ее. Дружбе приписывали силу, которая обеспечивает безопасность Родины: «*Если дружба велика, будет Родина крепка*»; «*Народы нашей страны дружбой сильны*»; «*Народное братство дороже всякого богатства*».

В России сегодня проживает около 180 этносов, причем все живут в дружбе и согласии, уважая самобытность, традиции и обычаи друг друга.

Армянская картина мира. В современном армянском языке для обозначения «места, где родился человек и вырос» используется лексема «հայրենիք» [hayereniq] — *отечество*, реже ծննդավայր [snpndavair] — *букв. место рождения*.

Для выявления существующих дефиниций армянской лексемы «հայրենիք» были проанализированы словарные статьи толковых словарей (Агаян Э.Б., Малхасянц С.), этимологического словаря (Джаукян Г.) и словаря синонимов армянского языка (Сукиасян А.М.).

В Толковом словаре современного армянского языка Э.Б. Агаяна (Агаян, 2017) лексема հայրենիք [hayereniq] — *отечество* имеет четыре значения. 1. Та страна, в которой человек родился и гражданином которой он является; 2. Та страна, которая является местом проживания данного народа; 3. Место зарождения чего-либо; 4. Родовое владение отцов, наследство (устар.).

В словаре синонимов А. Сукиасяна (Сукиасяна, 2017) лексема «հայրենիք» [hayereniq] выступает доминантой в следующем синонимическом ряду. 1. բնակավայր [bnashkharh] — *родина, отечество, природа, флора и фауна*; օրրան [organ] — *колыбель, люлька, пер. колыбель, родина, место, где что-либо возникло и получило развитие*; աշխարհաժողով [ashkharhatun] — *образовано сложением двух корней «мир» и «дом»*; երկիր [erkir] — *земля, земной шар, страна, родина*; ավետյաց երկիր [avetias erkir] — *обетованная земля, обетованный край*; հայրենի հող [hayereni hox] — *родная земля*, հայրենի երկիր [hayereni erkir] — *родная земля, родная страна*; հայրենի աշխարհ [hayereni ashkharh] — *родной мир*; մայր հայրենիք [mair

haireniq] — букв. мать-отечество; մայր հող [mair hox] — мать-земля; մայր երկիր [mair erkir] — мать-страна; 2. Մննդավայր [cnndavair] — место рождения; 3. Սկզբնավայր [skzbnavair] — место зарождения, возникновения чего-либо.

В этимологическом словаре Г. Джаукяна не обнаружено словарной статьи, посвященной лексеме «հայրենիք» [hayreniq]. Но автору представляется целесообразным предположить, что слово «հայրենիք» [hayreniq] — это преобразованная форма слова «հայրենի» [hayreni] с постфиксом -ք [-q], который обычно образует форму множественного числа. В данном случае имеет значение чего-то множественного, большого, великого.

В свою очередь лексема հայրենի [hayreni] в толковом словаре Э. Агаяна (Агаян, 2017) имеет ряд значений. 1. Отцовский, принадлежащий отцу; 2. Оставшийся от отца, полученный, унаследованный; 3. Завещанный от отцов, предков; 4. Принадлежащий, относящийся к отечеству, отеческий; 5. Пер. родной, любимый. 6. устар. сущ. Отечество. Но в этимологическом словаре не указано происхождение слова հայրենի [hayreni]. Но можно предположить, что слово հայրենի образовано от корня հայր [hayr] — *отец* с помощью постфикса -ենի [-eni], который в свою очередь имеет значение принадлежности к чему-либо, а также используется при обозначении наименований деревьев. Например: խնձոր [xndzor] — *яблоко* — խնձորենի [xndzoreni] — *яблоня*.

Рассматривая подробнее корень слова հայր-ենի-ք видим, что в этимологическом словаре Г. Джаукяна (Джаукян, 2017) дается история происхождения корня հայր [hayr] — *отец*: от исконно индоевр. *pater- *petros-, инд. pita(ṛ), лат. Pater. А в этимологическом словаре Э. Ачаряна корень հայր обозначается, как исконно армянский корень, в значении *отец*, а также «*отец/праотец, владыка, руководитель племени и народа*». Происходит от формы peter (petros) родственен ср. санск. pitar-, перс. pidar, padar, лат. pater итал. padre гот. fadar, нем. Vater.

Автор статьи в свою очередь предполагаем, что հայր может быть также образовано от корня -այր- [-ayr-], а фонема h является ассимилированным предлогом ր — [во], наподобие преобразования ր անուն — հանուն [во имя]. Корень -այր- [-ayr-] имеет значение *мужчина, смелый, храбрый человек, муж, человек*. Исконно индоевропейский корень, первоначальная форма которого неизвестна. Предположительно այր от *anrio- (подверженный воздействию основы *arjo- «хозяин, господин»).

Проанализировав все возможные способы образования и историю корня հայր [hayr], можно сделать вывод, что слово հայրենիք [hayreniq] как форма множественного числа слова հայրենի [hayreni], буквально означает то, что принадлежит отцам. Учитывая переносное значение слова հայրենի [hayreni] — *родной, любимый*, можно сделать вывод, что հայրենիք [hayreniq] — что-то родное, что принадлежало отцам, что передается по наследству от предков, т.е. родная земля — Отечество (табл. 2).

«*Родина*» по данным *идиоматики*. По мнению М.С. Джунусова, понимание патриотизма, любви к Родине для всех народов является практически инвариантным, но различаются объекты сравнения (Джунусов 2002: 125–128).

Таблица 2

Результаты анализа словарных дефиниций лексемы «հայրենիք»

Лексема	Агаян Э.Б. «Толковый словарь современного армянского языка»	Джаукян Г. «Этимологический словарь армянского языка»	Наше предположение происхождения слов по результатам анализа словарных статей «հայրենիք» — это преобразованная форма слова «հայրենի» с постфиксом -ք, который обычно образует форму множественного числа
Հայրենիք [hayereniq] — родина, отечество	1. Та страна, в которой человек родился и гражданином которой он является. 2. Та страна, которая является местом проживания данного народа; и т.д.	Не обнаружено	հայրենիք — это преобразованная форма слова «հայրենի» с постфиксом -իք, который в свою очередь имеет значение принадлежности к чему-либо
Հայրենիք [hayereni] — родной	1. Отцовский, принадлежащий отцу. 2. Оставшийся от отца, полученный, унаследованный. 3. Завещанный от отца, предков. 4. Принадлежащий, относящийся к отечеству, отеческий; и т.д.	Не обнаружено	հայրենիք образовано от корня հայր [hayer] с помощью постфикса -իք, который в свою очередь имеет значение принадлежности к чему-либо
Հայր [hayer] — отец	1. Мужчина по отношению к своим детям, родитель мужского пола. 2. Мужчина, который уже имеет детей или имел. 3. Родоначальник, праотец, прародитель. 4. В мн. ч. Предки. 5. Основатель, основоположник какого-либо направления в науке	հայր [hayer] — отец: от исконно индоевр. *pater- *petros-, инд. pita(r), лат. Pater	հայր может быть также образовано от корня -հիր-, имеющего значение мужчины, смелый, храбрый человек, муж, человек

Table 2

Summary table of analysis results of dictionary definitions of the «homeland» lexeme (in Armenian)

Lexeme	Агаян, Е. «Explanatory dictionary of the modern Armenian language»	Dzhaoukyan, G. «Etymological dictionary of the Armenian language»	Our hypothesis of the origin of words according to the dictionary entries analysis
Հայրենիք [hayereniq] — fatherland	1. Та страна, в которой человек родился и гражданином которой он является. 2. Та страна, которая является местом проживания данного народа; и т.д.	Not found	«հայրենիք» — это преобразованная форма слова «հայրենի» с постфиксом -ք, который обычно образует форму множественного числа
Հայրենիք [hayereni] — native (literally: father's, inherited from father, bequeathed from father, etc.)	1. Отцовский, принадлежащий отцу. 2. Оставшийся от отца, полученный, унаследованный. 3. Завещанный от отца, предков. 4. Принадлежащий, относящийся к отечеству, отеческий; и т.д.	Not found	հայրենիք образовано от корня հայր [hayer] с помощью постфикса -իք, который в свою очередь имеет значение принадлежности к чему-либо
հայր [hayer] — father	1. Мужчина по отношению к своим детям, родитель мужского пола. 2. Мужчина, который уже имеет детей или имел. 3. Родоначальник, праотец, прародитель. 4. В мн. ч. Предки. 5. Основатель, основоположник какого-либо направления в науке	հայր [hayer] — отец: от исконно индоевр. *pater- *petros-, инд. pita(r), лат. Pater	հայր может быть также образовано от корня -հիր-, имеющего значение мужчины, смелый, храбрый человек, муж, человек

Все пословицы и поговорки, отражающие отношение армян к Родине, автор разделил на две смысловые группы:

1) пословицы, отражающие любовь к Родине:

- а) Родина — высшая ценность,
- б) Любовь к Родине на чужбине;

2) пословицы, в которых имплицитно присутствует концепт «родина».

Пословицы, отражающие любовь к Родине. Родина в армянских паремиях предстает как самое лучшее место в мире. Она представляет собой дом, убежище от разного рода напастей и угроз, а также дарует спасение от душевных переживаний. «Ամեն մարդու հայրենիքն իր համար մի բնութիւնն է» (*Для каждого человека его родина цветущий луг*); «Հոր ու մոր արիւր քաղցր ա, Ընթացի հողն ու ջուրն անուշ» (*Отец и матери кровь сладка, а у Родины — земля и вода*).

Пословицы свидетельствуют о бесконечной любви и преданности Родине. Даже находясь на чужбине, армяне не забывают о своей родной земле, чтят и гордятся ею. В армянском языке есть пословица, которая наглядно демонстрирует любовь к родине человека, находящегося на чужбине: «Պանդուխտի սիրտը միշտ հայրենիքին է նայում» (*Сердце пандухта всегда обращено к родине*). Для более глубокого понимания данной пословицы необходимо знание и понимание такого феномена, существующего только в армянской культуре, как *пандухт*. Պանդուխտ (пандухт) — скиталец, результат постоянно повторяющихся переселений армянского народа. Насильственное выселение и переселение армянского народа началось еще в VI веке. Тогда Византийская Империя с целью захватить основные армянские земли выселяет оттуда армян. То же происходит и во время Арабского Халифата в VII—VIII веках. В IX—XI веках продолжается насильственное переселение и захват земель Армении, причиной которого стала борьба, завязавшаяся между Византией и Арабским Халифатом. Ситуация усугубляется в XI—XIII веках при нападениях сельджуков. А в XVI—XVIII веках армян выселяли в отдаленные районы Персии. Все эти исторические события отразились в литературе армян, в частности в устном народном творчестве: пословицах и поговорках. Также особое место в армянской литературе заняли песни *пандухта* — глубоко народные и исконно армянские песни. Как в пословицах и поговорках, так и в песнях отражалась любовь к потерянной Родине, которой человек был лишен, изнуряющая тоска по родным землям.

Все это свидетельствует о том, что почвой для подобного творчества служили веками длящиеся гонения и угнетения армянского народа.

И, наконец, следует отметить, что печаль, исходящая из песен пандухтов, душераздирающий крик тоски, слышимый в них, ужасающие картины тяжелой жизни пандухта и его родных, скорбь песен над умершим — это само по себе проявление ярости, гневного протеста против угнетения в том или ином его проявлении. В этом и заключается жизнеспособность и долговечность этих тем, которые находили отражение в кратких изречениях — пословицах и поговорках.

Так как вследствие всех гонений и скитаний армянского народа, им приходилось жить в других странах, сложилась пословица: «Որ ազգի հետ ապրես իր սովորները պահիր» (*В каком народе живешь, того и обычая держись*). Армяне всегда чтили и уважали традиции другого народа в знак благодарности за

оказанное гостеприимство и возможность мирного сосуществования. Находясь на чужбине, армяне не только сохраняли свое самобытное наследие, язык и религию, но при этом обогащали разнообразную историю, промышленность и культуру той страны, где им приходилось жить.

На чужой земле армяне всегда стремились к единству, так как со своим народом преодолеть все тяготы было проще: «Ժողովրդի հետ սև օրն էլ է սոն» (*С народом и черный день праздник*).

Но как бы хорошо армянину не было на другой земле, его сердце всегда принадлежало его Армении: «Աշխարհ ման էկա, դրախտն իմ հայրենիքում գտա» (*По всему миру странствовал, но рай в своей родине нашел*).

Несмотря на всю любовь и преданность Родине, у армян данное чувство обостряется в тот момент, когда они могут потерять свою Родину. Недаром пословица гласит: «Տունդ կորցնելիս միայն կգրաս նրա իրական գինը» (*Лишь потеряв свой дом, оценишь его по достоинству*).

Пословицы, в которых имплицитно присутствует концепт «родина». В армянском языке требуют особого внимания пословицы, отражающие темные страницы истории Армении, в которых имплицитно присутствует концепт «родина». Данные пословицы включают в себя все стороны жизни и борьбы армянского народа.

История армянского народа полна фактов захватнических войн. Издревле на них нападали вавилоняне, ассирийцы, мары, персы, римляне, арабы и тюркские племена. Данное явление, длившееся веками, находит свое отражение во всех работах эпического жанра (эпические песни, сказки, легенды и др.), а также в пословицах и поговорах.

Когда народ говорит: «Ալին գնաց, Մուսին էկավ» (*Али ушел, Муси пришел*) или «Շէխը գնաց, Մեհմետը էկավ» (*Шах ушел, Махмет пришел*), то имеет в виду бесконечный караван врагов, по очереди нападающих на Армению. В подобных пословицах нет сюжета или образов, но вместо этого есть общее и правдоподобное описание данного явления, которое художественно и этим типично. То же следует сказать о тех бедах и горестях, которые претерпевал народ после нападений. Народ жалуется на то, что объект, подвергающийся нападениям один, а нападающих тысячи: «Մեկ Խաչիկ հազար տաճիկ» (*Один Хачик, тысяча таджиков*¹).

Они так разрушают и опустошают страну, что даже трава не зеленеет: «Գոխած տեղը չայիր չի բուսնի» (*Где наступит зелень не вырастит*). Но захватчикам недостаточно опустошить и разрушить страну, они стремятся уничтожить и народ. Линия поведения подобных властителей отразилась в пословицах: «Գոգիդ նստեմ միրուքդ փետեմ» (*Сяду на колени бороду общинаю [вырву]*); «Նստեմ գոգիդ անեմ հոգիդ» (*Сяду на колени, душу заберу*). Данные пословицы отражают недовольство, жалобы народа, которые сетовали на ненасытность завоевателей. Саркастичный окрас принимают выражения, которые, якобы, принадлежат самим захватчикам: «Сяду на колени», но этого же недостаточно, «еще и душу заберу». Также говорили: «Խանին թանահը շատ ա աշխարհն էլ տա կուշտանալ չի» (*Жадность хана вели-*

¹ Таджиками называли всех тюркоязычных, а позже всех мусульман.

ка, мир поднесешь не наестся). Хан служит собирательным образом всех завоевателей: императоров, шахов и шахншахов, ханов, султанов.

Народ иногда находился в полном отчаянии из-за непрерывных грабежей, угнетений и погромов. Отсюда появлялись пословицы: «Ինչ անեմ աշխարհիս լայնությունը որ ոտքերս նեղ տեղն ա» (*На что мне широта мира, если место для ног узкое*); «Ձուն էլի որ ոտքերս վրսի» (*Снег иди, чтобы моим ногам холодно стало*). Похожую мысль также можно найти в эпосе «Сасна Црер»¹ [Безумцы из Сасуна], когда Мгер младший причитает над могилой отца, сравнивая угнетателей со снегом, а невыносимую тяжелую судьбу народа с саднящей болью ног. Но, как и у Мгера, так и у народа подобное беспомощное сокрушение длится недолго. Печаль вскоре перерастает в ненависть, направленную против угнетателей и выводит народ на борьбу.

Таким образом, армянские пословицы, в которых присутствует концепт «родина», демонстрируют не только безграничную любовь к родной земле, но также свидетельствуют о многовековой борьбе с захватчиками, которые пытались лишить народ их родины. В таких паремиях ярко отражаются исторические реалии, определяющие мировоззрение армян и способствующие глубокому пониманию их отношения к Родине. «Անոնց աչքի կապրես, անոնց հայրենիքի չես աչքի» (*Без глаз проживешь, а без родины нет*) — именно в этой пословице Родина представляется как главная ценность для человека, без которой невозможно прожить.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о достаточной семантической близости слов родина и հայրենիք в русском и армянском языках, что подтверждает статус концепта «родина» как общечеловеческой ценности.

И в русских, и в армянских пословицах о Родине в первую очередь отражается безмерная любовь по отношению к родной земле, готовность защищать ее даже ценой собственной жизни. Резко осуждалась неприязнь по отношению к Родине. Как в русских, так и в армянских паремиях отражается личностное восприятие «своего» пространства, противопоставленное «чужбине». В русских пословицах и поговорках наблюдается противопоставление «своего» с положительной коннотацией, а «чужого» с отрицательной. А в армянском мировосприятии в отличие от русской лингвокультуры «чужбина» не всегда ассоциируется с чем-то враждебным. Вынужденное переселение в другие города и страны заставляло армян мириться с подобным положением и извлекать из этого пользу не только для себя, но и для окружающих. Находясь на чужбине, армяне вносили большой вклад в развитие промышленности и культуры приютившей их страны, становясь «своими среди чужих». Отсюда и использование термина «историческая родина» по отношению к Армении. Где бы ни родился и не жил армянин, он всегда будет гордиться своей «исторической родиной», при этом чтить традиции «второй родины».

¹ Օրւն — безумец, перен. удалец, храбрец.

Подводя итог, можно сказать, что и в русских, и в армянских паремиях концепт «Родина» предстает как высшая ценность, но «чужбина» у армян в отличие от русских не всегда ассоциируется с антиценностью.

Перспективы настоящего исследования видятся в дальнейшем изучении и сравнении различных концептов на материале пословиц и поговорок для выявления их национально-культурной специфики. Это позволит выявить смысловые доминанты, закрепленные в паремиологическом фонде русского и армянского языков.

В качестве перспективы также видится популяризация исследований концептов армянского языка, так как на сегодняшний день в армянской лингвистике не уделяется должного внимания данному направлению. Подобные исследования обладают новизной и актуальностью и могут представлять особый интерес, так как безгранично широки темы армянских пословиц и поговорок, и безгранично глубоко их нравственное содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаян Э.Б.* Толковый словарь современного армянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nayiri.com/> (дата обращения: 24.10.2017).
- Вежибицкая А.* Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // ТНЕСИС. 1993. Вып. 3. С. 185–285.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Слово, 1983. 369 с.
- Воркачев С.Г.* Слово «Родина»: значимостные составляющие лингвоконцепта / Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 26–36.
- Габдуллина С.Р.* Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1980. 683 с.
- Даль В.И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Литера; ВИАН, 1997. 416 с.
- Джаукян Г.* Этимологический словарь армянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nayiri.com/> (дата обращения: 24.10.2017).
- Джунусов М.С.* О мере своеобразия национальных культур // СОЦИС. 2002. № 5. С. 125–128.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2-х т. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
- Колесов В.В.* Ментальность и слово. Пути и источники изучения русской ментальности / Отражение русской ментальности в языке и речи. Липецк, 2004.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=199138> (дата обращения: 29.10.2017).
- Малхасянц С.* Армянский толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nayiri.com> (дата обращения: 24.10.2017).
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 250 с.

- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Электронный ресурс]. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения: 27.10.2017).
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 2004. 824 с.
- Стрельчук Е.Н.* Формирование русской речевой культуры иностранных бакалавров негуманитарных специальностей в вузах РФ: дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2016. 357 с.
- Сукиасян А.М.* Толковый словарь синонимов армянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nayiri.com/> (дата обращения: 25.10.2017).
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 261с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. (с доп.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovo.ru/etim-vasmer/index.html> (дата обращения: 22.10.2017).
- Фрумкина Р.М.* Концепт, категория, прототип / Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М.: ИНИОН РАН, 1992.

© Гаспарян Н.К., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.10.2017

Дата принятия к печати: 18.01.2018

Для цитирования:

Гаспарян Н.К. Репрезентация концептов «родина» и «հայրենիք» (на материале русских и армянских пословиц) // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 207–223. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-207-223

Сведения об авторе:

Гаспарян Нина Карапетовна, аспирант института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, языковая картина мира, сопоставительный анализ концептов русского и армянского языков. *Контактная информация:* ninka24235@mail.ru

THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “HOME/FATHERLAND” (BASED ON RUSSIAN AND ARMENIAN PROVERBS)

N.K. Gasparian

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Alexandra Nevskogo str., Kaliningrad, 236016, Russian Federation

Linguistic and cultural analysis of the basic concepts of human external and internal world can reveal national character, national ideas, various cultural ideals reflected in these concepts. The concept “Home/Fatherland” is one of the key concepts in the worldview of Russians and Armenians. The author analyses the concept “Home/Fatherland” as a means of representing reality in national consciousness comparing two linguistic pictures of the world. We know that a concept contains important cultural information, concealing its direct meaning in a linguistic unit. The article presents the results

of comparative linguistic and cultural analysis of the concept “Home/Fatherland” on the material of the two languages paremiology. The proverbs and sayings gave the author the opportunity to identify the similarities and differences in Russian and Armenian perception of the Home/Fatherland and to determine national and cultural specificity of the concept “Home/Fatherland”.

Key words: concept, Homeland, Fatherland, cultural linguistics, the Russian language, the Armenian language, proverbs, sayings

REFERENCES

- Agayan, Ye.B. *Explanatory Dictionary of the Modern Armenian Language*. Retrieved October 24, 2017 from: <http://www.nayiri.com> (in Armenian).
- Vezhbitskaya, A. (1993). *Semantika, Kul’Tura i Poznanie: Obshhechelovecheskie Ponyatiya v Kul’Turospetsifichnykh Kontekstakh* [Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culturally Specific Contexts]. THESIS. 3. (In Russ).
- Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (1983). *Yazyk i Kul’Tura* [Language and Culture]. Moscow: Slovo Publ. (In Russ).
- Vorkachev, S.G. (2006). *Slovo «Rodina»: Znachimostnye Sostavlyayushchiye Lingvokontsepta* [The Word «Fatherland»: Significant Components of Linguistic and Cultural Concept]. Voronezh: VGU Publ. (In Russ).
- Gabdullina, S.R. (2004). *Kontsept Dom/Rodina i Ego Slovesnoe Voploshchenie v Individual’Nom Stile M. Tsvetaevoi i Poezii Russkogo Zarubezh’Ya Pervoi Volny* [The Concept Home/Fatherland and Its Verbalization in the Individual Style of M. Tsvetaeva and The Poetry of the Russian Emigrants Of The First Wave]. [Author’s abstr. cand. ped. diss.]. Moscow. (In Russ).
- Dal’, V.I. (1997). *Poslovitsy, pogovorki i pribautki russkogo naroda* [Russian Proverbs, Sayings And Bywords]. Saint Petersburg: Litera; VIAN Publ. (In Russ).
- Dal’, V.I. (1980). *Tolkovyi Slovar’ Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Russian Language Publ. (In Russ).
- Dzhaukyan, G. *Etymological Dictionary of the Armenian Language*. Retrieved October 24, 2017 from: <http://www.nayiri.com>
- Dzhunusov, M.S. (2002). *O Mere Svoeobraziya Natsional’Nykh Kul’Tur* [About The Measure Of National Cultures’ Specifics]. (In Russ).
- Efremova, T.F. (2002). *Novyi Slovar’ Russkogo Yazyka. Tolkovo-Obrazovatel’Nyi* [The New Dictionary of the Russian Language. Explanatory And Educational]. Moscow: Russian Language Publ. (In Russ).
- Kolesov V.V. (2004). *Mental’nost’ i slovo. Puti i Istochniki Izucheniya Russkoi Mental’Nosti* [The Mentality and Word. The Ways and Sources to Study the Russian Mentality]. Lipetsk. (In Russ).
- Maksimov, S.V. *The Devilry, Unknown and Cross Force*. Retrieved October 29, 2017. from: <https://www.litmir.me/br/?b=199138>
- Malhasyanc, S. (1999). *Explanatory Dictionary of the Armenian Language*. Retrieved October 24, 2017. from: <http://www.nayiri.com>
- Ozhegov, S.I., & Shvedova N.Yu. (1999). *Tolkovyi Slovar’ Russkogo Yazyka: 80000 Slova i Frazheologicheskiye Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russ).
- Popova Z.D., Sternin I.A. (2007). *Semantiko-Kognitivnyi Analiz Yazyka* [The Semantic and Cognitive Analysis Of Language]. Voronezh. (In Russ).
- Sreznevskii, I.I. *Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Monuments*. Retrieved October 27, 2017. from: <http://oldrusdict.ru/dict.html#>

- Stepanov, Yu.S. (2004). *Konstanty. Slovar' Russkoi Kul'Tury. Opyt Issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture (Russian Edition)] Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ. (In Russ).
- Strel'chuk, E.N. (2016). *Formirovanie Russkoi Rechevoi Kul'Tury Inostrannykh Bakalavrov Negumanitarnykh Special'Nostei v Vuzah RF* [Forming Russian Speech Culture of Foreign Bachelors of Non-Humanitarian Specialities in Higher Education Institutions of the Russian Federation] (Doctoral dissertation, Moscow). (In Russ).
- Sukiasyan, A.M. *Explanatory Dictionary of Armenian Synonyms*. Retrieved October 25, 2017. from: <http://www.nayiri.com/>
- Ter-Minasova, S.G. (2000). *Yazyk i Mezhhkul'turnaya Kommunikatsiya* [The Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo Publ. (In Russ).
- Fasmer, M. *Etymological Dictionary*. Retrieved October 22, 2017. from: <http://www.slovorod.ru/etym-vasmer/index.html>
- Frumkina R.M. (1992). *Kontsept, Kategoriya, Prototip* [Concept, Category, Prototype]. Moscow: INION RAN Publ. (In Russ).

Article history:

Received: 14.10.2017

Accepted: 18.01.2018

For citation:

Gasparian N.K. (2018). The representation of concept «home/fatherland» (based on Russian and Armenian proverbs). *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 207–223. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-207-223

Bio Note:

Gasparian Nina Karapetovna, PhD student of the Institute of Humanity FGAOU VO «Immanuel Kant Baltic Federal University». *Research interests*: cultural linguistics, linguistic picture of the world, comparative analysis of Russian and Armenian concepts. *Contact information*: ninka24235@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-224-241

УДК 81.42

БИПОЛЯРНОСТЬ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ» В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАНИХ РАССКАЗОВ Л. АНДРЕЕВА

А.В. Прохорова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

В статье рассматривается феномен биполярности концепта «Жизнь/Смерть» и особенности его вербализации в текстах ранних рассказов Леонида Андреева. Цели работы заключаются в выявлении и описании средств и способов экспликации концепта «Жизнь/Смерть» и обосновании его биполярной природы. Актуальность исследования определяется назревшей необходимостью осмысления когнитивной структуры особого типа — биполярного художественного концепта, текстообразующая роль которого в оппозитивном дискурсе все еще остается неисследованной. Для идиостиля Л. Андреева таковой — биполярный концепт «Жизнь/Смерть». В данной работе предпринята попытка показать, каким образом внутренний конфликт писателя воплотился в культурно-познавательном содержании столь масштабного в своей биполярности концепта.

Ключевые слова: оппозитивный дискурс, биполярный концепт, художественный концепт «жизнь/смерть», лингвокультурология

Введение

Несмотря на долгую историю своего существования, термин «концепт» за последние несколько десятилетий получил новую интерпретацию. С позиции лингвокультуролога Ю.С. Степанова, концепт — «сгусток культуры в ментальном мире человека; это то, в виде чего культура входит в сознание целого языкового сообщества» (Степанов, 1997: 40). Созвучное понимание концепта утверждает и В.В. Демецкая, называя концепт «единицей культурной семантики» (Демецкая, 2007: 25).

Несмотря на обширный корпус исследований в области когнитивной лингвистики, имманентная сущность концептов до сих пор представляет собой белое пятно в лингвоконцептологии. Бабушкин А.П. предлагает классифицировать концепты по способу их репрезентации в языке и выделяет лексические (вербализуемые одной лексемой) и фразеологические (вербализуемые сочетанием лексем) (Бабушкин, 1996). Дополняют эту концепцию З.Д. Попова и И.А. Стернин, говоря о концептах, вербализуемых клишированными выражениями (афоризмами, пословицами, поговорками) и текстовых концептах (вербализуемых текстами любой длины и любого объема) (Попова, Стернин, 2002: 77–83). Особо значимым в контексте авторского исследования является деление концептов на по-

знавательные и художественные, предложенное Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко, 1999).

В дискуссии о сущности и систематизации концептов принимают участие не только авторитетные лингвокогнитологи (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, В.И. Карасик, Е.Г. Прохоров и др.). К ним присоединяются и начинающие исследователи (З.Р. Аглеева, Е.В. Дзюба, Е.Ю. Пономарева, Г.Н. Боева и др.), размышляющие о когнитивном субстрате необычных речевых репрезентантов художественной картины мира, подобной той, которая создавалась Леонидом Андреевым в начале XX века.

В текстах своих ранних рассказов писатель представил читателю выстроенный на метаморфозе новый тип концепта русской лингвокультуры на изломе мятежных веков. Лежащий в основе его слова концепт наполнен дыханием мятежных стихий, тревожными мыслями, мистическими ощущениями, философскими раздумьями, неутомимыми творческими исканиями в биполярном единстве жизни и смерти. Единство столь противопоставленных явлений достигается тем, что бескомпромиссное восприятие смертности всего сущего усиливало в его героях чувство жизни, придавало им синергию бытия и одухотворенность. Целостность концепта «Жизнь/Смерть» во взаимопроникновении двух его составляющих: в текстах ранних рассказов Леонида Андреева смерть — одновременно и трагедия, и проверка ценности прожитого; это и естественное завершение жизненного пути, и та высь, с которой человеческому пониманию открывается мудрая и потаенная сущность благодати.

Понимание ценности биполярного концепта «Жизнь/Смерть» как базового для культуры любого народа связано со вселенским характером явлений, обычно включаемых в оппозитивные представления о постоянно возобновляющемся круговороте рождений и смертей. Их универсальный характер обусловлен пониманием того, что все живое находится между двумя полюсами своего бытия: рождением/появлением и гибелью/разрушением.

Практическое и теоретическое значение исследования состоит в том, что в нем впервые осуществляется анализ сложного смыслового пространства биполярного концепта как текстообразующего средства в словесно-художественном мышлении творца. Выявление системообразующего потенциала такого концепта немыслимо без его погружения в идиостиловую континуум концептосферы писателя.

Понятие концептосферы в данном исследовании ценно тем, что оно помогает понять, каким образом язык служит не только способом художественного общения, но и основным репрезентантом этнокультуры, воплощаемой в языковой личности писателя, его идиостиле. Это послужило основанием для утверждения О.С. Акединой о том, что «современная наука при исследовании художественного текста, языка отдельного автора все чаще рассматривает концепт в рамках идиостиля» (Акедина, 2013: 3).

Цель

1. Обосновать биполярную сущность художественного концепта «Жизнь/Смерть» в ценностно-смысловой парадигме идиостиля писателя, в котором, если следовать за Ю.Н. Карауловым (Караулов, 1987), проявляется своеобразие язы-

ковой личности писателя на всех ее уровнях: 1) на лингво-когнитивном, или тезаурусе, отражается индивидуально-авторская картина мира; 2) на вербально-семантическом — внутренний (ментальный и речевой) лексикон; 3) на мотивационном уровне, или уровне деятельно-коммуникативных потребностей, отражается прагматикон личности — система ее целей, мотивов, интересов и установок при порождении художественного текста.

2. Показать механизмы сопряжения в смысловой структуре биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть» когнитивно-культурных универсалий (а) и уникальной художественно-эстетической ментальности (б).

Материалы и методы

Материалом исследования стали рассказы Л. Андреева, относящиеся к раннему этапу его творчества. Они представлены с позиций концептуального анализа, получающего в отечественной лингвокогнитивистике все большую популярность. Изучение биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть» опирается на идеи лингвистического психологизма. Еще в 30-е годы XX столетия данный подход к художественному концепту предложил С.А. Аскольдов, настаивавший на его субъективной природе. Ученый полагал, что именно наличие «чуждой логики и реальной прагматики художественной ассоциативности» — пожалуй, самый существенный признак художественного концепта (Аскольдов, 1997: 275).

Ведущим методом исследования биполярного художественного концепта является когнитивно-семантический анализ художественного дискурса Л. Андреева, который реализуется не только на уровне текста, но и вертикального контекста, сопрягая в единое целое элементы языковой и неязыковой семантики.

Результаты

Сопряжение концептосферы и идиостиля проявляется в избранных автором жанре, теме, средствах и приемах выражения авторского замысла, отборе лексических средств и т.д. Отсюда вывод: концепт есть ключ для адекватного восприятия содержательного аспекта художественного текста, а также «эмоционально-оценочной информации за счет содержащегося в концепте этнокультурно обусловленного эстетико-смыслового кода» (Миллер, 2004: 15). В нашем случае через экспликацию ассоциативно-коннотативной составляющей содержания биполярного концепта «Жизнь/Смерть» происходит постижение авторского замысла, обрамленного в форму литературного произведения.

Биполярная сущность художественного концепта «Жизнь/Смерть» в ценностно-смысловой парадигме идиостиля Леонида Андреева состоит в том, что концепт «Жизнь» не может быть достоверно эксплицирован в ранних рассказах Л. Андреева без обращения к закрепившемуся в языковом сознании его антиподу — концепту «Смерть». Антитеза «Жизнь-Смерть» в рассказе соотносится не с преднебытием, рождением и постнебытием, согласно этико-философскому сознанию, а с самим процессом жизни, изображенном в рассказах.

Обсуждение

Анализ статей толковых словарей, составители которых представители традиционно полярного экспрессивно-эмоционального мировосприятия и мироощущения (сдержанные, порой чопорные англичане и чувственные, пылкие итальянцы) служит основанием для предположения о корпоральной сущности универсальной оппозиции «жизнь» — «смерть», без которой, практически, не существует ни одной языковой картины мира.

Действительно, на базе **восприятия и ощущения** окружающего мира осуществляется концептуализация его базовых явлений, формирующая наивные понятия (концепты), при вербализации которых в языковом сознании закрепляются и сохраняются устойчивые ассоциативные связи о данном фрагменте мировосприятия. Затем происходит логическая обработка ранее воспринятого: обобщение свойств и признаков воспринимаемого объекта в виде понятия. Ее результаты представлены в словарных дефинициях. [Ср.: типичные словарные дефиниции английской и итальянской лексикографии (“Oxford English Reference” и “Garzanti Linguistica”). Толковый словарь английского языка “Oxford English Reference” разъясняет: 1. «Жизнь» (“life”) — 1. Состояние, которое отличает животных и растения от неорганической материи, т.е. способность расти, двигаться, меняться до самой смерти. 2. Живые существа и их активность. 3. Период, в течение которого протекает активная деятельность, или период от рождения до настоящего момента, от рождения до смерти, период существования вещи или ее способности функционировать (Pearsall, Trumble, 2002: 178). В толковом словаре итальянского языка: «Жизнь» (“la vita”) — 1. Комплекс функций, которые делают организм животного или растения способным сохраняться, развиваться, размножаться и войти в отношения с окружающей средой и с другими организмами. 2. Пространство между рождением и смертью; существование человека, набор фактов и опыта. 3. *Перен.* жизнь, жизненная сила; бодрость; живость; оживление (Garzanti italiano..., 2004: 201). Как несложно заметить, Оксфордский словарь, в отличие от итальянского, не фиксирует переносные смыслы понятия «жизнь».]

Подобным образом лексикографируется и понятие «смерть» (“death”). Оксфорд — 1. Полное прекращение жизненных функций организма, конец жизни. 2. Событие, которое прекращает жизнь. 3. Факт или процесс убийства или самоубийства, факт или состояние смерти. 4. Разрушение или прекращение чего-либо. 5. Что-то ужасное или отталкивающее (Pearsall, Trumble, 2002: 622). Итальянский словарь: «смерть» (“la morte”) — 1. Необратимое прекращение жизненных функций в живых организмах: в человеке и в животных происходит при отсутствии дыхания и сердцебиения самопроизвольно. 2. Прекращение функций головного мозга (Garzanti italiano..., 2004: 701). Словарное описание понятия смерти Оксфордским словарем содержит указание на ее устойчивое восприятие как чего-то ужасного или отталкивающего. Восприятие обладает несколькими характеристиками:

- а) константностью, постоянством восприятия того или иного объекта;
- б) осмысленностью, т.е. приданием тому или иному объекту восприятия смысловой оценки;
- в) словесным обозначением его признаков и связей с другими объектами.

Центральным звеном восприятия служит осмысленность. Она, как правило, связана с определенным мировоззрением — системой взглядов на мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе. Андреев Л. в письме к М. Горькому признавался: «Я много думаю о жизни и о смерти и чувствую в них глубокую тайну...» (Андреев, 1965: 179).

Такие настроения писателя не могли не найти отражения в концептосфере его художественного мышления, понимание специфики которой было бы невозможным без анализа эволюции лингвокультурного восприятия художественного концепта «Жизнь/Смерть» как мощного источника биполярного смысла ранних рассказов писателя. Впрочем, не только Андреевского дискурса.

Данный концепт и каждый из его полюсов по отдельности находится в эпицентре семантического пространства языка в целом (Золотых, Бочарникова, 2012). Как заметила О.А. Ипанова, «понимание жизни, отношение к жизни в любой лингвокультуре представляет собой ориентир человеческого поведения, который определяет этноспецифические нормы и стереотипы общения, а также ментальность носителей языка» (Ипанова 2005: 5). Причем столь высокая значимость, роль концепта «Жизнь» в народной ментальности практически всегда сопряжена с осознанием неизбежности смерти как неотъемлемой и таинственной составляющей нашего бытия, не оставляющей равнодушным никого. Этим, собственно, и определяется тот неоспоримый факт, что концепты «Жизнь» и «Смерть» относятся к так называемым базовым ментальным сущностям, на основе которых происходит формирование других элементов концептуальной системы человека. Любопытно, что, погружаясь в дискурсивное пространство текстов Л. Андреева, эти два базовых лингвокультурных концепта сцепляются в единую смысловую оппозицию, т.е. в биполярный художественный концепт «Жизнь/Смерть».

Являясь феноменами реального мира, лексемы, репрезентирующие эти концепты, по своему денотативному статусу, по характеру обозначаемой действительности, есть абстрактные субстантивы и, согласно словарю М.Р. Львова, признаются антонимами (Львов, 1984: 113). Однако их природа и сущность все еще не нашли убедительного истолкования. В отличие от Л.А. Новикова, в семантической классификации которого они относятся к антонимам контрадикторного типа, поскольку делят, по мнению ученого, семантическое пространство биологического существования пополам, автор считает их контрарными (там же).

Действительно, феномены «жизнь» и «смерть» выражают иллюзорную полярность. Контрадикторной противоположностью внутри данной бытийной сущности служат скорее антонимы *рождение* и *смерть*, а «жизнь», или собственно бытие, — связующее их звено.

Следовательно, «бытие» (в широком смысле — «существование»), имеет внутреннюю градацию: «рождение» — «жизнь» — «смерть». Жизнь (бытие) начинается с момента рождения и прерывается смертью. Однако такая интерпретация контрадикторной противоположности в основном относится к понятиям, а не концептам. Контрарная противоположность концептов, тем более художественных, зиждется на заключенных в их смысловом содержании переживаемых представлениях, где *жизнь/бытие* включает в себя *рождение* как свою исходную стадию.

В старину *жизнь/бытие* обозначало образ жизни, быт. В наше время оно закрепило в устойчивом шутовском сочетании *житье-бытье*. Подобный смысл имеют и другие однокоренные слова (*быт, бытность*). Все они относятся к повседневной жизни. Этим простецкое «житье» и отличается от возвышенного «бытие». Разумеется, они имеют и общую частицу смысла: и «житье» и «бытие» обладают временными параметрами. «Житье» (жизнь) подразумевает «то, что родилось, неизбежно движется к смерти». «Бытие» — то, что «всякая вещь имеет начало и конец». Несколько иной, категориально возвышенный, модус приобретает понятие «бытие» в научном дискурсе: ср. выражение *загадки бытия*. Концепт *бытие* с этимологической точки зрения оказался в промежутке между феноменами, с одной стороны, рождения и роста (жизни), а с другой — смерти. Интегрировав в процессе метафорического мышления их оценочно-образные смыслы, он обогатился многовекторными переживаниями: а) от восприятия рождения жизни, б) радости бытия и в) печального ощущения небытия. Их многоуровневое структурирование привело к образованию биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть». Немаловажную роль при этом сыграл статус данного концепта в религиозной картине мира.

По итогам анализа религиозного дискурса И.В. Чекулай и О.Н. Прохорова пришли к заключению о том, что «все постулаты религиозного мировоззрения сводятся к мысли о том, что концепт ЖИЗНЬ как ценность бытия следует рассматривать в конгломерате со СМЕРТЬЮ как реверсом медали, аверсом которой является ЖИЗНЬ». Нельзя не сказать, что в христианском контексте смерть в качестве периода существования рассматривается как продолжение жизни души и «в когнитивном плане эти концепты неразделимы» (Прохорова, Чекулай, 2006: 210).

Ли Джин Пинг и Е.В. Чернцова провели диахронический анализ средств, репрезентирующих концепты «Жизнь» и «Смерть». Исследователи подчеркивают, что доминирование в XI—XVII веках религиозных представлений определило связь жизни земной и загробной.

Действительно, производные от лексем *жизнь/смерть* прилагательные *живой/мертвый* противопоставлены только по признаку «жизнь/смерть тела, плоти». Детальный анализ средств экспликации лингвокультурных концептов «Жизнь» и «Смерть» позволили сделать вывод о том, что эти концепты «семантически не противопоставлены друг другу, а толкование каждого из соответствующих слов осуществляется взаимной отсылкой». Выводом из исследования двух концептов стала мысль о существовании единого концепта, «объемлющего две неслиянные и нераздельные части», которая находит свое подтверждение в дискурсивном пространстве текстов Л. Андреева (Пинг Ли, Чернцова, 2010: 118).

Анализ статей толковых словарей русского языка показывает, что исследуемые понятия в русской языковой картине мира изначально содержат широкий информативно-оценочный потенциал, а некоторые аксиологические смыслы и вовсе являются собой когнитивную метафору. В толковом словаре С.И. Ожегова «Жизнь», помимо универсальных для всех лингвокультур смыслов, содержит метафорическое значение: «оживление, проявление деятельности, энергии». Акте-

рам, например, часто приходится слышать требование режиссера: «Больше *жизни!*» (призыв действовать энергичнее, живее) (Ожегов, Шведова, 1997: 173). Д.Н. Ушаков в своем толковом словаре уточняет эту когнитивную метафору: *только ед.* «энергия, внутренняя бодрость, полнота духовных и нравственных сил» и *только ед.* «самое дорогое для человека, источник радости, счастья (книжн.)» (Ушаков, 2013: 192).

Широкий народно-понятийный ярус биполярного концепта «Жизнь/Смерть» в русской языковой картине мира определен и особым местом, которое он занимает в ряду ценностных концептов носителей русского языка. По данным некоторых исследователей, в русском языковом сознании он стоит на третьем месте по значимости после концептов «Человек» и «Дом» (Уфимцева, 2002). Проведенные А.А. Осиповой исследования позволили ей утверждать, что «противопоставление жизни и смерти выступает в качестве наиболее фундаментального в культуре, к нему сводятся все другие противопоставления» (Осипова, 2012: 15). Аксиологический анализ явления «Жизнь» связан с попыткой понять феномен человека, его бытия, отношения к миру и себе. А.А. Осипова отмечает, что определения сущности жизни как явления часто связано с поиском ее смысла, а историки философии утверждают, что различное понимание жизни и смерти отличает не только представителей разных культур, но и разных эпох. Не ставя перед собой цель детального анализа общекультурного биполярного концепта «Жизнь/Смерть», автор останавливается на принципиально значимой в контексте исследования мысли: жизнь сцеплена со смертью, а понять жизнь можно только через саму смерть и наоборот.

«Оппозитивный дискурс» (термин Т.И. Красновой) — это способ существования языковой картины мира Л. Андреева, в котором биполярный концепт «Жизнь/Смерть» служит средством порождения оппозитивной структуры дискурса — коммуникативного события, положенного в основу текстообразования одного из ранних рассказов, «Баргамот и Гараська» (1898 г.). Если под феноменом «оппозитивности» понимать «интенционально мотивированную модализацию, понижающую деятельность субъекта языкового сознания» и «психическую реакцию на происходящее» (Краснова, 2015: 54), то важно определить то пространство, в котором формировалось отношение неприятия Л. Андреевым традиционно положительного восприятия жизни и резко негативного отношения к смерти. В этом плане целесообразно обратиться к мотивационному уровню языковой личности Л. Андреева, что сопряжено с анализом внеязыкового пространства художественного дискурса писателя, в котором реализуется языковая личность художника слова на «нулевом» (дотекстовом) этапе текстопорождения.

Андреев Л. справедливо считается представителем модернистского типа языкового сознания. Не случайно В. Маяковский в 1914 году назвал его «выразительным сыном своего времени», сознание которого было отравлено горечью вынужденности из быта и ощущением своей потерянности в нем (Маяковский, 2014: 353). По мнению Е.А. Михеичевой, утрата чувства уверенности и веры объединила представителей разных направлений в искусстве и «заставила их сказать твердое «нет» быту, вступить в «борьбу с бытом», прийти к «отрицанию бытия» (Михеичева, 2012: 149). Этой утратой дышат:

а) идиолект Л. Андреева (высокая концентрация слов с негативной коннотацией (жизнь — «страшная азартная игра», «сумбур», «хаос» и т.д. в рассказе «В темную даль»);

б) коммуникативные ситуации, смоделированные в его текстах (непризнанный писатель Алексей Георгиевич изливает душу девице легкого поведения Паше в рассказе «Памятник», лишенный детства Петька из рассказа «Петька на даче», несчастный мальчик Сашка из рассказа «Ангелочек», нелепо и бессмысленно умерший Николай Дмитриевич из рассказа «Большой шлем»);

в) концептосфера, определившая биполярный характер языковой картины мира Л. Андреева.

На ее биполярность указывают воспоминания современников писателя, считавших, что он страдал определенным расстройством личности. В контексте авторского исследования интересно и признание самого Л. Андреева о том, что его жизнь мучительна от постоянных головных болей, похожа на длительную пытку, хотя традиционно жизнь воспринимается как благо и великое счастье.

Сам термин «биполярный концепт» в когнитивной лингвистике не закреплен, в отличие от понятия «бинарные концепты», репрезентанты которых в большинстве случаев антонимы (такая мысль утверждается, в частности в диссертационном исследовании Д.Д. Хайруллиной) (Хайруллина, 2009: 2).

Биполярный концепт — это явление интегрального характера, плотно сцепленные воедино самостоятельные концепты, каждый из которых объясняется через противопоставление друг другу. Понимание биполярного концепта не должно и не может сводиться лишь к поиску антонимов: это объясняемое рядом экстралингвистических факторов, ментально закрепившееся противопоставление (учитывается тот факт, что смерть — это событие, а жизнь — процесс, и, казалось бы, прямым антонимом *смерти* должно быть *рождение*). Феномен биполярного концепта состоит в том числе и в стирании границ между явлениями, традиционно воспринимаемыми как контрастные, оппозитивные. По этому поводу интересна мысль Н.К. Михайловского: «Смерть часто “косит жатву жизни” в рассказах г. Андреева (Большой шлем, Молчание, Рассказ о Сергее Петровиче, На реке, Жили-были), а смерть — страшная штука. Но и жизнь бывает страшной штукой, как видно уже из того, что люди добровольно иногда меняют жизнь на смерть (Молчание, Рассказ о Сергее Петровиче)» (Михайловский, 2015). Орлова О.Г. в одном из своих исследований изучает биполярный чувственный образ, лежащий в основе некоторых лингвокультурных концептов: «Итак, структура концепта «воля» может быть описана следующим образом. Ядро концепта — базовый биполярный чувственный образ, в котором человек на воле противопоставлен свободному человеку» (Орлова, 2013: 170).

В контексте авторского исследования принципиально значима именно биполярность концепта, ведь Л. Андреев по ходу становления своего писательского «я» стирает границы между жизнью и смертью. «Г-н Андреев, — писал Н.К. Михайловский, — и к жизни, и к смерти подходит больше с этой последней стороны, со стороны их бессмысленной жестокости» (Михайловский, 2015). К утверждению такой мысли в концептосфере своих произведений Л. Андреев придет не с первых рассказов, в которых в большей степени актуализируется понятийный ярус концептов «Жизнь» и «Смерть», интегрируемых в единый биполярный макроконцепт.

Среди объективных смыслов концепта «Жизнь», составляющих его понятийный ярус, в ранних текстах Л. Андреев («Алеша-дурачок», «Баргамот и Гараська», «Ангелочек») воплощает следующие:

«Жизнь» — это:

- 1) «окружающий мир, внешнее бытие»;
- 2) «период существования человека»;
- 3) «образ существования человека»;
- 4) «проявление биологической жизни».

Так, в известном раннем рассказе «Баргамот и Гараська» (1898 г.), в основе которого лежит мотив духовного преображения человека (некое пасхальное чудо — Воскресение Христово), финальная фраза пьянчуги Гараськи становится средством экспликации таких объективных смыслов концепта «Жизнь», как «период существования человека», «образ существования человека» (— *По отчеству... Как родился, никто по отчеству... не называл...*). Синтаксис предложения (парцелляция, фигуры умолчания, лексические повторы), которое в композиционном плане является и кульминацией, и развязкой одновременно, позволяет смоделировать ассоциативно-образный ярус концепта «Жизнь», который представлен фреймом «Презрение»: русская языковая картина мира предполагает обращение к человеку по отчеству в случае, если необходимо выразить уважение и признание. Дважды наречие *презрительно* характеризует отношения Баргамота к Гараське («презрительно...смотрел», «презрительно ответил»). Не случайно средствами референции такого объективного смысла художественного концепта «Жизнь», как «образ существования» главного героя Гараськи, становится и фрейм «Пьянство», вступающий в причинно-следственные отношения с фреймом «Презрение» («пьяная особа», — именно это, полное безразличия словосочетание, становится первым средством характеристики Гараськи). Атрибуты повседневности пьянчуги («отрепья», «грязь», «полицейский участок», «ругань», «побои») превращают его жизнь в жалкое подобие. Не случайно именно лексема «существование» становится ключевым средством вербализации эмоционально-оценочного яруса концепта «Жизнь» в рассказе «Баргамот и Гараська», а лексема «лицо» намеренно подменена лексемой «физиономия». Лексема *пьяница*, дважды разрастающаяся до еще более мелкого, ничтожного — лексемы *пьянчужка* — становится средством вербализации одного из смысловых фашин концепта «Жизнь» — «образ жизни».

Анализируя концепт «Жизнь», среди его смыслов традиционно выделяют некоторые ориентационно-темпоральные структуры. Так, Е.В. Дзюба считает «включение в структуру концепта ориентационно-темпоральных смыслов» одним из «составляющих ядра концептосферы» (Дзюба, 2005: 183). Горизонтальное измерение, связанное с экзистенциальным бытием, с точкой локуса, по мнению Е.В. Дзюбы, является одним из ориентационных параметров жизни.

В случае с Гараськой ориентационный смысл концепта «Жизнь» вербализуется иронически окрашенной фразой: «Жил, то есть ночевал, Гараська по огородам, по берегу, под кусточками». Л. Андреев намеренно исключает все атрибутивы и репрезентанты концепта «Дом», который, с одной стороны, служит ключевым в русской языковой картине мира (вспомним упомянутое ранее исследование

Уфимцевой), а с другой — субконцептом, который входит в ассоциативно-образный ярус концепта «Жизнь», разрастающийся до фрейма «Бродяжничество». Понимание жизни как пути, странствия традиционно в культурах разных народов, но в русской православном дискурсе «Бродяжничество» — это форма экспликации концепта «Юродство». По этому поводу интересна мысль Е. Иноземцевой: «Очень интересно использование мотива пьянства в контексте ущемления гордыни, пьянства как подвида юродства в христианской картине мира» (Иноземцева, 2017).

Фрагмент текста Л. Андреева, где детально характеризуется образ жизни Гараськи, становится формой вербализации концепта «Юродство», встроенного в концептосферу «Жизнь/Смерть». Именно Гараська становится человеком, испытавшим христианскую любовь к своему врагу — полицейскому Баргамоту, неаккуратным движением разбившим пасхальное яйцо пьянчуги.

Действительно, основу коммуникативной ситуации, лежащей в основе рассказа, составляет борьба этих героев, обусловленная остро противоположным образом жизни. Субконцепт «Дом» в случае с Баргамотом представлен такими лексемами, как «хибарка», «устои», «семейный союз», «хозяйство». Все вербализаторы концепта «Жизнь» Баргамота выражают автологический смысл, что говорит и об образе мышления полицейского, категоричного в своих убеждениях и поступках: «Высокий, толстый, сильный, громогласный Баргамот составлял на полицейском горизонте видную фигуру и давно, конечно, достиг бы известных степеней, если бы душа его, сдавленная толстыми стенами, не была погружена в богатырский сон». Метафоричный оборот «душа..., сдавленная толстыми стенами...» контрастирует с образным оборотом, характеризующим Гараську — «бездонная...душа». Концентрация позитивно окрашенным лексем, обрамляющих образ Гараськи, по ходу погружения в текст усиливает ощущения сцепленности жизни пьянчуги с жизнью юродивого.

Так, концепт «Жизнь» в темпоральном плане раскололся на два отрезка: от рождения до Пасхи, когда впервые в Гараське рассмотрели человека, достойного обращения по отчеству. В эту секунду словно умирает пьянчужка Гараська и рождается новый человек. Именно такое ассоциативно-образное окружение коммуникативной ситуации, положенной в основу сюжета рассказа, побуждает на интуитивном уровне чувствовать присутствие концепта «Смерть», который в пасхальном, православном, дискурсе наслаивается на концепт «Жизнь» и отождествляется с ним («...смертию смерть поправ / и тем, кто в гробницах, / жизнь даровав»). Именно такая культурно и религиозно обусловленная сцепленность концептов «Жизнь» и «Смерть» заложена на идейном уровне художественного дискурса Л. Андреева и позволяет говорить о явлении интегрального порядка — биполярном художественном концепте «Жизнь/Смерть», который служит средством экспликации биполярности языковой картины мира Леонида Андреева.

Финальный фрагмент текста рассказа «Баргамот и Гараська», отличающийся от других произведений Л. Андреева своим жизнеутверждающим пафосом, становится средством экспликации биполярного художественного концепта «Жизнь»,

эмоционально-оценочный слой которого представлен фреймом «Перерождение»: встреча в канун Пасхи переродила и объединила героев-антагонистов. Пасхальное яичко, которое разбивает Гараська («К нему по-благородному, а он в ... в участок. Может, яичко-то у меня последнее? Идол!»), — символ вечной жизни, победы над смертью — становится не просто литературным мотивом, побудившим героев к смягчению, доброму поступку. Яйцо в повести служит также символом *смерти, озлобления* душ полицейского и пьяницы.

Лексема *яичко* (ни разу в тексте не употребляется без уменьшительно-ласкательного суффикса) — культурно и религиозно маркированный репрезентант художественного биполярного концепта «Жизнь/Смерть», который в языковом сознании Л. Андреева связан с субконцептом «Душа»: именно субстанция Душа в русской языковой картине мира воспринимается как граница между земной жизнью и смертью.

По этому поводу примечательна мысль Р.М. Бикмухаметовой, которая утверждает, что «семантическую основу паремий и фразеологизмов со значением «жизнь» чаще всего формирует слово *душа*» (Бикмухаметова, 2013: 22). Несмотря на жизнеутверждающий пафос произведения, на мажорный тонус его ценностно-смыслового модуса, чувствуется присутствие смерти, запрограммированное на уровне возрождающего пафоса Пасхи. Видимо, поэтому смерть здесь не связана с традиционными атрибутами конца земной жизни, а наоборот, мыслится как новый этап жизни, представленный фреймами «Перерождение» и «Катарсис», что окончательно утверждает целесообразность использования понятия «биполярный художественный концепт».

Действительно, многие критики говорили о том, что в этом рассказе Л. Андреев вслед за Максимом Горьким стремился вскрыть «чувства добрые» под грубым образом опустившегося человека, противопоставляя мир внешний и мир внутренний, духовный. Оптимистический модус концептосферы «Жизнь/Смерть», репродуцированный в пасхальном рассказе «Баргамот и Гараська», впоследствии развенчается самим Леонидом Андреевым в силу многих факторов: любовных неудач, слабого здоровья, неоднозначной реакции публики и критиков, множественных расстройств психического характера. Уже в следующем опубликованном также в 1898 году рассказе «Алеша-дурачок» эмоционально-оценочный пласт концепта «Жизнь» эксплицируется фреймом «Несправедливость». Лексема «дурачок», традиционно являющаяся вербализатором концепта «Юродство» (чувствуется связь с предыдущим рассказом), вынесена в название и служит не только средством характеристики умственных способностей главного героя, но и характеристикой отношения к нему окружающих: несчастный юноша терпит побои со стороны хозяйки квартиры, где он живет, «известной всей Пушкинской Акулины, которая посылает его собирать копейки, и если копеечек набирается достаточно, совершается на них пьянство и дебош». Если в рассказе «Баргамот и Гараська» доброе намерение неблагополучного Гараськи вознаграждается теплом и добрым отношением, то Алеша, спасший тонущего человека, исчезает без вести. Открытый финал произведения обнаруживает присутствие концепта «Смерть» («Может, замерз под забором...»), что в таком контексте делает не только смерть, но и жизнь бессмысленной и несправедливой.

Бессмысленно и нелепо «умер от паралича сердца» Николай Дмитриевич, герой рассказа «Большой шлем» (1899 г.), в основе сюжета которого лежит мотив смерти во время успеха за карточным столом.

В художественном пространстве данного художественного текста «Игра» представляет собой субконцепт, когнему, встроенную в структуру биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть», составляющего лингво-когнитивный уровень языковой личности Л. Андреева. Корнеева Е.В. в своем диссертационном исследовании утверждала, что игра — это инвариант неблагополучия, недовольства собой, попытка защитить себя от боли, наносимой реальной действительностью, уйти от нее (Корнеева, 2004: 10).

Так, эмоционально-оценочный пласт художественного концепта «Жизнь» в рассказе вербализован лексемами *ярмо, кровь, слезы, стоны*, которые намеренно сосредоточены автором в одном фрагменте текста, характеризующем окружающий Николая Дмитриевича мир: «Дряхлый мир покорно нес тяжелое ярмо бесконечного существования и то краснел от крови, то обливался слезами, оглашая свой путь в пространстве стонами больных, голодных и обиженных. Слабые отголоски этой тревожной и чуждой жизни приносил с собой Николай Дмитриевич». Совершенно внезапно для читателя Л. Андреев создает такой ужасающий образ реального мира, от которого зыбкой стеной отделены игроки. Здесь и проявляется прагматический уровень языковой личности творца, остро чувствующего социальную несправедливость, шаткость мира и глобальную разобщенность людей. Неудивительно, что погибает именно Николай Дмитриевич, которым совершенно необъяснимо оказывается единственным, кто соприкасается с миром реальным, неигровым.

Мотивационный уровень языковой личности проявляется также и в композиционной стратегии текстопорождения. Текст лишен экспозиции и открывается неопределенно-личным односоставным предложением: «Они играли в винт три раза в неделю...». Эта фраза выражает категорию постоянства, характеризующую жизнь как миропорядок, проявляющийся в привычном образе жизни отдельных людей. Интересно, что именно игра является оппозицией миропорядку с его строгой иерархичностью. Это словно две крайности одного явления — жизнь. Высокая степень концентрации лексемы *игра* в рассказе «Большой шлем» усиливает ощущение абсурдности жизни и формирует оценочный пласт художественного биполярного концепта «Жизнь/Смерть», эксплицируемого в коммуникативной ситуации — денотативном основании текста. Пытающиеся забыть за карточной игрой уже, казалось бы, близкие друг другу люди получают обратный эффект: игра диктует им свои правила, лишая свободы и чувств. Напуганные близостью смерти («*Яков Иванович мелкими и неуверенными шагами ходил по комнате, стараясь не глядеть на покойника...*»), герои оказываются обеспокоенными лишь одним: «— *А где же мы возьмем теперь четвертого?*» Опустошенный бесконечной игрой внутренний мир героев заставляет читателей стереть грань между живыми Яковом Ивановичем, Евпраксией Васильевной, Прокопием Васильевичем и мертвым Николаем Дмитриевичем.

Именно в таком направлении «обесценивания» жизни и будет двигаться Л. Андреев в более поздних рассказах, которые могут стать объектом внимания отдельного исследования.

Заключение

Идиостиль Л. Андреева, представляющий собой языковое средство реализации идиолектной личности автора, на всех уровнях (лексическом, синтаксическом, экстралингвистическом, композиционном и стилистическом) пронизан пафосом одиночества и людской разобщенности. Именно такое восприятие окружающей действительности определило особенности экспликации биполярного концепта «Жизнь/Смерть», доминантного в идиостиле Л. Андреева.

Для лексического уровня идиостиля характерно смещение смысловых акцентов слов с отрицательной коннотацией, которые либо определяют качество жизни героя, либо специфику его отношений с окружающими (*ярмо, кровь, слезы, стоны, пьянство* и др.). Не стремясь нивелировать ценность человеческой жизни как таковой, Л. Андреев размышляет над страшными последствиями духовной смерти. Он заставил проникнуться жутким, леденящим сознанием непроницаемой пропасти, лежащей между человеком и человеком.

Синтаксический уровень экспликации биполярного концепта «Жизнь/Смерть» представлен парцелляциями, фигурами умолчания, восклицательными предложениями, раскрывающими эмоциональное состояние людей, оказавшихся в ситуации, меняющей их жизнь.

Композиционный уровень отличается особой организацией художественного времени и пространства, всецело подчиненного авторскому мировосприятию (возрождение души героя происходит в канун Пасхи, людская разобщенность проявлена в замкнутом пространстве, которое, казалось бы, должно их объединять др.).

Таким образом, идиостиль определяется как единство словесно-художественных средств, отражающих авторскую лингвопрагматику и эстетику контраста, обусловленную сюрреалистическим сознанием писателя репрезентацию мега-концепта «Жизнь/Смерть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики: монография. Волгоград: Перемена, 1999. 274 с.
- Акетина О.С.* Концептуальный анализ художественного текста и художественный концепт // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 3. С. 3–8.
- Андреев Л.Н.* Литературное наследство. Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка. М.: Наука, 1965. 630 с.
- Аскольдов (Алексеев) С.А.* Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
- Бикмухаметова Р.М.* Концепты «жизнь» и «смерть» в русском и башкирском языках (на материале паремиологических и фразеологических единиц) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 35 (326). С. 19–22.

- Демецкая В.В.* Адаптация в переводе: теоретический аспект // IX Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения» 18–20 октября 2007 г.: тез. докл. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 25–26
- Дзюба Е.В.* Концепты Жизнь и Смерть в поэзии М.И. Цветаевой // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2005. Вып. 15. С. 181–189.
- Золотых Л.Г., Бочарникова И.В.* Антиномическая природа концепта «Жизнь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методики их преподавания. 2012. Вып. 3. С. 12–18.
- Иноземцева Е.* Пьяненькие. Образы алкоголиков в русской литературе на примере Мармеладова и Венички [Электронный ресурс]. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=9879> (дата обращения: 17.07.2017).
- Ипанова О.А.* Концепт «Жизнь» в русской языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 223 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Корнеева Е.В.* (КАРЯКИНА Мария Валерьевна) Феномен игры в творчестве Леонида Андреева: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 214 с.
- Краснова Т.И.* Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 504 с.
- Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка: 2000 антоним. пар. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л.А. Новикова. М.: Рус. яз., 1984. 384 с.
- Маяковский В.В.* Стихотворения, поэмы, статьи 1912–1917. М.: Директ-Медиа, 2014. 395 с.
- Миллер Л.В.* Когнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 303 с.
- Михайловский Н.К.* О Л.Н. Андрееве. Воспоминания и исследования. И.Ф. Анненский, С.А. Венгерова, М.А. Волошин, Н.К. Михайловский, Н.К. Рерих. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2015. 114 с.
- Михайловский Н.К.* Рассказы Леонида Андреева. Страх жизни и страх смерти [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0210.shtml (дата обращения: 11.07.2017).
- Михеичева Е.А.* Феномен самоубийства в «раннем» творчестве Л. Андреева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 149–154.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: ОНИКС, 1997. 944 с.
- Орлова Е.Г.* Методология и методики современной лингвоконцептологии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. Вып. 2. С. 166–172.
- Осипова А.А.* Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В.П. Астафьева: монография. М.: Флинта; Наука, 2012. 200 с.
- Пинг Ли Джунан, Чернцова Е.В.* Концепты Жизнь и Смерть в русском языке // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Сер.: Філологія. 2010. Вип. 60. Ч. I. С. 114–119.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. 191 с.
- Прохорова О.Н., Чекулай И.В.* Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ как отражение высших ценностей в языке и речи // Единство системного и функционального анализа языковых единиц:

материалы междунар. науч. конф., 11—13 апр. 2006 г.: в 2 ч. / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. Белгород, 2006. Вып. 9. Ч. 1. С. 209—216.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка: в сопоставительном лингвокультурном аспекте / под ред. Г.П. Нещименко. М.: Наука, 2002. С. 152—170.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: около 100 000 слов. М.: Аделант, 2013. 800 с.

Хайруллина Д.Д. Бинарные концепты «Огонь» и «Вода» как фрагмент языковой картины мира: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 237 с.

Judy Pearsall, Bill Trumble. Oxford English Reference Dictionary. London: Oxford University Press, 2002.

Garzanti italiano (Italian Language). Milano: Garzanti linguistica, 2004.

© Прохорова А.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.10.2017

Дата принятия к печати: 25.02.2018

Для цитирования:

Прохорова А.В. Биполярность концепта «жизнь/смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 224—241. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-224-241

Сведения об авторе:

Прохорова Алина Владимировна, аспирант кафедры филологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета. Сфера научных интересов: лингвокультурология. Контактная информация: magomedova27@yandex.ru

THE BIPOLARITY OF THE CONCEPT “LIFE/DEATH” IN THE DISCURSIVE SPACE OF EARLY STORIES BY LEONID ANDREYEV

A.V. Prochorova

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
Education “Belgorod State National Research University”
85, Pobedy str., Belgorod, Belgorod region, 308015, Russian Federation

The article considers the phenomenon of bipolarity of the concept Life/Death and peculiarities of its verbalisation in the early works of Leonid Andreev. The main purpose of this paper is to acknowledge and describe the way and means of the concept explication of the Life/Death concept and estimate of

its bipolar nature. The importance of the paper is defined by the growing interest in the realising of the cognitive structure of a certain kind — bipolar fictional concept whose text-creating role in the opposite discourse has not been studied enough. For Leonid Andreev this bipolar fictional concept is Life/Death. As N.K. Mikhailovsky said “the fear of death, the fear of life... are as such axe-carved parts” which have become dominant for the “Russian Allan Poe”. This paper evaluates how the internal Conflict of the writer is transformed into a major bipolar concept.

Key words: oppositional discourse, bipolar concept, fictional concept “Life/Death”, cultural linguistics

REFERENCES

- Alefirenko, N.F. (1999). *Spornye problemy semantiki [Controversial Semantics]*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ).
- Aketina, O.S. (2013). Kontseptual’nyi analiz khudozhestvennogo teksta i khudozhestvennyi kontsept. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Conceptual analysis of artistic text and artistic concept. Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History]*. 3, 3–8. (In Russ).
- Andreev, L.N. (1965). *Literaturnoe nasledstvo. Gor’kii i Leonid Andreev: Neizdannaya perepiska [Literary heritage. Gorky and Leonid Andreev: Unpublished correspondence]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
- Askol’dov (Alekseev), S.A. (1997). Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology* (pp. 267–279). Moscow: Academia Publ. (In Russ).
- Babushkin, A.P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language]*. Voronezh: Voronezh. gos. un-ta Publ. (In Russ).
- Bikmukhametova, R.M. (2013). Kontsepty «zhizn’» i «smert’» v russkom i bashkirskom yazykakh (na materiale paremiologicheskikh i frazeologicheskikh edunitsakh). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Concepts of “life” and “death” in Russian and Bashkir languages (on the basis of paremiological and phraseological units). Bulletin of the Chelyabinsk State University]*. 35 (326), 19–22. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russ).
- Demetskaya, V.V. (October 18–20, 2007). Adaptatsiya v perevode: teoreticheskii aspekt [Adaptation in translation: theoretical aspect]. *Proceedings of the IX International Scientific Conference on Translation Studies “Fedorov Readings”* (pp. 25–26). Saint Petersburg: Fakul’tet filologii i iskusstv SPBGU Publ. (In Russ).
- Dzyuba, E.V. (2005). Kontsepty Zhizn’ i Smert’ v poezii M.I. Tsvetaevoi [Concepts of Life and Death in M.I. Tsvetaeva]. *Political Linguistics*. (pp. 181–189). Ekaterinburg: Ekaterinburg Publ. (In Russ).
- Zolotykh, L.G., Bocharnikova, I.V. (2012). Antinomicheskaya priroda kontsepta «Zhizn’». *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya [The antinomic nature of the concept “Life”. Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of its teaching]*. 3, 12–18. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ. (In Russ).
- Inozemtseva, E. *Pyanenkie. Images of alcoholics in Russian literature on the example of Marmeladov and Venichki*. Retrieved July 17 2017 from: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=9879>.
- Ipanova, O.A. (2005). *Kontsept «Zhizn’» v russkoi yazykovoi kartine mira [Concept “Life” in the Russian language picture of the world]* (Dissertation kand. fil. nauk. Saint Petersburg). (In Russ).
- Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and language person*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
- Korneeva, E.V. (2004). *Fenomen igry v tvorchestve Leonida Andreeva [The phenomenon of the game in the works of Leonid Andreev]* (Dissertation kand. fil. nauk. Ekaterinburg). (In Russ).

- Krasnova, T.I. (2015). *Fenomen oppozitivnosti gazetnogo diskursa russkogo zarubezh'ya 1917—1920 (22) gg.* [The phenomenon of the opposition of the newspaper discourse of the Russian diaspora in 1917—1920 (22)]. [Author's abstr. dok. fil. nauk]. Ekaterinburg. (In Russ).
- L'vov, M.R. (1984). *Dictionary of the antonyms of the Russian language: 2000 antonym. pairs.* Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russ).
- Mayakovskii, V.V. (2014). *Stikhotvoreniya, poemy, stat'i 1912—1917.* Moscow: Direkt-Media Publ. (In Russ).
- Miller, L.V. (2004). *Kognitivnye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoi kartiny mira (na materiale russkoi literatury)* [Cognitive mechanisms of the formation of the artistic picture of the world (on the basis of Russian literature)]. [Author's abstr dok. fil. nauk]. Saint Petersburg. (In Russ).
- Mikhailovskii, N.K. (2015). *O L.N. Andreev. Vospominaniya i issledovaniya* [About L.N. Andreev. Memories and research]. Moscow-Berlin: Direkt-Media Publ. (In Russ).
- Mikhailovskii, N.K. *Stories of Leonid Andreev. Fear of life and the fear of death.* Retrieved July 11, 2017. from: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0210.shtml
- Mikheicheva, E.A. (2012). Fenomen samoubiistva v «rannem» tvorchestve L. Andreeva. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The phenomenon of suicide in the “early” works of L. Andreev. *Uchenye zapiski Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*]. 149—154. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russ).
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1997). *Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions.* Moscow: ONICS Publ. (In Russ).
- Orlova, E.G. (2013). Metodologiya i metodiki sovremennoi lingvokontseptologii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Methodology and methods of modern linguo-conceptology. *Bulletin of the Udmurt University. A series of History and Philology*]. 2, 166—172. Udmurtiya: Udmurtskii universitet Publ. (In Russ).
- Osipova, A.A. (2012). *Kontsepty «Zhizn'» i «Smert'» v khudozhestvennoi kartine mira V.P. Astaf'eva* [Concepts “Life” and “Death” in the art picture of the world. *Astaf'eva*]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ).
- Ping Li, Dzhian & Cherntsova, E.V. (2010). Kontsepty Zhizn' i Smert' v russkomazykye. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu im. V.N. Karazina. Ser.: Filologiya* [Concepts of Life and Death in Russian. *Bulletin of the Kharkiv National University. VN Karazin Ser.: Philology*]. 60, 14—119. Kharkiv: Kharkivs'kii natsional'naiy universitet Publ. (In Russ).
- Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2002). *Essays on cognitive linguistics.* Voronezh: Istoki Publ. (In Russ).
- Prokhorova, O.N. & Chekulai, I.V. (2006). Kontsepty ZHIZN' i SMERT' kak otrazhenie vysshikh tsennostei vazyke i rechi [Concepts LIFE and DEATH as a reflection of higher values in language and speech]. *Unity of the systemic and functional analysis of linguistic units: materials of the international. sci. conf* (pp. 209—2016). Belgorod: belgorodskii gos. uni. Publ. (In Russ).
- Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research.* Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” Publ. (In Russ).
- Ufimtseva, N.V. (2002). Kul'tura i problema zaimstvovaniya [Culture and the Problem of Borrowing]. *Meetings of Ethnic Cultures in the Mirror of the Language: In a comparative linguocultural aspect* (pp. 152—170). Moscow. (In Russ).
- Ushakov, D.N. (2013). *Explanatory dictionary of the modern Russian language.* Moscow: Adelant Publ. (In Russ).
- Khairullina, D.D. (2009). *Binarnye kontsepty “Ogon'” i “Voda” kak fragment yazykovoi kartiny mira* [Binary concepts “Fire” and “Water” as a fragment of the language picture of the world] (Dissertation kand. fil. nauk. Kazan'). (In Russ).

Pearsall, J. & Trumble, B. (2002). *Oxford English Reference Dictionary*. London: Oxford University Press. (In Eng).

Garzanti italiano (Italian Language) (2004). Milano: Garzanti linguistica (In Italian).

Article history:

Received: 15.10.2017

Accepted: 25.02.2018

For citation:

Prochorova A.V. (2018) The bipolarity of the concept “life/death” in the discursive space of early stories by Leonid Andreyev. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 224–241. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-224-241

Bio Note:

Prokhorova Alina, PhD student, chair of Philology, pedagogical Institute of the state Autonomous educational institution of higher education “Belgorod state national research University”. *Research interests*: linguistic and culture. *Contact information*: magomedova27@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-242-247

ИОСИФ АБРАМОВИЧ СТЕРНИН: УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК...

А.В. Рудакова

Воронежский государственный университет
Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская площадь, 1

Иосиф Абрамович Стернин в цифрах:

- более 1300 научных и иных публикаций на русском и иностранных языках, из которых более 40 монографий, 60 учебных пособий;
- научный руководитель и консультант 76 кандидатских и 14 докторских диссертаций;
- научный редактор более 200 научных изданий (монографий, пособий сборников статей);
- оппонент более чем по 100 кандидатским и докторским диссертациям;
- индекс Хирша — 49;
- 20 лет — заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ.

Иосифу Абрамовичу Стернину исполняется 60. Глядя на него — подвижного, стремительного, энергичного, фонтанирующего идеями, приводящего в постоянное движение к научному росту всех окружающих, понимаешь, что 60 лет — это возраст научного расцвета ученого, перед которым широко открыта дорога в еще не изведанные научные дали», — писала 10 лет назад Зинаида Даниловна Попова, основатель Воронежской лингвистической научной школы, а все эти слова справедливы и сейчас.

Иосиф Абрамович Стернин настолько значимая фигура в Воронеже, России, да и за рубежом, что только перечисление того, что он сделал, организовал, требует и места, и времени: заместитель председателя Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики; президент Воронежской риторической ассоциации; член международной прагмалингвистической ассоциации; директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета; член общества научно-технического и культурного сотрудничества с Германией; член Экспертного совета по применению законодательства о рекламе при Воронежском УФАС РФ; заместитель председателя общественного консультативного совета по русскому языку в сфере публичного использования при Воронежской областной думе; член союза журналистов России. И это не весь список его деятельности. Самое главное: Иосиф Абрамович — замечательный и ученый, и педагог, и просветитель, и просто человек.

Иосиф Абрамович Стернин — профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ. Сфера его научных интересов настолько разнообразна, что невольно приходит на ум фигура и значимость первого русского ученого М.В. Ломоносова. Статьи о профессоре, докторе филологических наук Иосифе Абрамовиче Стернине включены в энциклопедии «Русский язык» (М., 1997) «Ведущие языковеды мира» (М., 2000); «Славянские языковеды» (М., 2005), «Воронежскую историко-культурную энциклопедию» (Воронеж, 2006), в справочники «Воронежский государственный университет. Ведущие научные школы» (Воронеж, 2001), «Воронежцы. Известные люди в истории края» (Воронеж, 2011) и др.

Иосифу Абрамовичу Стернину принадлежат теоретические труды по проблемам дейксиса, варьирования значения слова в речи, по компонентному анализу значения слова, проблемам социолингвистики и методов лингвистических исследований, основные положения которых изложены в работах: «Проблемы анализа структуры значения слова» (Воронеж, 1979), «Лексическое значение слова в речи» (Воронеж, 1985), «Язык и национальная картина мира» (Воронеж, 2002, в соавт.), «Очерки по когнитивной лингвистике» (Воронеж, 2001, в соавт.), «Семантико-когнитивный анализ языка» (Воронеж, 2007, в соавт.), «Общее языкознание» (М., 2007, гриф УМО), «Основы теории языка и коммуникации» (М., 2012, гриф УМО, в соавт.), «Семантический анализ слова в контексте» (Воронеж, 2013, в соавт.), «Теоретические проблемы семной семасиологии» (Воронеж, 2013, в соавт.), «Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания» (М., 2014, в соавт.), «Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы: в 2 ч.» (Москва — Берлин, 2016), «Словарные дефиниции и семантический анализ» (Воронеж, 2017, в соавт.).

Иосиф Абрамович Стернин открыл новое научное направление — коммуникативную лингвистику, определил базовые категории этого направления (коммуникативное сознание, коммуникативное поведение, коммуникативная личность). На основе этих категорий изучаются особенности языкового общения людей, относящихся к разным социальным группам: «Коммуникативное поведение младшего школьника» (Воронеж, 2000, в соавт.), «Коммуникативные аспекты толерантности» (Воронеж, 2001, в соавт.), «Коммуникативное поведение дошкольника» (Воронеж, 2004, в соавт.), «Профессиональная коммуникативная личность» (Воронеж, 2007, в соавт.), «Речевая культура государственного служащего» (Воронеж, 2012, в соавт.), «Общение с разными типами собеседников» (Воронеж, 2013), «Анализ коммуникативных ситуаций» (Воронеж, 2013) и др. Уже изучено и описано коммуникативное поведение людей разных стран — немцев, американцев, англичан, китайцев, финнов, русских и др.: «Очерк русского коммуникативного поведения» (Галле, 1991), «Очерк американского коммуникативного поведения» (Воронеж, 2001, в соавт.), «Очерк английского коммуникативного поведения» (Воронеж, 2003, в соавт.), «Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде» (Воронеж, 2009, в соавт.). Сделаны наблюдения над сходством и различиями категорий разных языков, обнаружены концептуальные лакуны в концептосферах разных народов. Это позволило по-новому пред-

ставить ряд проблем контрастивной лингвистики: «Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии» (Галле, 1989, в соавт.), «Контрастивная лексикология и лексикография» (Воронеж, 2006, в соавт.), «Контрастивная лингвистика» (М., 2007, в соавт.).

Иосиф Абрамович Стернин — ведущий специалист по психолингвистике в Воронежской области: член совета Российской психолингвистической ассоциации; председатель Воронежской психолингвистической ассоциации; член Международной ассоциации прикладной психолингвистики. Его работы и идеи воплощены во многих диссертационных исследованиях его учеников, в монографиях и научных работах, основные из них следующие: «Экспериментальные методы в семасиологии» (Воронеж, 1989, в соавт.), «Психолингвистика» (М., 2006, в соавт.), «Языковое сознание жителей Воронежа» (Воронеж, 2010), «Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы» (Saarbrücken, 2011, в соавт.), «Психолингвистические методы в описании семантики слова» (Воронеж, 2016, в соавт.) и др. Под руководством Иосифа Абрамовича Стернина формируется база для психолингвистических словарей русского языка.

Как председателя Воронежской ассоциации экспертов-лингвистов, члена Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, входят в сферу интересов Иосифа Абрамовича Стернина и исследования, связанные с лингвокриминалистикой. Иосиф Абрамович руководит дополнительной специализацией при Центре коммуникативных исследований ВГУ и одноименной магистерской программой «Лингвокриминалистика», регулярно выступает лингвоэкспертом в спорных вопросах. Основные идеи этого направления отражены в его учебных пособиях «Экспертиза товарного знака» (Воронеж, 2013, в соавт.), «Основы лингвокриминалистики» (Воронеж, 2018).

Научные идеи Иосифа Абрамовича Стернина настолько интересны большому кругу исследователей, что он часто приглашается для чтения лекций не только в российские учебные заведения (Белгород, Благовещенск, Борисоглебск, Липецк, Мурманск, Салехард, Санкт-Петербург, Тверь, Тобольск, Тольятти, Тюмень, Ярославль и др.), но и зарубежные университеты: Институт славистики университета им. М. Лютера (ФРГ), Орхусский и Копенгагенский университеты (Дания), университеты Ювяскюля и Хельсинки (Финляндия), Варшавский университет (Польша), Венский экономический университет (Австрия), Бишкекский славянский университет (Киргизия) и др.

Иосиф Абрамович Стернин руководит многими грантами, например, такими: «Русское обыденное языковое сознание» (2009—2013) в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»; региональный грант № 01201263917 «Исследование языкового и коммуникативного сознания современной молодежи» (2012—2014); проект «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», Аналитическая ведомственная целевая программа Минобрнауки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2011), проект 556; региональный грант № 01201263917 «Исследование языкового и коммуникативного сознания современной молодежи»

(2012—2014); грант РГНФ № 12-04-00128а «Теоретические проблемы разработки и создания Психолингвистического толкового словаря современного русского языка» (2012—2014), грант РГНФ № 15-04-00250а «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)» (2015—2017) и др.

Иосиф Абрамович Стернин — замечательный педагог. Студенты, которым повезло побывать на его лекциях, заражаются его научными интересами: как один, хотят заниматься семантическим анализом, проводить эксперименты, а потом анализировать, думать, писать статьи. Но не только студенты любят Иосифа Абрамовича — педагога. Молодые преподаватели, коллеги (большинство из которых его же бывшие студенты), с удовольствием перенимают методику преподавания, манеру общения со студентами, а удивительный педагог с большой радостью показывает, рассказывает и подсказывает. Только к нему на консультацию всегда очередь из студентов, коллег и всех, кому нужна помощь и совет мудрого ученого. Иосиф Абрамович Стернин отличается от многих известных ученых тем, что он готов делиться с учениками своими новыми идеями, не жалея потом, кому будет принадлежать это открытие. Он по-настоящему рад за каждого, кто смог конкретизировать и развить его научную мысль.

Природа одарила Иосифа Абрамовича Стернина даром великого организатора. С 1975 г. он организовал на базе Воронежского государственного университета более 50 межвузовских, региональных и всероссийских конференций и научных семинаров по проблемам теоретического языкознания и культуры речи. Любое мероприятие (конференция, мастер-класс, семинар, тренинг, радиопередача) требует тщательной подготовки. Его умение организовать научную работу и отдых просто поражает окружающих его людей. Со стороны кажется, что это так естественно, легко. Однако каждый прошедший его школу оргкомитетов теперь знает, чего эта «легкость» стоит. Одно из его любимых слов — «регламент». Иосиф Абрамович Стернин научил нас, его учеников, ценить свое и чужое время: по плану начинать и завершать мероприятие, соблюдать регламент при выступлении, при подаче статьи.

Неоспоримое достоинство Иосифа Абрамовича Стернина и то, что он умеет «собирать» команду (кафедры, проблемной группы, единомышленников), которые, поработав рядом с ним, заражаются стремлением разделять его идеи и убеждения. Двадцать лет Иосиф Абрамович Стернин был заведующим кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета. Все сотрудники кафедры могут сказать, что он — лучший начальник «всех времен и народов»: на кафедре царила демократия, учитывалось мнение каждого, задания распределялись с учетом индивидуальных особенностей, организовывались общий досуг. Заложенные им традиции поддерживаются и сегодня.

Иосиф Абрамович Стернин — неутомимый просветитель. Он не устает рассказывать, писать о русском языке, культуре речи и культуре общения. Благодаря его подвижнической деятельности в г. Воронеже желающих «следить» за своей речью, оберегать русский язык становится все больше и больше. С 2002 г. Иосиф Абрамович Стернин — организатор и руководитель воронежской «Службы

русского языка», которая ежедневно по телефону отвечает на вопросы жителей города и области. Более 15 лет он — автор и ведущий еженедельной радиопередачи «Территория слова» по ВГТРК.

Более 10 лет ежегодно под руководством и при непосредственном участии Иосифа Абрамовича Стернина в г. Воронеже проводятся городской конкурс «Самый грамотный» в Международный день грамотности (8 сентября); городской праздник «Территория слова» в Международный день родного языка (21 февраля) на базе областной библиотеки им. И.С. Никитина, городской конкурс «Зримая вежливость»; организовываются выездные Дни русского языка (п.г.т. Анна, г. Борисоглебск Воронежской области и др.), в рамках которых читаются научно-популярные лекции о русском языке и культуре речи, проводятся встречи со школьниками и жителями районных населенных пунктов.

Юбиляр является инициатором разработки, автором программы и комплекса учебных пособий по учебному предмету «Культура общения» для средней школы, который с 1997 по 2005 г. был введен с 1 по 9 класс во всех школах Воронежской области как региональный предмет. Для профессионального преподавания «Культуры общения» под руководством Иосифа Абрамовича Стернина на базе Воронежского института повышения квалификации и переподготовки работников образования подготовлено более 1000 учителей.

Иосиф Абрамович Стернин известен и как прекрасный оратор. Его лекции в рамках проекта «Большой университет — большому городу» посещает большое количество желающих услышать и увидеть образец ораторского искусства. В руководимом им Центре коммуникативных исследований ВГУ для воронежцев проводятся коммуникативные курсы «Риторика», «Деловое общение». Опытный оратор не боится делиться своими риторическими знаниями и умениями: был выпущен целый ряд учебных пособий по риторике и речевому воздействию («Практическая риторика». М., 2012. Гриф УМО; «Практическая риторика в объяснениях и упражнениях для тех, кто хочет научиться говорить». Воронеж, 2015; «Основы речевого воздействия». Воронеж, 2012; «Общение с агрессивным собеседником». Воронеж, 2013, в соавторстве и др.). С 1994 г. Иосиф Абрамович Стернин — организатор и председатель жюри конкурса «Фестиваль риторики» для учащихся школ Воронежской области, конкурса дебатов среди школьных команд.

Перечислить все сферы деятельности Иосифа Абрамовича Стернина сложно, но главным является то, что он — замечательный Человек. В первую очередь поражает его открытость и доступность. Часто человек, достигший определенного статуса, становится малодоступным для обычных людей. А к Иосифу Абрамовичу Стернину тянутся люди, независимо от возраста и статуса. На конференциях каждый хочет подойти и пообщаться с Иосифом Абрамовичем, а он, несмотря на усталость, для каждого находит добрые слова. Его стремление заботиться о коллегах, друзьях и малознакомых людях вызывает благоговение. Каждый соприкоснувшийся с ним может рассчитывать на его поддержку и помощь в трудную минуту. Иосиф Абрамович одарен большой мудростью, поэтому в сложной ситуации все знают, что к нему можно прийти за советом, а иногда и просто за тем, чтобы его выслушали.

Я рада, что с гордостью могу сказать: «Мне посчастливилось быть рядом с замечательным человеком — Иосифом Абрамовичем Стерниным! Ученым, Учителем, Другом...» А пожелать в день рождения хочется многого: здоровья, новых научных идей, новых интересных проектов, благодарных учеников!

© Рудакова А.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22.01.2018

Дата принятия к печати: 30.01.2018

Для цитирования:

Рудакова А.В. Иосиф Абрамович Стернин: Ученый, Учитель, Человек... // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 242–247. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-242-247

Сведения об авторе:

Рудакова Александра Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, ученица Иосифа Абрамовича Стернина. *Контактная информация:* a-rudakova@list.ru

Article history:

Received: 22.01.2017

Accepted: 30.01.2018

For citations:

Rudakova A.V. (2018) Joseph Abramovich Sternin: Scientist, Teacher, Person. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 242–247. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-242-247

Bio Note:

Rudakova A.V., PhD.N., associate Professor of General linguistics and stylistics, Voronezh state University, student Joseph Abramovich Sternin.

Contact information: a-rudakova@list.ru

DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-248-250

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Московкина Л.В., Шамониной Г.Н. Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному / под ред. Л.В. Московкина. М.: Русский язык. курсы, 2017. 144 с.

Н.П. Чернева

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски”
Болгария, Пловдив, 4000 Център, ул. Цар Асен, 24

Методическая новинка издательства «Русский язык. Курсы» **Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному** — очередной подарок профессора Санкт-Петербургского государственного университета Л.В. Московкина и профессора Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра Г.Н. Шамониной искусственным инновациями в обучении русскому языку как иностранному.

Книга творческого тандема выдающихся методистов отличается оригинальностью современной концепции формирования коммуникативной компетенции и универсальностью предлагаемого лингводидактического инструмента, представляющего собой оптимальное сочетание научной разработки продуктивных инновационных технологий и определенных моделей их применения в образовательную практику.

Являясь логическим продолжением монографического исследования «Инновации в обучении русскому языку как иностранному» (2013), этот труд Л. Московкина и Г. Шамониной — результат последующих научных изысканий талантливых ученых и педагогов, сумевших обобщить многолетний опыт инновационной педагогической деятельности ряда русских и болгарских учителей русского языка как иностранного, университетских преподавателей, лучшие работы ученического и студенческого творчества, представленных и обсуждаемых в рамках традиционной для Варненского свободного университета и пользующейся заслуженным авторитетом Международной квалификационной школы «Современные педагогические технологии в преподавании русского языка как иностранного».

В фокусе внимания авторов особое направление в лингводидактике, определяемое ими как «непрямое обучение», представленное в совокупности продуктивных инновационных технологий, применяемых в процессе выполнения иностранными учащимися какой-либо продуктивной деятельности на русском языке и обладающих большим образовательным потенциалом.

Среди несомненных достоинств исследования:

- научная новизна и актуальность методической проблематики в свете лично ориентированной парадигмой в лингводидактике;
- реальная связь теории с практикой;
- практическая ценность рекомендуемых технологий и моделей их использования.

Глава 1 посвящена теоретическим аспектам обучения иностранному языку с использованием продуктивных инновационных технологий. В ней авторы выявляют специфику современной педагогической инноватики как нового научного направления, развивающегося в контексте идей лично ориентированного обучения, четко обозначив разграничение использованных в разработке терминов и понятий, таких как «технология обучения», «методика обучения», «методическая концепция», «традиционные и инновационные технологии обучения».

Особое место уделяется теоретическому осмыслению общих существенных признаков инновационных продуктивных технологий (конструирование модели реальной продуктивной деятельности, включающей подготовку, публичную презентацию и обсуждение как составляющие непрямого обучения иностранному языку; возможность использования этих технологий на всех этапах обучения иностранному языку для развития речевых навыков; психологическая специфика подобного рода речевого общения, в котором интерес и понимание полезности такой деятельности является мотивирующим фактором, а применение в реальных ситуациях жизни ведет к удовлетворению познавательных и творческих потребностей; демонстрация результативности; отбор, расположение, введение, организация усвоения и контроля предметно-тематического материала).

В главах 2—6 подробно представлены соответственно экскурсионная, театральная, проблемная, проектная технологии и технология работы с портфолио, применяемые в целях оптимизации обучения иностранному языку и предполагающие творчество обучающихся, «изменение характера деятельности и способов взаимодействия субъектов образовательного процесса, смена приоритетов — от трансляции знания к созданию условий для более полной реализации личностного потенциала... в учебно-познавательной, информационно-поисковой, исследовательской, творческой или оценочной деятельности» (с. 135). Теоретическое описание каждой из рассмотренных продуктивных инновационных технологий базировано на солидных научных концепциях и подходах. Наличие методических рекомендаций с соответствующими ссылками и практическими примерами облегчают работу и обеспечивают высокую эффективность процесса обучения.

Логичность структурирования и композиционное единство в разработке теоретического материала, в описании дидактически ценных элементов и в представлении практических примеров говорит об особой, не так часто встречаемой эстетике даже формального выполнения разработки.

Следует подчеркнуть полифункциональность и вариативность использования новой книги Л.В. Московкина и Г.Н. Шамониной как в академических целях при создании отдельного лекционного курса, так и в качестве мастер-классов в рамках дополнительной подготовки или переподготовки кадров, на курсах повышения педагогической квалификации преподавателей не только русского языка как иностранного, но и иностранных языков в целом.

В руках читателя учебно-методическое пособие, которое может быть использовано на всех этапах обучения русскому языку как иностранному, и будет полезно не только учителям и преподавателям, студентам и аспирантам, но и всем, кто интересуется преподаванием иностранных языков, — из немногих таких, создающих высокие профессиональные стандарты и формирующих парадигмы современного взгляда на лингводидактику в свете выявления компетентностного поля творческой личности учащегося.

© Чернева Н.П., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.12.2017

Дата принятия к печати: 25.01.2018

Для цитирования:

Чернева Н.П. Рец. на кн.: Московкина Л.В., Шамониной Г.Н. Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2018. Т. 16. № 2. С. 248—250. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-248-250

Сведения об авторе:

Чернева Надя П., доктор филологических наук, доцент. *Сфера научных интересов:* сопоставительное языкознание, философия языка, культурная антропология, лингвокультурология, этнолингвистика, межкультурная коммуникация, теория и практика обучения иностранным языкам. Автор более 50 научных работ, монографии «Прецедентные феномены русского лингвокультурного дискурса» и учебного пособия «Династия Романовых. Штрихи к портрету»; координатор и участник многих европейских научно-исследовательских и образовательных проектов; руководитель Международного научно-практического семинара «Обучение переводческому мастерству». *Контактная информация:* ncherneva9@gmail.com

Article history:

Received: 18.12.2017

Accepted: 25.01.2018

For citation:

Cherneva N.P. (2018) Review of the book Moskovkina L.V., Shamonina G.N. “Productive innovative technologies in teaching Russian as a foreign language”. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 248—250. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-248-250

Bio Note:

Cherneva N.P., PhD of Russian Philology Department and International Relations Vice Dean of the Faculty of Languages and Literature at Plovdiv University “Paisii Hilendarski”. *Research interests:* linguodidactics, linguistic competence, ethnolinguistics and cultural realia in Slavic countries, comparative linguistics. Author of more than 50 scientific researches. Head of the Russian Language and Culture Centre, Vice President of the European Association VIA LIGHT — Europe in support of multilingualism, team member and coordinator of major international cultural projects. *Contact information:* ncherneva9@gmail.com

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36433

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»

Количество комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

36433

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
